

Мохаммад-Казем Мазинани

ШАХ БЕЗ БУКВЫ «Ш»

Перевод с фарси *Асии Исабаевой*

«Турар»
Бишкек 2015

УДК 821.21/.22
ББК 84 (5 Ирн)
М 86

سفرات جمهوری اسلامی ایران در قرقیزستان
وابسته فرهنگی

Культурное представительство при Посольстве
Исламской Республики Иран в Кыргызстане

Перевод с фарси Асии Исабаевой

Мохаммад-Казем Мазинани.

М 86 **Шах без буквы «ш»** / Пер. А. Исабаева. – Б.:
«Турар», 2015. – 292 с.

ISBN 978-9967-15-483-4

Исторический роман Мохаммада-Казема Мазинани «Шах без буквы «ш» является современным взглядом на жизнь последнего иранского шаха Мохаммеда Резы Пехлеви. Сюжет книги начинается с болезни шаха. Далее в ретроспективе автор показывает его детство, юношество, зрелые годы вплоть до старости и последних минут жизни. Автором показаны взгляды шаха по отношению к своим супругам, обществу, миру, окружению, бытовым вещам и даже его отношение к животным. Мазинани удачно выбрал название романа «Шах без буквы «ш», и в персидском языке звучит как «Ах». Это вздох грусти и сожаления по ушедшим дням, женам, амбициям, провалу и неудачам. Автор смог показать приниженность человека, когда-то находившегося на пике власти; человека, предавшего свой народ...

М 4703020100-15

УДК 821.21/.22
ББК 84 (5 Ирн)

ISBN 978-9967-15-483-4

© Культурное представительство
при Посольстве Исламской
Республики Иран
в Кыргызстане, 2015

Врагом павлину стали перья его...

Мавлана Джалал ад-дин Руми

«Поэма о скрытом смысле», Первый дафтар.

Он рассекает твой живот скальпелем, за которым тянется кровавый липкий след. Стальными щипцами раздвигает края разреза, и багровая брюшная полость зияет раскрытой пастью. Твоя селезенка, словно забытый всеми узник, притаилась за стенкой диафрагмы, прямо под грудной клеткой, прижавшись к легким. Этот сгусток плоти, неустанно служивший тебе вот уже шестьдесят один год, берет кровь из твоей аорты и отправляет ее в тысячи капилляров, очищая организм от ядовитых веществ. Она производит для тебя красные кровяные тельца, и через мочу и испражнения выводит из тела все отработанные вещества и отмершую плазму. Каждые сто двадцать дней она полностью обновляет состав твоей крови. А вот сейчас она превратилась в какой-то нарост, лишний орган, ужасно распухший, в коричневато-черную массу, трухлявый гриб, заплесневелую тыкву весом кило девятьсот.

Хирург, осмотрев твою печень и поджелудочную железу, берет образцы их ткани для анализа, наверняка они тоже поражены раком. Удивительно, но твой желудок здоров. Хотя он часто беспокоил тебя изжогой и несварением, в нем не видно никаких язв и наростов. Каких только яств не побывало в этом желудке! Он переваривал их и отправлял в толстый кишечник! Всевозможные вкусные блюда и восхитительные на-

питки; рубиновые сорта виноградных вин, молодых и многолетней выдержки ... Редчайшие мясные деликатесы: молодая оленина из шахских охотничьих угодий, нежнейшее мясо серых куропаток из прикаспийских лесов Ирана; мясо индийских и африканских павлинов и попугаев. А сейчас все это превратилось в яд, источник инфекции размером с футбольный мяч, грозящий вот-вот лопнуть.

Хирург пережимает главные и второстепенные артерии, ведущие к селезенке, и делает знак ассистенту, чтобы тот немного раздвинул зажимы и приоткрыл брюшную полость. Твой живот растянулся в язвительной кроваво-синей ухмылке, кровь струится из краев раны, а из твоей грудной клетки вырывается странный звук – кровавый ядовитый вздох, беззвучный крик с той стороны жизни.

Скальпель скользит по главной артерии селезенки, легко перерезая ее. Теперь твоя селезенка свободна. Это уже и не селезенка вовсе, а кусок протухшего мяса, которое хирург осторожно берет обеими руками, словно боясь разбить, и вынимает из брюшной полости. Затем с победным видом, подобно художнику, который хочет продемонстрировать свое новое творение публике, подносит распухшую и прогнившую селезенку к видеокамере, чтобы все смогли как следует ее разглядеть, особенно твои жена и старший сын, которые следят за операцией по локальной системе видеонаблюдения. Какую странную форму приобрела твоя селезенка! Неестественный орган, похожий на результат аборта, скученный и бесформенный. Переношенный плод истории, наполненный липкой и скользкой злобой из-за того, что его вынули из утробы последнего шаха Ирана, покрытый извилистым запутанным рисунком, весь в пятнах, похожих на аэроснимки солончаковой пустыни Лут; доисторических холмов и оазисов кочевников.

Представление заканчивается. Хирург опускает селезенку в металлическую емкость, опять подходит к тебе и внимательно смотрит внутрь твоего живота. Ему как будто нравится вытаскивать твои внутренности, особенно, спутанные извилистые кишки, поразительно похожие на долгую историю шахских династий Ирана.

После операции египетский врач предлагает оставить в животе отверстие для отвода гнойных выделений. Американский врач возражает. Как-никак, он самый известный в мире кардиохирург, который к своим больным прилетает спецрейсами. Он, словно фокусник при свете прожекторов и перед объективами видеокамер с ловкостью разрезает сердца людей и дарит им новую жизнь. Поэтому никто не задается вопросом, – какое отношение имеет кардиохирург к пораженной раком селезенке? Слово мастерство такого уровня может быть продемонстрировано только такому шаху, как ты, когда магическая рука судьбы таким нелепым образом смогла превратить простую операцию в целое таинство. Будто весь мир сговорился не дать тебе умереть естественной смертью.

Они тщательно убирают операционную, и словно штопая потрепанную мешковину, зашивают твой живот, не поставив дренажную трубку, чтобы твое дражайшее национальное достояние вышло наружу.

Доносится писк одного из аппаратов – твое давление падает и необходимо переливание крови. Твое лицо пожелтело, но на нем нет никаких признаков боли. Как и во все годы шахского правления, несмотря на все боли и страдания, ты проявлял спокойствие и хладнокровие, как счастливейший из смертных на земле. А теперь ты, шах, сиротливо лежишь на операционном столе, и внутри тебя скопился весь гной отечества. Ведь, будучи последним шахом, ты унаследовал все недуги славных династий этой древней земли.

(С того самого момента, когда в саманном доме, в районе Сангладж ты лежал на сыром кирпичном полу, у тебя уже были всевозможные наследственные болезни. Болезни, которые периодически появлялись с календарной точностью. История уготовила тебе такую судьбу, что в самую злосчастную и постыдную эпоху правления этой страной к тебе пришла смерть, полная неизлечимой мерзости. Потому что в эпоху своего царствования, опьяненный ролью, которую возложила на тебя история, ты стал всеобщим посмешищем. Поскольку ты был слишком изнеженным и ранимым, чтобы проявлять жестокость; слишком трусливым для борьбы; слишком хрупким, чтобы подавить революцию. Нет, это была историческая память народа, помнившая жестокость и чудовищность чужих. Но ты тридцать семь лет не понимал этой печальной истины о том, что человек, водрузивший корону себе на голову, становится не только владельцем государственной казны, но и принимает в наследство все горести и неудачи народа. А когда ты осознал это, было уже поздно. Ты был вынужден бежать от своей судьбы. Не встал на борьбу, и после долгих лет мук и страданий, учиняя еще больше публичных расправ над людьми на улицах, даже ценой потери короны и трона, даже если бы ни одна больничная койка, ни в одной точке мира не приняла бы тебя, даже если ты был бы вынужден тащить за собой по всему свету шкатулку со своими медалями. И теперь, помимо рака, ты страдаешь от чумы одиночества. Ты понял, что ни блеск, ни роскошь власти, ни величие твоей короны и трона не в состоянии помочь тебе. И даже водрузив на голову корону в два с половиной килограмма, усыпанную драгоценностями, ты не смог скрывать свою все более заметную лысину, которая печально проглядывала после каждого курса химиотерапии. А что было с тобой, когда в первый раз в то злое воскресенье, французский

врач-гематолог, словно человек-невидимка, появился во дворце Ниаваран, чтобы взять анализ крови?! Помнишь, что ты сказал ему тогда? «Дайте мне лишь пять лет. Пять лет нормальной жизни!» Но тебе снова не хватило времени, и ты даже не думал, что время захочет вернуться от тебя. Но ни время, ни эпоха не дали тебе шанса. Ведь ты и подумать не мог, чего стоит царствование, когда даже свою шахскую кровь и мочу ты был вынужден сдавать на анализ под чужим именем. А если бы в самом начале ты смирился со своей судьбой, то не был бы вынужден в чужой стране, в больнице со странным названием «Возвращение» вблизи египетских пирамид, лежать на железной кровати и вверять себя безжалостной ласке хирургического скальпеля).

Ты приходишь с себя в незнакомом месте между небом и землей и видишь вокруг себя лишь зыбкие тени. Это твои жена, дети, сестра-близнец и охрана. Они пришли к тебе, одинокому страннику, идущему по дороге в один конец. Ты опускаешь веки и когда вновь открываешь их, не видишь вокруг никого, кроме смуглой медсестры, которая сочувственно глядя на тебя, меряет твою температуру.

Невольно ты отворачиваешься к окну. Свет от лампы над кроватью будто еще ярче указывает на твою никчемность в нынешнем положении. От вида отражения своего отвратительного лица в окне, тебе становится хуже. Ты устал от этого плачевного состояния. С трудом скривился в улыбке, похожей на швы на твоём животе, и попросил медсестру выключить свет над кроватью. Тебе не хочется, чтобы кто-то видел тебя, особенно эта черноокая медсестра-смуглянка.

Ты вскакиваешь с кровати и ошеломленно смотришь по сторонам. Который час?.. Ты весь в поту. Как будто темная и клокоцущая дыра разверзлась в

твоей утробе и хочет поглотить тебя. Твои внутренности как седьмая ступень ада, так горят, что их не охладят и снега с вершин Демавенда. Какая мертвая тишина! Который час?.. У тебя зачесался нос и ты почесал его. Проводишь рукой по лицу – кожа на нем обвисла, как на прохудившемся барабане. Ты не можешь собраться с мыслями. Неожиданно твои веки тяжелеют, и под воздействием обезболивающего, с нахлынувшим на тебя вдохновением ты осознаешь весь трагизм своего положения.

«Ах, мой венценосный отец! Нет ничего печальнее, когда падишах больше не может считаться таковым».

Твой взгляд лихорадочно горит. Смотришь в окно – там отец прогуливается возле бассейна и курит, а твоя сестра-двойняшка украдкой закапывает тряпичную куклу в самшитовых зарослях сада. Как всегда, она оторвала голову куклы и разорвала штаны.

– Мохаммед Реза, выпей бульон, пропотеешь и выздоровеешь!

Ты смотришь на мать покрасневшими глазами. Вот уже дней тридцать или сорок как ты болен брюшным тифом и сгораешь от высокой температуры. Тебе не помогает никакое лекарство, никакой доктор. На полке стоит куча всяких лекарств, а под твоей горячей подушкой – разные талисманы и молитвы: от простуды и от черного ветра, для отпугивания демонов, от сглаза, кусочки заговоренного набата и сосуд со священной водой из Замзама в Мекке.

Твоя мать ходит вокруг, нашептывает молитву и дует на тебя. Со вчерашнего дня она ни на миг не сомкнула своих зеленых глаз. Достает из ящичка для лекарств немного святой земли, смешивает ее с водой из Замзама и вливает тебе в горло. На вкус – глина,

смешанная со слезами. Твои веки закрываются, и ты видишь посреди комнаты светящегося старца, который протягивает тебе руку и говорит: «Встань!»

Ты встаешь и идешь. Мать с рыданием обнимает тебя. Тебе так хорошо, как будто ты и вовсе не болел.

Дверь открывается, и огромные сапоги отца раздавливают цветы на орнаменте ковра. Ты пытаешься приподняться, чтобы разглядеть его лицо. Странно, что он очень громко смеется, и достает из широкого кармана коробочку пахлавы, открывает крышку и так же радостно смеясь, берет кусочек и кладет тебе в рот.

– С сегодняшнего дня я – шах этой страны, а ты – мой наследник!

Зеленые глаза матери наполняются слезами.

– А ты впредь будешь шахиней этой страны.

Мать смеется. Твоя старшая сестра Шамс ластится к отцу, и обнимает его длинные ноги. Твоя сестра-двойняшка стоит в углу и грызет ногти. Отец не обращает на нее внимания, как будто ее вовсе не существует, впрочем, как всегда.

Вы идете во двор и садитесь на веранду, грустные и тихие. Сестра-двойняшка шмыгает носом, ее глаза полны слез. Тебе очень жаль ее. Только ради того, чтобы сказать что-то, ты говоришь:

– Не переживай, у отца такой характер. Он не имел в виду ничего плохого.

Вдруг она берет тебя за руку и со слезами в голосе произносит:

– Пообещай мне, – если однажды станешь шахом, не будешь, как отец, презирать меня.

Тебя застали врасплох. Словно это детская игра, поднимаешь руку вверх и произносишь:

– Обещаю, но с одним условием! Ты больше не будешь рвать куклам штаны!

Она смотрит на тебя по-матерински встревожено.

– Если когда-нибудь ты захочешь занять место отца, дай слово, больше никогда не болеть.

По привычке ты закусываешь губу и киваешь головой. Она права. Ты все время хвораешь. Уже переболел многочисленными болезнями: желтухой, пневмонией, скарлатиной... И вот теперь этот проклятый брюшной тиф, который чуть не угробил тебя до смерти, что все даже потеряли надежду на твоё выздоровление. И вообще, сколько помнишь себя, ты всегда был хиленьким и слабым, поэтому всегда носил при себе разные лекарства. А в бархатном мешочке, который мать пристегнула тебе булавкой к груди, были разные молитвы.

Мать переодевает тебя в новое, накидывает на себя чадру, берет тебя за руку, и вы в экипаже едете в какое-то странное место. Вас сопровождают несколько солдат и твоя тетя. Коляска со скоростью въезжает в большой сад. Несколько солдат и служащих, увидев вас, вытягиваются в струнку и отдают честь. Один из них, выйдя вперед, докладывает:

– По приказу Его Величества, всех обязали покинуть шахский дворец!

– Да, мы тоже прибыли сюда по его указанию, чтобы не дай бог не ущемить чьи-либо права.

Какой огромный сад! Высоченные деревья и великолепное здание! Мать говорит:

– Это дворец Каджаров, а эти здания – шахский гарем.

Вы отодвигаете занавес и входите в главное здание. Там – шум-гам, суета! Женщины в растерянности снуют из угла в угол, из залы в залу, от сундука к сундуку. Спорят, бранятся друг с другом, проклиная все на свете.

– Видишь? Это жены шаха, наследника престола и их слуги, служанки, няньки.

Молодая и тучная женщина с бровями, изогнутыми как хвост скорпиона, завидев твою мать, подходит к ней, и, подбоченившись, заявляет:

– Пожалуйте, Ваше Величество, весь этот царский дворец отныне принадлежит вам, новоиспеченным монаршим особам!»

Мать, услышав эти слова, в ярости кричит:

– Это ты меня имеешь в виду?! Я проделала весь этот путь, чтобы никто не посмел проявить к вам непочтительность. Но, по-видимому, вы заслуживаете всех бед, которые падут на ваши головы!»

Вы вместе выходите из здания, и мать с явным раздражением говорит солдатам:

– Пока они не уберутся отсюда вон, нога моя сюда не ступит!

Несколько колясок остановились посреди двора, их окружили солдаты. Мать говорит тете:

– И он¹ называет себя треклятым престолонаследником этой страны? Ему приказали покинуть страну с женами, детьми и всей этой челядью. Но Его Величество говорит, что у них нет ни гроша, и пока мы не оплатим ему дорожные расходы, они никуда не уедут.

Солдаты выгоняют из главного здания дворца и других покоев женщин, детей и слуг и собирают их во дворе. Тебе жалко маленьких детей. Они совсем окоченели, их лица раскраснелись, а маленькие ручки сморщились. Ты готов расплакаться, глядя на них. Думаешь про себя: «В чем повинны эти дети, чтобы вот так мерзнуть на морозе?»

В конце концов, наследнику престола дают немного денег, и он соглашается уехать. Женщины и дети с несколькими служанками и слугами садятся в коляски и уезжают. Молодая тучная женщина со своими скорпионьими бровями в последний момент перед отъездом с гневом и обидой смотрит на тебя и твою мать и сильно

¹ Ахмад-шах Каджар (1898–1930). Здесь и далее прим. пер.

бьет кулаком себе по груди. Мать смотрит на нее с усмешкой.

– Проклинай, сколько хочешь! Кошка шипит, а хозяин не боится!

Вы идете к зданию дворца, и как только входите туда откуда-то, появляется много женщин. Они начинают плакать и причитать. Некоторые из них падают в ноги твоей матери и начинают жаловаться:

– Куда мы пойдём в этом незнакомом городе? Служили годами, жили достойной жизнью.

Среди них были самые разные женщины, но большинство из них уже дряхлые старухи. Одна из них, увидев тебя, сверкнула глазами, подошла и поцеловала твою руку.

– Клянусь шахзадой – наследным принцем, нам некуда идти. Вы же видите? Они же ни на что не способны. Забрали с собой все деньги, драгоценности и ушли. Те, что лучше нас, любимчики, придворные госпожи все ушли, остались только мы, – прислуга внутренних покоев и несколько несчастных евнухов.

Седые волосы женщины, выбившиеся из-под платка, напоминают тебе сладкую вату, а черный пушок над губой вызывает у тебя отвращение. Многие из этих женщин так выглядят.

От женской болтовни, во дворце царил шум и гвалт. Каждая из них говорит на своем диалекте. Некоторые из них утверждают, что являются женами от временного брака – сигэ – покойного шаха, которые и после его смерти прислуживали во дворце, а теперь на старости лет у них нет даже своего угла, чтобы спокойно умереть. Тебе еще не приходилось видеть таких странных женщин, так много старых и дряхлых нянек, мамок и служанок, белых и черных, разных национальностей, которые говорят: «Даже все наследство многочисленных каджарских шахов не стоит ломаного гроша».

Один из воспитателей указывает на окно комнаты, с подъемной рамой и что-то шепчет на ухо твоей матери. Несколько женщин прячутся там, не смея выйти наружу. Одна из старух идет туда и выволакивает их за собой. Какие же они красивые! Все в бархатных жилетках, расшитых блестками и монетками, в шальварах и короткой чадре, с изогнутыми дугой бровями, подкрашенными сурьмой, круглолицые, пухлые, глаза с поволокой и уста зовущие к поцелуям.

– Дорогая госпожа, взгляните на них, они как персики. Их преподнесли в дар шаху правители разных вилайетов. Но поскольку наследник изволили прибывать за границей, эти бедные девушки так и остались нетронутыми. Как жаль, что не нашлось ни одного даже маломощного представителя Каджаров! Богом молю Вас, госпожа, сделайте так, чтобы они благополучно вернулись к себе домой и не пошли по миру!

Целомудренные девы, словно стайка упитанных куropаток, прячась за спинами старух, смотрят на тех, кто внезапно, как призраки, появляются из-за колонн и бросаются к ногам матери, умоляя не выгонять их из дворца. Какие странные у них лица! Темная кожа, тонкий голосок, безволосое лицо – словом, карлики, копошащиеся на полу.

Все, даже солдаты, стоящие поодаль, брезгливо смотрят на этих странных существ, которые после долгих лет жизни в дворцовом подземелье вдруг выбрались наружу.

Одна из твоих тетушек произносит сквозь зубы:

– Бедные евнухи!

Одна из нянек протяжно вздыхает и говорит:

– Эти евнухи-коротышки многие годы развлекали шахский двор, и каждый из них прислуживал одной из жен гарема. Не смотрите на них вот так, – когда-то они сами себе были господами-владыками и имели прислугу.

Все взоры обращены на евнухов, как вдруг одна из тех девственников выходит и просит Ее Величество, – твою мать, забрать с собой евнухов и остальных девушек к себе во дворец, чтобы служить волей и правдой новому падишаху.

Мать, услышав эти слова, пришла в ярость!

– Вы думаете, что мой муж похож на беспечных, неотесанных Каджаров, чтобы все время проводить в гареме? Прошло то время, когда лучезарное солнце выходило из-за задниц женщин шахского гарема. Идите и подыщите себе более достойную работу. Разве быть евнухами и служанками – это работа?!

Тебе становится жаль их, особенно, кастратов, взирающих на тебя с мольбой в глазах, у этих коротышек, несмотря на преклонные годы, движения женственные и плавные. Кожа на их лице гладкая, без щетины, прямо как круп лошади.

Одна из тетушек нашептывает матери:

– Они заслужили право остаться во дворце. Бедняжки, всю жизнь, как какие-то уродцы, прислуживали в шахском гареме. Теперь они не смогут жить в обществе, как обычные люди.

Твоя мать спокойно отвечает:

– Я знаю. Его Величество обязательно подумает о том, как быть с ними.

А ты думаешь – как же это плохо быть шахом, и почему все эти люди должны служить одному человеку? И вообще, почему падишах целой страны должен жить в таком страшном месте? Теперь ты понимаешь, почему отец то и дело так резко ругает каджарских шахов. Ты радуешься этому.

Вместе с тем, ты обещаешь себе, если однажды станешь падишахом, то обеспечишь всех евнухов страны достойной работой.

Мать подозвала одного из офицеров, – послать кого-нибудь к Его Величеству, чтобы выдали немного де-

нег. Вокруг вас никого не остается, вы прогуливаетесь по дворцу; сначала заглядываете в подвал и в одно из подземных водохранилищ, откуда доносится запах сырой земли, а затем попадаете в дворцовую кухню. Пара кошек развалилась возле очага. Закопченная кухня полна разной утвари: поварешки, шумовки, дуршлага, котлы, кастрюли, сковороды – все огромных размеров. Как будто это кухня великанов.

Пятнистые котята вынырнули из пустой медной чаши и гноящимися глазками уставились на тебя. От их царапания по меди тебя всего передернуло. Глядя на них мать говорит:

– Не иначе как это потомство того самого Бабри-хана¹, любимого кота Насреддин-шаха Каджара, который, говорят, даже жалованье выделил ему. У него был собственный слуга, атласная подушка и специальная коляска. Шах так его любил, что этим пользовались при дворе: если кто-то из гарема вешал коту на шею прошение, шах непременно накладывал одобрительную резолюцию. Когда высокочтимый Бабри-хан скоропостижно скончался, по неизвестной причине, в этом самом дворце устроили поминки по нему. Так оно и было. А теперь внуки и правнуки того любимого кота, которые из поколения в поколение питались в царской кухне и спали там же, вынуждены вот так голодать.

– Некому покормить их, что ли?

– В этой суматохе кто о них вспомнит? Сам падишах голодает в Европе, что уж говорить о его кошках?!

Солдат сообщает, что вернулся посыльный. Вы возвращаетесь во двор и там под присмотром твоей матери, каждой женщине и евнухам выдают определенную сумму – с тем, чтобы они могли как-то жить дальше. Некоторые благодарят твою мать, посылая благие молитвы, а другие – вот-вот разрыдаются. Потеряв на-

¹ Тигр-хана.

дежду остаться во дворце, они подхватывают свои пожитки и устремляются к дворцовым воротам.

За воротами – толпа зевак, заглядывающих вовнутрь двора. Наверняка хотят увидеть, – как же тут все выглядит? Некоторые показывают на тебя и твою мать и что-то говорят про вас. Тебе стыдно оттого, что они показывают на вас пальцем.

Старухи всем скопом покидают дворец, словно стая птиц, выпущенных из клетки на свободу. А евнухи-коротышки с узелками подмышкой все стоят у ворот, пока солдаты не прогоняют их оттуда силой. Как же тебе их жаль. Одно только порадовало – всех девственников усаживают в экипаж и отправляют к твоему венценосному отцу, чтобы он решил их судьбу.

Дворец опустел и затих. Несколько человек все еще опечатывают восковыми печатями двери. А у тебя перед глазами все стоят и стоят эти нетронутые девы и эти карлики-евнухи. По дороге домой ты неотступно думаешь лишь об одном: о капельках пота, блестящих над верхней губой одной из этих целомудренных девиц – это как запечатанная тайна в закоулках твоего сознания, и воспоминание о ней ты сохранишь навсегда.

Твой венценосный отец с его длинными и внезапными ногами, как только появляется, начинает поносить и проклинать бездельников Каджаров, которые думали только о брюхе и о том, что ниже него, и стаскивали несметные богатства, золото и драгоценности в подземелья дворца. Отец все ходит и осыпает смачной бранью весь род Каджаров. Мать твою тоже «не оставляет без внимания».

– Ваше Величество! – обращается она отцу. – Те непорочные госпожи, к которым Вы изволили проявить жалость, спрятали золото и драгоценности в потайные места и вынесли из дворца.

Отец вскрикивает:

– Зачем вы потащили туда этого невинного ребенка – зрение и слух ему засорять? Вы хотели, чтобы эти старые ведьмы сглазили его? Мало он болеет?

Отец кладет свои длинные ноги на стул; достав из серебряного портсигара сигарету, прикуривает от бензиновой зажигалки и говорит, выдыхая дым:

– Все равно, золото и драгоценности найдутся в подземельях и сардабах¹. В каждую дырку они что-то засунули. Жемчуга, алмазы, яхонты, изумруды... А антикварных вещей во дворцах – боже упаси! Не пересчитать. Много имущества, – например, те же непорочные девы из гарема, – действительно новое и нетронутое. Но забавнее всего те подарочки, которые покойный шах привез из своего третьего путешествия в Европу. Кыбла мира² настолько был беспечен, что своим монаршим почерком собственноручно переписывал французские инструкции ко всем этим штучкам...

Отец запускает руку в свой глубокий большой карман и достает потрепанный блокнотик.

– Вот взгляните, что привез Султан счастливого сочетания звезд³ своему голозадому народу: женский корсет зеленого атласа, расшитый золотыми скрученными нитями и галунами; шкатулки из авантюрина – две штуки; веера французские – десять штук; фотографии «Английский корабль, отплывающий в Америку» – одна штука; чулки французские – одиннадцать пар; ситечко и щипцы для сахара посеребренные – две штуки; клизмы французские – десять штук. «Смеющийся человечек» – одна штука; фотографии развратных женщин – сорок пять штук; свисток деревянный...

Он достает из кармана свисток и показывает тебе. Из всего этого добра ему приглянулся только свисток, и он его взял для тебя.

¹ Искусственное водохранилище под зданием.

² Титул иранских шахов.

³ То же.

Этот свисток ты на следующий день даешь своей сестре-двойняшке. Она начинает свистеть, и ты спрашиваешь ее:

– Ашраф, а что такое «непорочные девы»?

Она дует в дырочку свистка и, хитро глядя на тебя, говорит:

– Непорочность – это ... Это то, что есть у девочек, но чего нет у женщин!

Ты ничего не понимаешь из ее слов. Смущение и стыд не позволяют тебе спросить об этом еще что-нибудь. И к твоей загадке прибавляется еще одна.

Дом, в котором вы теперь живете, становится все больше, а стены – выше. Вас окружает все больше людей. И теперь прислуга и наньки живут рядом с вами.

Ты стал выше ростом, однако в твоей душе все еще качается колыбелька из детства. Твои движения неловки, нерасторопны, ты стеснителен и особо не радуешься своему престолонаследию. Тебе не хочется, чтобы другие уделяли тебе так много внимания. Тебе не нравится, когда кто-то пристально смотрит на тебя. Ты теряешься под взглядами других. Хочешь играть и дурачиться как другие дети – прыгать в бассейн, нырять под воду! Покупать леденцы на палочке у старика, голос которого доносится из-за высокого забора, и облизывать их. Покупать бумажную вертушку, бегать с ней по двору и блаженствовать от звука крутящихся крылышек. Вот если бы никогда не взрослеть, а оставаться все таким же хилым и тощим! Все так же ходить с матерью в баню, чтобы банщица стыдливо прятала от тебя свое тело, словно цапля, которая, поймав рыбу, прижимает крылья. А ты бы вот так и смотрел на нее.

Твоя сестра-близнец с самого утра забралась на дерево и не хочет слазить. Ты прекрасно знаешь на что она обижена. Ты разговариваешь с ней, и для того что-

бы утешить ее, как в детстве, начинаешь изображать шаха:

– С этой минуты приказываем: ни один падишах не имеет права жениться более чем на одной женщине!

Она сначала хмурит брови, но вдруг как захохочет, что слезы текут из ее глаз. А потом проявляет свою девчоночью вредность:

– А ты никогда не думал, что было бы, если бы я родилась на несколько минут раньше тебя?

Ты в полной растерянности отрицательно мотаешь головой.

– Глупый! Если бы я родилась раньше тебя, то была бы сейчас всемогущим наследником престола, а ты – нетронутой девой.

Ты обижен – тебя расстроили ее слова. Но ты молчишь. Такой уж у нее характер – она никогда не может придержать свой острый язык. У этой девочки, в отличие от старшей сестры Шамс, нет ни грамма девичьей мягкости. Потому-то отец к ней так равнодушен. И сколько раз ей уже доставалось за ее дурной нрав, но она и не думает меняться.

Она слезает с дерева и, чтобы загладить твою обиду, начинает говорить грубым голосом:

– Если мы будем шахом, прикажем: ни один мужчина не имеет права, как наш отец, брать несколько жен, плодить столько детей и любить сыновей больше дочерей!

Ты делано смеешься и встревоженно оглядываешься: как бы отец не услышал эти слова и не разгневался. Но сестра ведь правду сказала. У отца на сегодняшний день четыре жены, не считая первой, от которой у него только дочка. Вы ни разу не видели их. А кроме них, есть другие детишки, мал мала меньше, от последующих его жен. Твоя мать, Тадж ол-Молук, – его вторая жена. Она так с ним скандалит, что отец, от злости на нее, почти все время проводит в доме четвертой

жены. Это приводит к еще большим скандалам, так дело доходит до настоящей войны. Мать не позволяет женам-хаву¹ и их детям жить с ней в одном дворце. Боятся, как бы, не дай бог, они колдовством или порчей не удалили тебя с глаз отца и не сделали бы наследником кого-нибудь из своих мерзких и уродливых детей. Удивительно, но твоя мать не только не считается с твоим венценосным отцом, но и вообще в грош его не ставит, ведь как она говорит:

– Когда Реза пришел свататься ко мне, он был нищий и не имел вообще ничего, кроме высокого роста и мужской выправки.

Отца, конечно, оскорбляют эти колкости, но он хладнокровно отвечает:

– Да, мать говорит правду. Но во время сватовства к ней у меня кое-чего еще не было: разума.

Однако все эти пересуды и ругань тебя не касаются. Ты несколько раз слышал это из уст отца:

– Если бы не наследник престола, нога б моя не ступила в эту развалюху.

Он и в правду любит тебя больше остальных детей и хочет воспитать тебя по своему подобию.

Тебе было всего шесть лет, когда твой венценосный отец решает отправить тебя в военную школу, дабы сделать из тебя настоящего мужчину – волевого и решительного. Там ты сумел бы обучиться многому: как сражаться с врагом, в ближнем бою – один на один, лишь со штыком в руках; либо как замаскировать себя словно ящерица в условиях гористой, лесной или пустынной местности; а важнее всего – воздерживаться от переедания, следовать порядку и соблюдать дисциплину, и, будучи мужчиной быть символом храбрости, мужества и самопожертвования.

Ты так быстро поднимаешься по службе в военной школе, что в возрасте семи лет достигаешь зва-

¹ Одна жена по отношению к другой, имеющие общего мужа.

ния полковника. Но вместе с тем, вдали от глаз своего венценосного отца все еще играешь в куклы твоей сестры-двойняшки. И всегда и везде, словно ягненок-сиротка вынюхиваешь запах своей матери; радуешься, находясь рядом с ней и другими женщинами, и с удовольствием смакуешь все эти бабские сплетни. Ты вынужден втайне от отца видеться с матерью, поскольку твой венценосный отец страшно ненавидит это. Да и все, что бы ты ни делал, быстро доходит до отца. Сестра-близнец говорит:

– Это все дворцовые вороны ради собственной улады доносят отцу.

Именно поэтому тебе противны вороны. И каждый раз, собираясь повидаться с матерью или сделать что-то дурное, ты камнями сгоняешь с пути этих любопытных птиц. Но они по-прежнему рады собрать последние сплетни. Так, ты с каждым днем все меньше видишься со своей матерью. Дело доходит до того, что по приказу отца тебя отдалают от семьи, чтобы ты самостоятельно смог встать на ноги. Конечно, пока ты только радуешься жизни. Тебе прислуживают нянька и несколько слуг, которые надевают на тебя френч, подносят еду и даже остригают тебе ногти. У тебя также есть собственный управляющий, который внимательно следит за твоим ежедневным распорядком дня и обо всем докладывает твоему отцу. Наперсница, выписанная из Франции, помимо французского языка обучает тебя как прямо и с монаршим достоинством восседать за столом, как пользоваться столовыми приборами, салфетками и так величаво есть, медленно пережевывая и проглатывая еду, чтобы твоя трапеза затягивалась на несколько часов, как в лучших традициях благородных семейств.

Тебе противны все эти церемонии. Отцу также не нравятся эти излишества. Он сам ест, как солдат. И вообще всегда ведет себя так, словно находится на поле

брани, под градом вражеских пуль. Твой отец по армейской привычке спит на полу. Он питается просто: на обед – шашлык из курицы или рис с мясной подливой, а на ужин – отварной цыпленок. Ему нисколько не надоедает вся эта однообразная еда.

Всегда и везде ты находишься подле своего отца. В парадной форме, неловко загребая ногами семилетнего ребенка, вместе с отцом принимаешь военный парад; вместе с ним открываешь новые объекты или один принимаешь участие в некоторых официальных мероприятиях. Все церемониальные мероприятия ужасно скучны. На таких мероприятиях ты восседаешь важно, с гордой осанкой, словно проглотил аршин, и считаешь минуты до окончания. Тебе не терпится поскорее вернуться во дворец, убежать от всех этих поклонов, пустословия и говорливости, и спрятаться в абсолютной тишине дома, перестав скрываться за завесой скромности и смущения. Валяться в постели, одному и ...

Внезапно боль, словно дикий кабан, с такой яростью накинулась на твои внутренности, что ты весь скорчился и стал рвать белые простыни, пропахшие кошмаром и хлороформом. Твое дыхание с привкусом железа и стонов боли... с запахом тоски и серы!

Смуглолицая медсестра кладет тебе на живот пропитанный спиртом компресс, постепенно тебе становится легче, и ты вновь закрываешь глаза. И по ту сторону от безжалостного запаха спирта и хлороформа снова, словно робкий слоненок, плетешься за большой и надежной тенью отца...

Вы садитесь в шахский «роллс-ройс» и колесите по проселкам страны. Иногда радиатор черного автомобиля закипает, точно как твой венценосный отец, и тогда вы вынуждены останавливаться. На одной из таких вынужденных стоянок отец решает первым делом

проложить дороги. А иначе, чтобы открыть, к примеру, хлопкопрядильную фабрику недалеко от столицы, придется проводить в пути целый день.

Голос у тебя уже ломается, но ты все еще ребенок. На церемонии открытия одного из заводов по производству сахара ты, втайне от отца, хотя и знаешь, что ничто от него не утаить, крадешь кусочки сахара и прячешь их в глубокие карманы своей униформы, чтобы потом вместе с сестрой-близняшкой, хихикая, неторопливо съесть их. Вы с ней не упускаете случая посмеяться и подурачиться. Передразниваете и слуг, и гувернанток, и военных, укатываетесь со смеху, строя им рожицы. А бывает, притворитесь больными, да так смеетесь над испуганными лицами нянек, – до колик в животе! Все еще балуетесь и шалите по-детски. Ведь вы все еще дети, особенно ты – наследник шахского престола Ирана!

Ты все реже видишься с сестрой и с матерью. Эти встречи больше случайны, словно скоротечная радость, потому что отец не позволяет тебе, по его словам, «заниматься ерундой». И всегда тебе дают какое-то задание, которое нужно выполнить: то верхом ездить, то стрелять, то учить шариат, геометрию, математику, естественные науки и французский язык. А сколько у тебя учителей! И все это ведется последовательно, в строгом порядке.

Все ваши «вылазки» с отцом похожи на разведку. В каждой поездке вы случайно обнаруживаете новую деревню, нетронутое месторождение или какой-нибудь древний курган. Твой венценосный отец, используя свое военное мастерство ориентироваться на местности, указывает немецким инженерам, где лучше прокладывать шоссейные дороги. Конечно же, здесь отец больше стремится удовлетворить чувство собственности, нежели блеснуть военным талантом, поэтому многие дороги начинают необдуманно прокладывать по плодородным

полям и через благоустроенные деревни. Документы на них спешно записываются на твоего отца, а если даже таковых нет, то пока шоссе прокладывают, все равно успевают их оформить на него.

Во всех этих поездках желания и мечты твоего отца все больше расходятся с реальностью. Потом ты осознаешь, какую удивительную роль сыграл в судьбе отца – помог ему измениться, так сказать, сбросить кожу. Точь-в-точь, как шелкопряд, с каждым движением приобретающий новый облик – из кокона до дерева, от дерева до неба.

Пуповину твоего отца словно перерезали желаниями и мечтами. Его мечтам нет конца. В одной из таких поездок он говорит тебе:

– Хороший падишах непременно должен строить долгосрочные планы для своей страны. Не то, что Фатали-шах Каджарский – у того, верхом всех его желаний была мраморная горка, с которой женщины из гарема скатывались и падали прямо ему в объятия!

Вместе с отцом вы пересекаете древние земли, – обитель оленей, леопардов, медведей, львов проезжаете мимо холмов и древних поселений. В пути вы встречаете жителей, внешним видом особо не отличающихся от своих предков. Обездоленные обитатели этой земли, завидев высокого мужчину внушительного вида и смущенного безвестного мальчонку, теряют дар речи и падают ниц. Будто бы вы божества какие-то, в человеческом облики, неожиданно появившиеся в тех заброшенных землях. И ведь они имеют право так думать. Ваше появление в таких местах, скорее похоже на чудо. Шах и его наследник, без прислуги и челяди, без высоких особ царского гарема предстают перед ними – вот это чудо из чудес!

Шоссе вдруг закончилось. Вы выходите из автомобиля. Перед вами горы: дикие и нетронутые! Кругом цветы, кустарники и птицы! Чуть поодаль много рабо-

чих, вооруженных самыми примитивными инструментами, – лопатами, кирками, ломами, и конечно, динамитом, который безжалостно вырывает внутренности горы, пробивая тоннель.

Ваш дворецкий приносит на подносе чай. От стаканов исходит приятный пар. Отец берет кусок сахара и, указывая длинной рукой в сторону рабочих, говорит:

– Сынок, помни: все, что захочешь, – в твоих руках!

Он разламывает сахар и кладет кусочек в рот.

– Твердо стой на собственных ногах и никому не доверяй!

Он пьет обжигающий чай, а оставшийся кусок сахара бросает обратно в сахарницу. Ты никогда не забудешь это горяче-сладкое поучение.

Вы отдаете нужные указания немецким инженерам и возвращаетесь в столицу. Как всегда в поездке вас сопровождают два военных внедорожника. Военнослужащих в них немного. Твой отец, по армейской привычке, чувствует себя в большей безопасности, скорее, в горах и в пустыне, чем в городе.

Ты сидишь на заднем сидении «роллс-ройса» и смотришь в самую глубь долины. По ходу прокладки дорог много валунов скатилось к реке. «Роллс-ройс» с натугой преодолевает горный перевал и останавливается у гробницы – имам-заде¹.

– Это именно то место, где та молодая женщина, в снежную бурю, будучи уверенной, что ее больной ребенок умер, оставила его у смотрителя гробницы, а сама отправилась в столицу искать своего мужа. Смотритель отнес мертвого ребенка в конюшню, чтобы позже похоронить. Однако бедная мать не выдержала, вернулась с полпути и обнаружила в конюшне свое новорожденное дитя живым. Замерзшим ребенком, которого обогрели своим теплым дыханием мулы, был я... Я... Реза-шах Пехлеви!

¹ Гробницы шиитских имамов и их потомков.

Об этом происшествии ты и раньше слышал от отца, но раньше оно тебя так не впечатляло. А теперь по дрожи в его голосе чувствовалось, что он все еще ощущает в душе тот мороз и пребывает в том самом состоянии.

Когда вы спускаетесь с перевала, отец нарушает ледяное молчание и с жаром начинает рассказывать тебе о своих детских мечтах. О мечте связать столицу и север страны большим тоннелем и довести до Тегерана русло реки Джаджруд – чтобы Тегеран, подобно другим столицам мира, стал городом со своей рекой. Ведь пока в Тегеране не будет реки, он не станет чистым и красивым. Кроме того, отец мечтает у подножья гор, окружающих Тегеран, высадить леса, чтобы полностью изменить климат города. Он считает, что во всей стране должно быть так, как на севере: свежо и зелено. И вообще, все дороги страны должны заканчиваться на севере, в Мазендеране и селении под названием Алашт, где он родился, где цел еще тот сельский дом, в котором раздался его первый детский плач. Дом из дерева и глины, в котором оживает память о его матери Нушафарин – женщине, принесшей его в мир, для того, чтобы он изменил этот мир.

После того, как вы проедете мост через реку Джаджруд, тон отца понемногу меняется. Вглядываясь в бурлящую реку, он горько вздыхает о том, – почему судьба благоволит ему, а время нет. Почему он не вошел на престол раньше, чтобы воплотить все эти идеи в жизнь! Все его страхи из-за того, что не успеет проследить до конца выполнение всех этих планов. Он сутками изматывает себя работой, чтобы возместить упущенные возможности и в жизни, и во времени. Он возлагает все надежды на тебя, как на наследника всех его высоких мечтаний, как продолжателя его планов.

Единственное, что с трудом можно увязать в сознании применительно к твоему отцу, – это смерть. В возрасте пятидесяти лет он все еще крепок телом, у

него хорошая память, поражающая всех. Он настолько внимателен ко всему, что ни один лист не упадет вдали от его зоркого взгляда. Так, даже спустя годы он в точности помнит форму, цвет и даже запах этого листа. Черта, которая практически позволяет ему не стать обманутым... Горе тому солдату, который стоя в парадной колонне не зашнурует, как следует, свои ботинки! Горе тому, кто скроет от него что-либо или представит в ином свете! Никто не осмеливается солгать ему. Да и он сам не терпит ложь. Считает ложь и обман – привычками, которыми грешили беспечные Каджары. Они впадали в блаженство, заслышав всякую ложь. В лени, безделье и безответственности народа он винит сам народ. Поэтому считает правомерным – в такой стране действовать силой и грубостью, чтобы добиваться своего не научными и разумными методами, а логикой силы. И то же самое он с энтузиазмом старика-самоучки предписывает своим министрам.

У отца твоего много планов, которые он хочет выполнить детским – на первый взгляд – способом. Решил, без всяких на то средств, только обложив налогами кусковой сахар, сахарный песок и чай, соединить железной дорогой Персидский залив и Каспийское море. Уже давно большое количество рабочих под руководством немецких инженеров тесаком и молотом пробивают горы Альборз, чтобы извилистым шоссе связать столицу с Каспием. Какие планы и проекты до сих пор еще не осуществлены! Каких только праздничных венков не возлагали на его голову! Каких триумфальных арок не строили в его честь, а сколько барашков не закололи у его ног во имя благополучного завершения проектов ...

Кровь... Свернувшаяся кровь на свежем асфальте... Тебя мутит от ее вида. Словно внутри тебя хрипит умирающий барашек. Запах предсмертного овечьего по-

мета, невольно извергаемого барашком в тот миг, когда его режут, еще больше приводит тебя в смятение. Безжалостный запах простыни, которую ты натянул себе на лицо, замучил тебя. Ты сильно ослаб и вот уже давно не ел как следует... Так отбрось простыню! Вот медсестра с вьющейся косой принесла тебе еду. Суп из ячменя, шашлык из барашка и йогурт... И запах свежесбранных подмышек!

Ты проглатываешь несколько ложек супа и выпиваешь стакан воды. Тебе становится легче. Слово чистой водой залили твой внутренний жар. И теперь пришло время, чтобы ты, как настоящий военный, встал по стойке «смирно» и выслушал последние наставления твоего венценосного отца.

– Делай уроки – и точка! И чтобы я не слышал больше о ваших шалостях. Я вам обоим говорю. Хусейн, ты мальчик усидчивый и прилежный, ты должен помочь Мохаммеду Резе. Помните, что стране нашей очень нужны образованные люди... Идите же с богом!

Вы садитесь в автомобиль и отправляетесь в Бендер-Пехлеви. Вместе с матерью, сестрами и всеми прочими. Только что построенное шоссе, как и все отцовские мечты, полно изгибов и поворотов. По дороге ты видишь разных людей – изможденных, с пожелтевшими лицами, измученных малярией, трахомой и тифом. Они, словно призраки, вышли из густых зеленых зарослей и встречают караван машин. Стоят, приложив руки к груди, надеясь на беглый взгляд, улыбку, взмах руки. Тебе становится ужасно больно от их жестов. Это и есть обнаженная реальность той страны, престол которой тебе предстоит унаследовать.

Русский корабль, в честь твоего присутствия на его палубе дает три длинных гудка и отчаливает. Во рту у тебя появился неприятный привкус, и голова кружится. Стоя на палубе, ты машешь рукой родным, остав-

ляя на самой крайней точке родной земли свою мать с ее влажными зелеными глазами. Ты долго всматриваешься в нее, пока море не заслоняет ее от тебя. И с этого мгновения каждой клеточкой своего тела ты чувствуешь горечь разлуки. И слезы в уголках глаз оставляют соленые следы. Теперь ты понял, какова была цель отца, отправившего тебя на чужбину.

Во время этого долгого путешествия по разным странам – едешь ли ты пароходом, поездом или автомобилем – ты жадно поглощаешь голодными глазами все, что видишь, и не устаешь от зрелища благоустроенных сел, освещенных городов, великолепных зданий и живого, здорового народа. Ты все время сравниваешь свою страну с этими странами, и, чем дальше едешь, тем печальнее становится у тебя на душе. А когда прибываешь в Швейцарию и поселяешься в пансионе, приходишь к самому главному открытию своей жизни: «Мы тешим себя надеждой, что и у нас есть отечество. А между тем здесь даже обычный гражданин куда счастливее наследника престола древней страны!»

Тебе стыдно встречаться с европейскими сверстниками. Тебе не нравится, когда они смотрят на тебя как на наследного принца. Да еще какого! – наследника престола такой отсталой страны, как Иран. Но хочешь ты этого или нет, ты воспитан стать падишахом, и ты должен сохранять свой статус. Твоим самым большим капиталом является твоя гордость и высокомерие. Так не утрачивай их! Да и кто знает, в какой точке земного шара находится твоя страна, какая она? Ты должен сделать так, чтобы с самого начала все твои одноклассники смотрели на тебя как на настоящего наследника престола, и проявляли уважение к тебе. Тебе следует сохранять этот сухой, официальный тон, дабы другие держались от тебя на расстоянии.

Но ты ошибся со своими предположениями. Твое надменное поведение в первые дни учебы обернулось

против тебя, потому что ты должен уяснить, – это чужая земля, и ты должен стать другим человеком. Ты стоишь в зале школы как настоящий престолонаследник, и вдруг один из мальчишек, который, кстати, хорошо боксирует подходит к тебе и как бы невзначай бьет тебя в лицо. Ты тут же падаешь на пол, и все окружают тебя.

– Встань! Ты – наследник престола исторической страны. Разве учитель истории не говорил, что во времена, когда на исторической земле Ирана народ пил воду из медных кубков, эта часть Европы была погребена подо льдами и снегами. Так встань же, поднимись! Возьми за шиворот этого нахала и дай ему правой рукой в нос. Чтобы впредь никому неповадно было косо смотреть на престолонаследника древней иранской земли. Вставай же, о наследник этой земли с историей в тысячи лет!

Ты не теряешься и принимаешь решение, во что бы то ни стало сохранять свое благородство. Но ты и сам не понимаешь, почему поднимаясь с пола и отряхивая брюки, выходишь вперед, и, пожимая руку тому драчуну, просишь прощения за свое оскорбительное поведение? Все потрясены твоим поступком и аплодируют тебе. Лишь твой приятель-проныра, раздосадованный, понурился, быстро пропадает из виду.

– Черт бы побрал этот царский престол, корону и трон! С меня хватит всех этих мучений. Пусть отец, наконец, поймет, что его сын – малодушный трус. С сегодняшнего дня я хочу наслаждаться жизнью, как все.

Ты заводишь дружбу с ребятами, увлекаешься спортом. Ты без ума от футбола и волейбола. Решаешь сделать себе сильную, мускулистую фигуру. Тебе хочется стать нормальным молодым парнем, жизнерадостным и привлекательным. Не то что кадjarские наследники – вялые и рыхлые. Как же приятно скользить по снегу на лыжах! Какое удовольствие приносит бег за фут-

больным мячом! И пусть сопровождающий тебя проныра с утра до ночи учиться и забивает мозги всей этой никчемной чепухой! Он и вправду умнее и прилежнее тебя. Но сколько бы он ни учился, чего он добьется, в конце концов? Не иначе, как станет служащим в одном из управлений страны? И даже тогда он будет должен подчиняться твоим приказам, не так ли?

Ты смотришься в зеркало и умиляешься своим отражением. Ты в самой прекрасной поре, и пышешь жаром мужской зрелости. Благодаря занятиям спортом и многочисленным физическим упражнениям твоя кость становится шире, а вид – все внушительнее. Постепенно ты находишь себя и обретаешь веру в свои возможности. Но лишь одно омрачает твою жизнь – тень отца всегда присутствует рядом. Куда бы ты ни шел, она неизменно следует за тобой, рисуя силуэт длинных отцовских сапог. Ты не чувствуешь свободы. Старый наставник, приехавший с тобой в Швейцарию, доносит обо всем отцу. Старик настолько обязателен и щепетилен в исполнении своего долга, что тебе едва ли удастся его обмануть.

Идет снег, а ты словно узник в своей комнате. Друзья и одноклассники ходят в театр, развлекаются, а ты сидишь в пансионе и смотришь из окна на улицу. Одиночество и чужбина в эти рождественские дни больше всего тяготят тебя. Девушки и парни прогуливаются под ручку по тротуарам, они веселятся и смеются. Кто-то играет в снежки, кто-то катается с горки, некоторые сидят на скамейках в парке, и видно, как у них изо рта идет пар, когда они нашептывают на ухо друг другу что-то о своих мечтах, прижимаясь при этом щекой к вороту пальто друг друга, ощущая горячий жар дыхания молодости. А ты, как старый наследник-кастрат, вынужден сидеть у окна и наблюдать за ними. Почему? Потому что в любом положении ты должен выглядеть благородно, чтобы вызвать у других уважение.

Ты страшно устал от всего этого. Мелкие, но острые глазки твоего наставника всегда следят за тобой. Только взгляни на него! Как старый ворон, он без устали следит за тобой из-за портьеры в комнате. Ах, если бы я мог взять, кинуть его в этот снег и придушить! Кто сказал, что тебе всегда нужно играть роль монаршего наследника? Подумаешь, Ваше Величество! Почему очаровательные девушки, подходя к тебе, должны снимать шляпки и, сделав легкий поклон, исчезать из виду? Почему им нельзя послать тебе любовную записку или пригласить тебя на чашечку кофе? Почему между нами должно пролегать расстояние в тысячи фарсангов? – в точности как расстояние от Ирана до Европы.

Тебе совсем не нравится этот благородный юноша в зеркале. Тебе следует либо разбить зеркало, либо разбить себя. Но ты не можешь. Боишься, даже ворон. Каждый раз, увидев на улице ворону, затаенный страх начинает каркать в тебе. Ты чувствуешь, что даже швейцарские вороны и те знают тебя, и все следят за твоим поведением. Тебя можно понять. Откуда тебе знать, – вдруг и они, как вороны из мраморного дворца, доносят все твоему отцу. Хотя, когда к тебе приставлен этот старый слуга, вороны уже ни к чему. Этот упрямый старикашка такой дотошный, что даже телеграфирует в Тегеран о том, сколько раз ты зевнул.

Снег постепенно начинает таять, и к тебе приезжают твои родные.словно ягненок-сиротка, ты обнимаешь свою мать и всё нюхаешь и нюхаешь её. Сестра-близнец смеется и говорит:

– Машалла, чтоб не сглазить! Ты прямо-таки стал настоящим мужчиной!

От радости ты не находишь себе места. Твои сестры «сбросили кожу», заметно выросли и стали настоящими женщинами. Хотя твоя сестра-близнец уступает красотой Шамс, но в ней есть своя изюминка. Она –

горячая, с диким взглядом и дерзким нравом, со своеобразной «стервецей» и женской коварностью. Тем не менее она не довольна собой и завидует Шамс. Она и не ведаёт ещё того, скольких кавалеров может заставить упасть перед собой на колени только одним взглядом своих жгуче черных, горячих глаз. Но всё равно она не довольна тем, что родилась девочкой, и проявляет эту свою неудовлетворенность разными способами – ревностью и вызывающими поступками, склочным характером и раздражительностью, поспешными решениями и неожиданной смелостью. Она – твоя прямая противоположность. Ты всегда избегаешь чужих взглядов, спокоен, замкнут, а она – без ума от шума, и в любой момент может что-нибудь учудить.

Твоей сестре-двойняшке тоже вздумалось остаться в Швейцарии и продолжить учебу здесь. Она настаивает на том, чтобы мать отправила телеграмму в Тегеран и получила разрешение отца. Однако наш венценосный отец ещё более упрямый.

– Нет! Ещё чего... Как можно скорее возвращайтесь в свою страну!

– Мохаммед Реза, видишь, как же я несчастна! Только из-за того, что родилась девочкой. Вот если бы...

Всё если бы, да кабы... Но ничего тут не поделаешь. Никто не смеет перечить твоему венценосному отцу. Разгневанная сестра-близнец с заплаканными глазами покидает тебя и вместе с остальными возвращается на свою жалкую родину. И опять остаешься ты, друг-проныра и старый слуга-управляющий.

Как вдруг, в один из дней, двери счастья распахиваются перед тобой, и молодая уборщица школы, больше похожая на снежную фею, вдруг разглядывает в тебе настоящего мужчину. И вот впервые в жизни ты пробуешь его – вкус противоположного пола. Ты ещё долго будешь витать в облаках, вспоминая эту связь. Но слишком быстро терпкий запах того случая поднимется

вверх, и ты будешь вынужден спуститься с небес, чтобы, во что бы то ни стало, замести следы и скрыть это от старого прислужника. Как жаль, что ничего уже нельзя сделать, потому что твой отец уже почуял неладное!

«Ах, мой венценосный отец! Вороны так спешно донесли до тебя вести, что ты вперед меня узнал о том, что у той девушки уже сделался живот!»

Ценой больших усилий и, конечно огромных, расходов тебе удастся утрясти это дело. Опасность пуль пролетает мимо твоего уха. Удивительно, что твой венценосный отец так просто закрывает глаза на это происшествие и не отзывает тебя в Тегеран. Кто бы мог подумать? Возможно, он сделал скидку на твою молодость и простил тебя?

В конце концов, докладные твоего старого и строгого управляющего выводят тебя на чистую воду, и как то раз отцу сообщают, что его сын так подружился с сыном школьного привратника, что все время просиживает с ним наедине и внимает его жалобным стихам. Что может быть отвратительнее? А впрочем, кому какое дело до того, что наследный принц тратит свое время на чтение и прослушивание любовных стихов? Нужно отдать отцу должное, как же тут не разгневаться? Ведь это непростительный грех, он гораздо страшнее любого другого непристойного поступка.

Ведь не найдется никого, кто бы сказал этому юноше – зачем наследнику престола стихи? Разве ты – наследник плодовитых Каджаров, чтобы растрачивать свое время на чтение любовных стихов? Хватит с тебя ученья! Скорей собирай все свои пожитки и возвращайся к себе на родину!

Твои попытки тщетны. Всего одна строчка в телеграмме изменила твою судьбу. Ты вынужден сесть в автомобиль, а потом пересесть в поезд, а следом плыть

на пароходе, и проделать весь этот путь назад, чтобы вернуться в свою разваливающуюся страну, на родину венценосного отца, через пять лет, с мускулистым телом и сладкими воспоминаниями, повидав заморские страны и изучив языки.

По случаю твоего приезда затевают торжественную церемонию встречи, с цветами и даже триумфальной аркой, со сладостями и чаевыми! Слово бы ты сказочный принц, вернувшийся из сказки.

Словно не пять, а пятьдесят лет прошло с твоего отъезда до возвращения. Ты поражаешься тому, как многое здесь изменилось. И ты уже не прежний престолонаследник, и страна уже вовсе не та – всеми забытая деревня. Пока тебя здесь не было, преобразились целые города, многое поменялось. Куда ни взгляни, увидишь новое: заасфальтированные дороги, большие фабрики и высокие здания, многочисленные организации и учреждения, новые профессии, диковинные машины... Верится с трудом. Внешний вид людей изменился, и теперь все реже можно увидеть людей в старомодных нарядах. Кафтаны, рубахи и сюртуки особого покроя, черные безразмерные шаровары на веревке, чачваны, чадра и широкие женские шальвары, зауженные книзу, шапки из хлопка, шерсти и меха, бесформенные тулупы – все это как будто ветром сдуло. Вкус жителей в подборе одежды полностью изменился. Куда ни посмотри, мужчины щеголяют в лакированных туфлях, костюмах, галстуках, сорочках на пуговицах и шапках-пехлевийках.

Проспекты столицы гудят. Автомобили потеснили экипажи, лошадей и ослов, а люди теснят друг друга. Словно невидимая сила уничтожает приметы старины и насаждает новое. Старинные ворота сносятся вместе с величественными зданиями. Черный великан, питаемый нефтью, поглощает сады и старые улочки с переулками и кварталами и на их место выплевывает асфальт. Из земли вырастают многоэтажные здания.

Образуются новые кварталы. Возникают новые проспекты и площади, школы, больницы, отели и многочисленные магазины. Даже построены несколько новых дворцов для тебя и других членов шахской семьи.

Ты еще не успел толком отдохнуть с дороги, как уже определены твои обязанности. Венценосному отцу хватило одного взгляда, чтобы понять: пять лет учебы прошли зря, и теперь наиболее подходящее место для тебя – офицерское училище. Там ты и военную науку освоишь, и закалишь свой характер для предстоящих тяжелых времен.

Ты рад началу новой жизни. Больше не хочешь быть прежним щуплым стеснительным подростком, всюду таскавшимся за отцом, как тень. Ты хочешь стоять на своих ногах и благодаря приобретенному в Европе опыту в полной мере пользоваться статусом шаха-наследника, восполняя тяготы жизни в Европе.

И вот ты набриолинил волосы, оделся в шикарный костюм и в разъезжаешь по городу в спортивном автомобиле, встречаясь с девушками. Как начинающий ловец, ты – на приемах – раскидываешь сети и терпеливо ждешь, пока в них попадетя красотка, с которой можно затеять любовную игру. Тем не менее, ты все еще неловок и неопытен. Ты знаешь также, что и вороны донесут обо всем отцу. Но в душе ты веришь, что отец будет смотреть на твои похождения сквозь пальцы. Он, однако, лучше тебя знает, что воду лучше перекрыть у самого ее источника. А ведь он прав: как отец, он готовится отпраздновать одно из главных событий в своей жизни, а именно – женитьбу сына... Наследника.

И вновь ты должен подчиниться воле своего венценосного отца. Тебе некуда бежать. Да и какое собственно значение имеет твоя личная жизнь, твои желания, когда на карту положена судьба целой шахской династии? Просто наступи на свое сердце, как на неселый гранат, и раздави его. Как наследник престола в

мусульманской стране, ты имеешь право на четырех законных жен и на любое количество жен временных. Тебе разрешено, как петуху с высоким гребнем, прыгать, но ты не имеешь права влюбляться, подобно соловью.

– Выбрось из головы все эти европейские штучки! Ты – наследник трона этой страны, где монархов с двенадцатилетнего возраста приучали властвовать и создавали для них гаремы. Пока плодовитые мужи шахских кровей получали власть, имелись про запас, так сказать, «на черный день», и наследники помоложе, некоторые из них до старости доживали в этом статусе, обзаводясь даже внуками и правнуками. Потому что знали, что нужно любой ценой сохранить для семьи корону и трон. Так что выбрось из головы саму мысль о холостяцких развлечениях! Конец падишаха, у которого нет наследника, плачевный. Конец такого падишаха – смерть! Управлять страной – это не шутки шутить. Будущее никому неизвестно. И если тебе когда-нибудь понадобится взрослый наследник, что ты будешь делать – локти кусать? Или посадишь на трон свою сестру-близняшку?

Слова отца так западают тебе в душу, что ты начинаешь сожалеть о том, почему раньше не задумался о женитьбе? Но где же отыскать достойную супругу?.. Не переживай! Отец заблаговременно поручил своим доверенным лицам подыскать девицу благородных кровей, из зажиточной семьи, да такую, чтобы удалась и лицом и нравом. И вот однажды тебе внезапно объявят, что тебя уже помолвили. Хотя ты ни разу своей невесты и не видел. Но какое это теперь имеет значение?

Вместе с семьей и придворными, со всеми почестями и с богатыми дарами ты отправляешься в Египет, чтобы посвататься к сестре правителя этой страны. И когда ты видишь эту девушку, дыхание у тебя перехватывает, а руки и ноги словно отнимаются. Она не-

обыкновенно хороша собой, просто пери с голубыми глазами. Роскошные каштановые волосы и яркие пухлые губы, делают ее похожей на звезду Голливуда... Говорят, эта египетская принцесса чересчур замкнута и высокомерна, но это, с твоей точки зрения, не проблема. Такая красавица и должна быть гордой затворницей. Ей и подобает быть высокомерной.

Вы гуляете по берегу Нила, разговариваете, делитесь мечтами и планами. Ни она, ни ты не можете говорить на родном языке, и это – первая преграда, возникшая между вами. Но вы чувствуете друг к другу такую симпатию, что ни о чем другом уже и не думаете. Словно ваш брак уже скреплен навечно на небесах. Ты так увлечен ею, что по пути назад, в самолете, понимаешь, что оставил в Египте самое дорогое – свое сердце. Как быть? Тебе следует некоторое время побыть в разлуке, сгорая от жажды скорейшего свидания, пока невеста с Нила в сопровождении своей семьи и официальной делегации прибудет в Иран, где ваш брак будет скреплен официальными узами.

По приказу твоего венценосного отца по всей стране объявляется праздник. Ваше фото – скромного престолонаследника и красивой невесты развешаны повсеместно. Народ только и говорит о красоте египетской невесты. Имя «Фаузия» у всех на устах, даже одну из площадей столицы решено переименовать в ее честь.

Все делается с молниеносной скоростью, и ты не успеваешь опомниться, как уже несколько месяцев женат. Причем все сильнее ощущаешь, что женитьба ваша была не плодом пламенной любви, а скорее протокольным союзом, заключенным между иранской и египетской монархиями. Вы с ней живете вместе, но словно бы в разных мирах. И, хотя она – как, наверное, все девушки – быстро привыкла к статусу замужней женщины и вошла в роль, то ты в душе по-прежнему остаешься тем же стеснительным юношей и несколько

не ощущаешь себя мужем. Конечно, свои обязанности мужа ты выполняешь хорошо, но все время над тобой возвышается высокая тень отца. Ты как будто еще не созрел, как тот плод, который растет в тени.

После твоей женитьбы отец стал больше посвящать тебя в дела страны, и ты теперь почти каждый день проводишь с ним. А египетская жена все свое время проводит в окружении свекрови и золовок. Словно прекрасная заморская птица, присланная в подарок из далекой страны, ей только и остается – подобно самке павлина – величаво расхаживать по дворцу, радуя собой глаза окружающих, которые только и ждут, когда наконец, она принесет сыночка с золотистым хохолком на голове. И когда она забеременела, все стали баловать ее и лелеять. Твой отец особенно о ней переживает, заказывает для нее калорийную пищу, и, не дай бог, кому обидеть его невестку. Однако капризную и изнеженную египетскую принцессу не так-то легко ублажить – она не ко всякой еде притрагивается, халва и питательные блюда оставляют ее равнодушной. И вообще она говорит, что от иранской кухни ей становится плохо. Все это только повод, а ты прекрасно знаешь, где корень этих забот: избалованность Фаузии, с одной стороны, и зависть, женские сплетни и лицемерие других, особенно, твоей сестры-близняшки и матери, Тадж ол-Молук. Ты изо всех сил стараешься скрыть это от отца, потому что прекрасно знаешь, если он заупрямится, то может далеко зайти – ради невестки даже отказаться от членов своей семьи.

Наконец, твоя жена, в чьем округлившемся животе заключены сейчас вся честь и репутация шахской династии, ложится в больницу. Начинаются родовые схватки, и невеста Нила стонет на непонятном языке, представляющем собой смесь арабского, фарси и французского, а потом громко кричит до тех пор, пока на

свет не появляется младенец и начинает плакать, но тут... Будь проклята судьба!

Улыбки застывают на губах. Родилась девочка. Когда акушерка сообщает тебе эту новость, она от смущения не поднимает глаз. Нерадостная радостная весть! Все сникли. Как будто твоя супруга произвела на свет ребенка с увечьем.

Новорожденную подают тебе на руки. Ты целуешь ее в лобик и всматриваешься в сморщенное синеватое личико. Взгляд еще неосмыслен, но сильное сходство с тобой очевидно. Сколь печальна будет твоя жизнь, милая девочка! Лишь потому, что на свет вместо наследника появилась ты, с твоей женской, не шахской судьбой.

У тебя не хватает смелости сообщить эту новость отцу: ты поручаешь это другим, потому что боишься его гневной реакции. Так и происходит. Услышав новость, отец в раздражении сметает все со стола и осыпает проклятьями несчастную судьбу своей династии. За что столь несправедливое наказание?! Он даже всей душой убежден, что за это он будет либо убит, либо окажется в ссылке.

С этого времени отец постепенно становится все более резким и замкнутым. Хотя отношение его к невестке не изменилось, и все помнят его наказания заботиться об этой чужестранке. Он надеется, что следующие роды принесут мальчика, и этот прискорбный случай был предан забвению. Но для Фаузии перспектива скорой второй беременности подобна кошмару, и она всячески избегает ее.

– Есть ли большее унижение, чем это?! Неужели я вышла замуж лишь для того, чтобы родить тебе сына? В таком случае, поехали бы в деревню и нашли там плодовитую молодку! А если требуется египтянка, так у нас в стране полно женщин, которые беременны по девять месяцев в году.

Ее речи больно кусают тебя, но предел твоего терпения выше всех этих слов, ведь тебе не хочется ее огорчать. Так или иначе, она – из монаршей семьи и всю жизнь жила в холе и неге. К тому же, она будущая шахиня Ирана, поэтому, во что бы то ни стало, вы должны помириться.

Каждодневные дела не позволяют тебе проводить много времени с женой. Отец хочет постоянно видеть тебя рядом. Все его заботы сейчас – о создании сильной современной армии, о построении с помощью немцев, передового, промышленно развитого государства. Англичанам и русским он не доверяет и предполагает, что в скором времени между ними начнется большая война. По его словам, Гитлер заверил его, что, как только Германия победит своих извечных врагов, она всесторонне оснастит и поддержит Иран.

Характер и настроения твоего отца постепенно меняются. Он теперь ни с кем не советуется в делах и не терпит малейших возражений. Разве можно помыслить, чтобы в такой отсталой стране появилось столько нововведений и после этого не услышать протестов? Скорость преобразований такова, что даже тебя она поражает. За каких-то пятнадцать-шестнадцать лет все в стране стало с ног на голову. Пятнадцать лет... Как ничтожно мало! Взять хотя бы первую поездку Насреддин-шаха в Европу до его третьего путешествия, либо примерно с момента издания указа о введении в стране конституционного режима до государственного переворота во времена царствования твоего отца... Сколько таких вот отрезков по пятнадцать лет повидала эта страна?! И ведь вода не шелохнулась! От прихода к власти Каджарской династии до ее свержения – сколько прошло времени? Сто пятьдесят три года! Примерно в десять раз больше периода царствования твоего отца до сего дня... Но чего она достигла за те полторы сотни лет? Она зашла в исторический тупик. Стояла на месте

в самый ответственный момент истории человечества, когда его потрясали величайшие революции и важнейшие перемены.

Ты думаешь: за эти пятнадцать лет правления твоего отца изменилось почти все, кроме политического строя, который так и остался в первоначальной форме. И по сей день страной правит один человек, пусть и более современным способом. Однако никто не смеет подвергать критике абсолютную власть твоего отца и выступать с протестами. Он ни во что не ставит Конституционный режим, соглашаясь принять все европейское, кроме формы правления. Поэтому очевидно, как ясный день, что он стремится упечь в тюрьму своих противников и даже покончить с ними. А более активные могут быть в наказание отправлены в ссылку. Как можно допустить такое, чтобы шайка корыстолюбцев, с комплексом неполноценности, выступала с критикой деятельности падишаха целой страны? Особенно, журналисты и так называемая интеллигенция. Нет, никому не укрыться от гнева и подозрительности венценосного отца. Пусть даже это будет могущественный визирь его двора, – его с легкостью можно отправить на тот свет, введя воздух ему в вену.

Денно и ночью ты занят этими мыслями, и все никак не осмелишься озвучить их. Резкий и сухой характер отца никак не вяжется с твоей чувствительностью. И каждый раз, пытаясь в завуалированной форме что-либо донести до отца, ты повергаешь его в ужасный гнев. Да так, что он начинает сыпать проклятья всем и вся. Как всегда он сравнивает себя с Каджарами. Ему нет дела до того, что происходит в европейских странах. По его мнению, до тех пор, пока народ Ирана не станет цивилизованным, не следует предоставлять ему полную свободу. Ты удивляешься тому, что говорит отец: почему же, несмотря на все эти преобразования в стране, сам он совсем не изменился? Это факт, который ты

считаешь самый большим противоречием в личности твоего венценосного отца. Хотя, в свое оправдание, он приводит особые, только ему понятные, доводы:

– Было бы лучше, если бы я правил подобно тем беспечным шахам-каджарам? Чтобы весь мой ум и сознание были устремлены на женские ноги? Не лучше ль думать о собственном запоре, чем о каких-то дурных предзнаменованиях, преследующих народ? Что ж получается? – Это я, Обладатель счастливого сочетания звезд, должен копейка за копейкой облагать свой народ податью, брать в долг у заморских стран деньги, чтобы отправиться в путешествие в Европу? А они вместо того, чтобы внедрять науку и промышленность, привозили бы в подарок все эти безделицы – клизмы, дамские корсеты и фото обнаженных девиц? Почему? А потому, что единственно исправно работающим во времена тех «ангелоподобных» шахов, было то, что находилось ниже брюха у этих господ. А ведь народ, поколение за поколением, самозабвенно верил этим похотливым господам, этим смаодержцам, которые живя бок о бок с блохами, утратили способность отличать плохое от хорошего. И ты говоришь, что этому народу нужно предоставить право голоса? Нет, прежде людей нужно воспитать. Никто ведь не говорит; что пока народ не научится содержать себя в чистоте, ни к чему ему все эти разговоры о демократии. Нужно вбить им это в головы, пока не откажутся от этих дурных привычек. Им следует узнать великое прошлое своей страны, как жили их праотцы в древности, – как далеки они были от лжи, лицемерия, лени, суеверия и многих других пороков.

Слова отца как всегда правдивы и логичны. Но эти слова не могут оправдать его упрямство. Со всех уголков страны до тебя долетают известия, от которых волосы становятся дыбом. Разве отец мог дать приказ об убийстве людей? Разве могли его противники погибнуть в

тюрьме от примененных к ним пыток, да так, чтобы их семьям не разрешалось даже скорбеть по ним?

Зачем жандармы срывают прилюдно чадру с женщин? Почему они погибают от пыток или остаются калеками? Каджарские шахи нуждались в малом количестве евнухов, которые прислуживали им в гареме. А мы хотим всех мужчин сделать увечными, превратить их в кастратов, слепых и глухих, чтобы спокойно править.

Ты чувствуешь, как достигаешь зрелости, растешь духовно. Говорить об этом отцу ни к чему – все без толку. Мысли о подобных вещах могут помочь тебе в период твоего правления, чтобы предотвратить такие события. Это оборотная сторона медали и всех «преlestей» царствования, о которых ты только узнаешь. Если так пойдет и дальше, не далек тот день, когда ты осознаешь, что намного сложнее быть падишахом, и при этом еще оставаться человеком.

Ты все меньше видишься с Фаузией. Вы избегаете друг друга. С твоими родными она теперь старается не общаться. А какую картину являют собой твои родные! Хаос и гвалт: словно только что вылупившиеся из яиц черепашки беспорядочно расползаются в поисках воды.

То и дело, через определенные промежутки времени во дворце появляется на свет новый сын шаха или новая дочь. Твоя мать так и не смогла примириться с новыми женами шаха и их детьми. Между ними не прекращаются скандалы. Словно нет у них дела, кроме как выслеживать друг друга и при удобном случае нанести удар, тыкая соперницу носом в грязь. И какие только хитрости и уловки не идут в ход, даже колдовство, – чтобы изменить отношение супруга к другой жене. Доходят до того, что закапывают мошонку кабана под порогом противной стороны или добавляют шаху в пищу медвежью печень – чтобы он потерял мужскую силу и прекратил плодить детей. Куда бы

они ни шли, везде кто-то старается проткнуть тень соперницы. Для них, и их детей, и особенно дочерей, и особенно на приемах нет конца зависти, соперничеству, и женским склокам – из-за какого-нибудь украшения, из-за предмета одежды, даже из-за взгляда какого-нибудь смазливового юнца!

Поведение твоих родных настолько позорно, что однажды Фаузия сказала тебе в супружеской постели: все они «выскочки», это новоиспеченное шахское семейство. Слова эти так обидели тебя, что ты даже рассвирепел. Фаузия, желая загладить эти слова, вежливо проговорила:

– Вы жили в Европе и понимаете меня. Я боюсь того дня, когда, не приведи Господь, над нами не будет защиты Его Величества, твоего отца... Как нам будет тяжело! Я сочувствую, что Вам придется жить с этими людьми, да еще и править страной.

Эти слова и все ее поведение с каждым днем все больше отдаляют вас друг от друга. И ваша супружеская постель теперь не так горяча, как прежде. Каждый раз, когда ты смотришь на свою маленькую дочку, в ее детских глазах видишь отражение не хорошего отца, а того грустного юноши двадцать одного года от роду, который не может играть роль хорошего супруга. Теперь ты даже не чувствуешь себя отцом, ты мужчина, который не годится для жизни, в семье, ты только хороший престолонаследник. И Фаузия тоже не сколько хранительница домашнего очага, сколько красивая и утонченная королева. Твоя семья считает ее гордой затворницей, которая проявляет благосклонность лишь к тем, кто говорит на ее языке, ни во что не ставит семью мужа, не садится за стол по случаю жертвенного угощения, не ест так много супа с лапшой, как поглощают, его поварешка за поварешкой, родные мужа, не лузгает с ними семечки... А хуже всего то, что ни в

грош не ставит советы твоей матери по поводу того, как забеременеть мальчиком.

– Дорогой сынок! Я твоей жене столько об этом твердила – язык стерся! Сто раз ей говорила, что только в ночь на среду, причем только при свете луны – вот как она должна забеременеть. Говорила ей: ешь горячую пищу, спи на левом боку. Днем съедай по одному красному яблоку, а смотри только на новорожденных мальчиков! Говорила ей, чтобы испытанные, особые молитвы положила под подушку, но разве она послушала? Она вообще разговаривает? Скорее от стенки добьешься ответа, чем от нее!

Глаза б твои не видели никого из этих женщин! Ты устал от всех этих бабских разговоров... Эта долгая ночь...

...Эта долгая ночь никак не желает превращаться в утро. Тебя давит тоска, а больница полна смертельным молчанием! Прохлорированной тишиной... холодной... синей...

Ты отрываешь голову от подушки и смотришь на небо за окном. Неожиданно, разбивая тишину, начинают хлопать крыльями утки, а может быть, и цапли. Как знать, не полетели ли эти птицы в Иран? Чтобы достигнут озера Урмия или беспокойных прудов в провинции Фарс... Билеты, визы, паспорта им не нужны... Никто их не задержит за незаконное проникновение в страну, не бросит в тюрьму, не повесит...

...Через открытое окно в палату проник прохладный ветерок и принес с собой запах Нила... О Нил-река! Остановись на мгновенье, поверни назад! Прошу тебя, верни тот миг, когда... Когда мы с Фаузией шли вдоль твоего берега?.. Нет... Ту минуту, когда египтянка забеременела?.. Нет! Чуть раньше! Да, тот самый миг, когда Фаузия в Мраморном дворце сидела перед зеркалом и расчесывала каштановые волосы. Ка-

кой зловецкий день! Египетская невеста еще не была беременна, но страна твоя стояла на пороге многих сложных событий.

* * *

О Нил-река, остановись на миг! Поверни назад! И из горячего бассейна бани выйдет Шахрбану.

Нагая, она изящными пальцами ног ощущает грязный осадок на дне бассейна: он полон отмерших человеческих клеток, тканей, шерстинок и волосков неизвестного происхождения, чей-то слизи и выделений. Итог сладких снов юности и старческой тоски по ушедшему... На поверхности – толстый слой мыла и жира, а под ним каких только нет болезней: следы нарывов и чирьев, глазная трахома и кожная короста, здесь смывали гной, воспаления и сифилис, и пот от блудных сношений и ... Нужно ли удивляться, что молодые девушки пуще смерти боятся общественных бань, уверенные, что в такой воде запросто можно и забеременеть...

Шахрбану осторожно ступает по скользким и липким ступенькам, выходя из бассейна. Держа руки крепко на полных молока грудях, она направляется к лавке, где оставила банные принадлежности. Ставит на грязный, липкий пол свой медный банный таз с зубчатыми краями, и садится в него. Пусть тело немного отмякнет в парном воздухе. Ей некогда натереть себя жиром, чтобы хорошо распариться. Потом она лишь наскоро пройдет по коже банной рукавицей, ополоснется и – поскорее назад домой.

Грохот медных тазов и шаек отскакивает от банных стен и вырывается наружу из форточки в отпотевшем куполообразном потолке. Народу в бане сегодня не так много, и, против обыкновения, женщины не слишком веселы. Тут и там сидят на полу или на лавках и, не

прекращая мытья и постирушек, порой с тревогой поднимают глаза на форточку под потолком, через которую видно туманное утреннее небо. Или шушукуются. Словно все ожидают какой-то небесной кары, всех окутал сегодня таинственный страх, заставляющий женщин поторапливаться и быстрее уходить.

Шахрбану вдруг замечает молодую женщину, насупившую растирающую рукавицей спину старухе. И каждый раз, когда проводит рукавицей то вверх, то вниз, дряблая кожа будто хочет сойти со старческого тела, словно баранья шкура, снимаемая целиком. По лицу старой женщины и сейчас видно, какой миловидной она была в молодости. Наверняка у нее было множество поклонников, а теперь и банные джины ужаснутся от одного ее вида.

Банный воздух тяжел, и Шахрбану чувствует, как ею овладевает оцепенение. Веки невольно смежаются, и она словно падает в какую-то пустоту, наполненную паром, в бане, полной женского начала, гулких голосов в пару, раскованно колыхающихся тел, органов; шалости и озорства, запаха хны, сырости, кислого пота, отпечатков дней на телесах, мужской грубости банной рукавицы, отцовской настойчивости ножной пемзы, женской мягкости мочала... Каждое женское тело – домашняя тайна, которая раскрывается только в общественной бане. Синие следы ночи. Беременности желанные и нежеланные. Питание правильное и неправильное. Роды одни за другими. Следы от старых ран. Бородавки греха, родинки судьбы...

Холодные капли, словно пот, упали с купола на тело Шахрбану, заставив ее вздрогнуть и растерянно оглядеться:

– Разрази меня Аллах, ну и время же я выбрала для сна!

Она открывает крышку мыльницы и достает мыло. Торопливо намыливает им черную банную рукавицу и

начинает тереть свою кожу, едва слышно читая молитвы. Порой в бане у нее случаются эти состояния, и на несколько минут она забывается. Хотя это наверняка от сильного жара, от пара...»

С тревогой она смотрит через форточку в потолке на небо: уже совсем светло.

«Поторапливайся! Солнце уже совсем высоко».

Она оглядывается по сторонам. Баня опустела. Несколько женщин ушли. Только две женщины еще в бассейне, и одна, сидя на лавке, натирает себя пенной рукавицей, без крика и шума... Женская баня, и такая тишина?! Словно кладбище! Где же те болтушки и хохотушки? Где сплетницы и шутницы? Где женское злословие? Пересуды о мертвых и живых, о беременных и порожных? О том, у кого деловитый муж, а у кого никчемный? Вон, та полная луна, поднимающаяся из бассейна, кто она? А вон то солнышко ясное, его сорок косичек, окрашенное хной – из какого она квартала?.. Всё разговоры, намеки и насмешки, шутки, смех и подковырки. Трех-четырёх часовые походы в баню. Баня после родов. Баня перед свадьбой. Звуки бубна и тамбурина. Суп из сумаха и виноградного уксуса. Хлеб, сыр и зелень. Кальян и очищенные зерна граната. Латунный кубок с надписями сорока аятов. Зеркальце в серебристой рамке. Ножницы, перочинный ножик и гребень для волос. Проволочка для плетения кос...

Она внимательно смотрит на женщин. Словно бы все они ей чужие, ни одной родной души вокруг. Одни только джинны и духи. Ее охватывает страх. Произносит «бисмилла» и перестает натираться мочалкой. Кладет мыло обратно в мыльницу, закрывает ее и идет к бассейну. Горячей водой из ушата ошпаривает лавку. Садится и начинает намыливать рукавицу. Тщательно трет себе голову мылом, чтобы на волосах было побольше пены. Впивается ногтями в гущу волос и безжа-

лостно начинает тереть кожу головы. Да не услышит глухой шайтан, давненько у нее не заводились вши. Ах, как же ей противны эти живучие вредные твари! Только подумает о них, так сразу мурашки по спине. Все начинается неожиданно. Сначала легкие непонятные покалывания у корней волос, чувство то ли движения, то ли перекаатов живого существа в волосах, а потом постоянный зуд, зуд, зуд... Тогда нужно сидеть на солнце перед зеркалом и перебирать волосы. Но, черт бы их побрал, они уже успели расплодиться! Ты вся вздрагиваешь, нащупывая гнид. Известковые узелки, прилипшие к корням волос! Медлить нельзя. Ты должна уничтожить их пока они не вылупились... Большим и указательным пальцами ты одну за другой, словно мелкие бусины, извлекаешь их из головы, а потом, зажав между ногтями, щелкаешь ими. Но все без толку. Гнид слишком много! Нужно позвать кого-нибудь на помощь. Жена с мужем усаживаются на открытом воздухе и начинают рыскать в головах друг друга. Любовная картина, не требующая объяснений. Бесконечная история. Вши так расплодились, что тебе непременно нужно идти в баню или же, распарившись, вымыть тщательно волосы, подмышки и все прочие места уксусом или каломелью. И детей тоже. Всю одежду, простыни и наволочки бросить в кипяток или подержать у горячей печи или очага, чтобы блохи попадали в огонь и, щелкая от жара, погибли. Но все равно, этих окаянных тварей не искоренить. Тебе постоянно нужно проверять голову себе и детям. Это ты слишком мнительная, чистоплотная с хорошим чувством вкуса, а другие так привыкли к вшам, что если вдруг те все повыведутся, голова все равно будет чесаться! Твои усилия тщетны. Не долго же ты радовалась! Голова опять начинает зудеть. Ты раздраженно впиваешься в корни волос, как вдруг жирная вошь падает на пол. Мерзость! Какое брезгливое чувство!

Она вновь чувствует, как голова начинает зудеть. Шахрбану вслепую нащупывает на лавке таз, как вдруг кто-то с шумом выливает ей на голову ушат горячей воды. Ее невольно охватывает ужас, она резко открывает свои намыленные глаза.

– Вай! Это вы, Рукайя-ханум? Я испугалась... Спасибо вам, не стоило беспокоиться!

Это соседка, живущая четырьмя улицами выше. Она разрешилась только на прошлой неделе – это были ее восьмые роды.

– Чего ты напугалась? Соседки?!

– Нет ... Ничего... Так просто. Давай я помогу тебе, Рукайя-ханум!

– Нет, дорогуша! Я наскоро помоюсь и быстро вернусь домой.

Шахрбану выливает на себя несколько ковшиков теплой воды, берет таз и идет к выходу. Трудно дышать. На мгновение у нее закружилась голова, она опирается рукой о стену, чуть не наступив на ногу старухи. Та все еще сидит с протянутыми руками, преграждая всем путь, без движения, словно солнцепоклонник в ожидании, пока хна окрасит ее волосы.

Она опускает ноги в бассейн с холодной водой, чтобы немного охладиться, и не простудиться потом снаружи. Проворная гардеробщица быстрыми движениями рук развязывает ее узелок и протягивает ей банную простыню.

– С легким паром!

– Спасибо!

Шахрбану быстро вытирается. Надевает через голову свое цветастое ситцевое платье и застегивает на груди пуговички. Вся ее одежда – с пуговицами, чтобы удобнее было давать грудь малышу. Вдруг ее обжигает тревога: «Уповая на бога, оставила дома четверо малых детей, а сама поперлась в баню – и чего тут расслаживаешься?»

Грудь зудят. На голову накинула чадру. Заплатила за баню и вышла на улицу: из тьмы на свет, от тревоги к страху.

Она хорошо прикрылась, чтобы чужие взгляды не падали на ее покрасневшие щеки. Так волновалась, что забыла повязать платок под низ. Холод проникает под чадру и крадет банное тепло. Шепча «бисмилла», она миновала разрушенное водохранилище. Слышит голоса позади себя. Не оборачивается. Паршивый голодный пес виляет хвостом. Она отгоняет его и сворачивает к проспекту. Вот в сторону площади идут строители и разнорабочие. Вот из переулка вывернул старик: это садовник, и с кушака его свисает длинное лезвие косы. Шахрбану знает его, это родственник ее мужа Кербелай. Она тихо здоровается с ним, не поднимая глаз. Ей стыдно, что она вся горит румянцем.

– О Кербелай что слышно?

– Прислал письмо из столицы. Передает привет и обещает к Новому году быть.

Она попрощалась – и не успела ступить на новенький асфальт проспекта, как в ухо ее, словно булыжник, ударил грубый голос:

– Вы, женщины, все никак не образумитесь... Разве государство категорически не запретило вам появляться в общественных местах в чадре?

Он подходит и вглядывается в нее. Шахрбану сильнее закрывает лицо чадрой, а жандарм от этого смелеет:

– Пройдем со мной в отделение!

Она хочет что-то возразить, но язык словно отнялся. А сердце так бьется, будто хочет выскочить из горла. То, чего она боялась, стряслось с ней. Неправильно это: разговаривать с жандармом и стоять с ним лицом к лицу. Лучше бежать к дому, вырваться из его лап. Стоять так – это бесчестье, это...

Она прыгнула в сторону и побежала, как косуля от охотника. Однако, не пробежала и нескольких шагов,

как жандарм догнал ее и рванул сзади за чадру. Слово ей оторвали руку или ногу – такое ощущение позора, оголенности она испытала. Слово с птицы содрали оперение, слово цветок сорвали!

Приблизившись, глаза жандарма с ячменем на веке уставились в покрасневшее лицо Шахрбану:

– Пытаешься бежать от представителя власти? Да я тебе такое устрою – сама будешь не рада!

Шахрбану, как каменная, застыла посреди недавно заасфальтированного проспекта: «Нет, мне ни под каким видом нельзя туда идти».

Подобно водорослям в канаве вдоль проспекта, ее влажные окрашенные хной волосы прилипли ко лбу, разметались по плечам.

«А как я оправдаюсь перед Кербелаи? Перед детьми... Ах!»

Из ее груди вдруг прорывается молоко, несколько капель падают ей на живот. Теперь она сильнее чувствует холод, а также обнаженность свою, и зубы клацают, и она умоляюще оглядывается по сторонам. Несколько человек остановились поодаль и смотрят во все глаза, но боятся подойти. Среди них есть и родные Кербелаи.

«Да за что такое бесчестье? Пропади ты пропадом, тиран!»

– А ну давай, пошли!

Она не идет. В гневе стискивает зубы. Прыгнув к жандарму, выхватывает из его рук чадру и убегает. Треск разрываемой ветхой ткани чадры – это как поругание ее чести, утреннее осквернение достоинства женщины, пахнувшей баней и хной, и свежим молоком... И нет другого выхода, кроме как бежать изо всех сил и прорваться к дому. К своей женской безопасности.

Она прикрывает голову и грудь руками и бежит, согнувшись... Бежит... Бежит... Ни на секунду не оглядываясь. Шлепанцы слетели с ног – не остановилась.

Поскользнулась и чуть не упала – не остановилась. Ей слышится мужской голос... Словно кто-то зовет ее... Не обращает внимания... Словно воробиха, вырвавшаяся из кошачьих когтей... Бросается в темный крытый проход, ведущий к дому, и, захлопнув за собой дверь, запирает ее на крючок. И засов ночной задвигает; и стоит, внимательно прислушиваясь, – не пожалует ли жандарм. Дрожит вся с головы до ног. Сердце так колотится, словно стучат дверным молотком по его женской двери. Она слышит шаги. Ждет. Но все тихо. И тут сознание ее меркнет... Она слышит голос. Встрепенувшись, напрягает слух. Этот голос – плач ребенка. Плач доносится из дома. Держась за глинобитную стену, идет в дом. Босые ноги онемели. Все тело дрожит. Медленно ступая, поднимается по лестнице на второй этаж. Ее сын хнычет в колыбели. Остальные дети еще спят.

Она расстегивает пуговицы на платье и подносит свою трепещущую грудь к ротуку младенца, лбом опираясь о краешек колыбели. Ей бы хотелось заснуть и не просыпаться до скончания века. До самого Судного дня.

– О боже, какое же бесчестье! Что скажу Кербелаи?

Вот уже три месяца, как она сообщила мужу новость о рождении сына, а он так еще и не видел ребенка. Он работает на стройке в столице. На строительных лесах ему сообщили, что у него сын – они как раз подводили под крышу высокое здание, принадлежащее каким-то аристократам... А через несколько дней после Ашуры прибыл посыльный из столицы, привез немного денег и письмецо: «Передавайте всем привет, сына назовите Хусейном».

О Нил-река, помедли еще! Не двигайся еще хоть мгновение! Полная горячая грудь Шахрбану, капающая молоком и колыхаясь, выскользнула изо рта младенца, и ротик его так и остался приоткрытым, будто не

зная, что делать дальше. Эта женщина – моя бабушка, милая бабушка Шахрбану, а мальчик – мой отец Хусейн... Действие же происходит в один из холодных дней того года, когда, по приказу властей с женщин срывали хиджабы, посягая на их скромность!

* * *

Это утро словно уже бывало не раз и вновь повторяется! Видишь? Это пирамиды. Тысячи лет они упорно стоят здесь, держа на плечах тяжелый груз времени. Грандиозные сооружения, лишённые жизни, – они для того и построены, чтобы охранять смерть. Фараоны поместили свои мумифицированные тела в эти нечеловеческие сооружения. И это была насмешка над смертью, а может быть, и в самом деле вечное передразнивание смерти. Потому ведь не случайно с пирамидами не дружат ни птицы, ни цветы, ни деревья...

– Здравствуй... Доброе утро!

Она нагибается и целует тебя в щеку. Потом с изяществом низложенной королевы поворачивается, садится на край кровати и говорит:

– Слава богу, сегодня выглядишь гораздо лучше, чем вчера! Болей нет?

Ты подтверждаешь, что нет, и она смеется с неподдельной радостью. Ты ее такой веселой давно не видел. Держится она замечательно. Духи с запахом горной фиалки. Какой уместный выбор!

– За эти дни было очень много звонков, все спрашивают о Вашем самочувствии.

– Кто, например?

– Многие... Из иностранцев – Никсон, Киссинджер, твой друг Рокфеллер, король Хасан, а также... Она делает паузу и внимательно смотрит на тебя. Потом как будто чертик мелькнул в ее глазах:

– А из местных ... один человек, который очень давно тебя знает...

Ты изображаешь равнодушие:

– В моей жизни мне столько подарков преподносили... Уже не удивить...

Она разглаживает подол юбки и официальным тоном сообщает:

– Звонила принцесса Сорайя и осведомлялась о Вашем здоровье, а также настойчиво просила передать Вашему Величеству, что она очень беспокоится и ночью – каждую ночь – молится о Вашем выздоровлении!

Подмигнув тебе, она словно обращаясь к себе, спокойно спросила:

– Интересно, почему же именно ночью? – и рассмеялась ехидно.

Говорит так, будто она не только была рядом с тобой все бессонные ночи, блуждая по садам воспоминаний, но и знает все, что происходило у тебя внутри... От женщин всего можно ожидать. Они, как охотничьи собаки, улавливают какой-то запах внутри мужчины и умеют найти самые скрытые его переживания, эмоции.

Медсестра, на вид старая дева, приносит сосуд с водой, полотенце и мыло. Ты не позволяешь никому, кроме своего собственного слуги, помогать тебе в таких делах. Ты умылся и заметил поднос с завтраком, – стакан ананасового соку, сыр, мед и несколько хлебных тостов. И ты вдруг вспоминаешь, что не завтракал уже три дня. С удовольствием выпиваешь ананасовый сок. Шахиня намазывает мед на тост и подносит к твоему рту. Ты перехватываешь его и с жадностью, но с достоинством, надкусываешь его и неожиданно замечаешь:

– Уже несколько дней не пил ...

Не успев договорить, ты видишь, как молодящаяся медсестра устремляется из комнаты, чтобы выполнить твое желание. Тебе стыдно от слов, вырвавшихся

ся у тебя из уст. Едва ли ты допускал себе такие оплошности. Падишах ..., а вымалчивает чашку чая... да у кого? У какой-то медсестрички.

Ты выпил чаю, и этот чай – словно яд, тебе стало плохо. Все покинули палату, чтобы дать тебе отдохнуть. И опять ты остался один, и с тобой лишь окно, и птицы за ним, и железная кровать, и эта единственная в мире больница, коридоры которой покрыты коврами! Остались ты, и холодные пальцы врачей, которые, словно блуждающие крабы, ползют по твоему животу туда-сюда. Есть ты, и есть множество швов на твоём животе, которые медленно зарубцовываются в больничной тишине. И ничто так не бодрит тебя, как то, что швы чешутся. Это значит, они заживают: доказательство наличия жизни, движения крови в твоём теле.

Ты чешешь живот, издалека наблюдая за своим венценосным отцом. Он стоит перед дворцом Саадабад, возле черного «роллс-ройса», стоит как-то косо и неприкаянно, словно огородное пугало, у которого отобрали огород. Опирается на трость. Твой несчастный отец за несколько дней постарел как будто на века. От былой осанки и выправки не осталось и следа. Он даже ростом осел, а куда подевался блеск его глаз? Расхаживает и ругает всех и вся. Утверждает, что все его предали. Все до единого, – и люди, и все самолеты, и ружья, и даже лопаты:

– Это как же понять, во всей стране не нашлось самолета, который бы сбросил бомбу на этих мерзавцев?! Не нашлось ружья, которое бы открыло огонь?! А народ в городах и селах? Хоть чем-нибудь, хоть лопатой, но можно же было защитить свою землю, свою честь и гордость?

Он достает из серебряного портсигара сигарету и вставляет ее в рот, но не прикуривает... Нет, это не

твой венценосный отец. Это обыкновенный старик, который, кажется, не совсем понимает, что происходит вокруг. Он будто неожиданно получил такой сильный удар по голове, что разум у него помутился. Ведет он себя очень странно. То и дело достает карманные часы и начинает встряхивать их рядом с ухом. Или начинает ощупывать чемоданы, притороченные к крыше автомобиля, – словно проверяя, хорошо ли они привязаны. И постоянно спрашивает у окружающих, – куда они едут, а те и сами не знают. И ты тоже не имеешь понятия, куда его увезут. Туда, куда решат англичане. Наверняка в какое-то далекое, спокойное место. Например, на остров посреди Индийского океана. Вынужденное путешествие, причем без возврата. Английский корабль уже ждет его в Персидском заливе.

Жалость к отцу переполняет тебя. Он отрекся от престола на том условии, что его место займешь ты. Тебе намного легче расставаться сейчас вот с этим растерянным стариком, чем с тем упрямым-падишахом. Ты легко можешь позволить себе больше не пребывать в тени своего отца. Но, так или иначе, боишься будущего, – будущего без него. Тебя повергает в ужас мысль о том, что ожидает тебя. Ты слышал, что англичане в свое время помогли твоему отцу занять трон, однако ты и подумать не мог, что они же его и свергнут. Горше всего то, что сам ты смог взойти на престол только с разрешения англичан и американцев, – раньше ты и не догадывался об этом.

И вот ты обнимаешь отца – этот мешочек из кожи и костей – и целуешь его. Никогда прежде ты не обнимал его так искренне и спокойно. Всем своим существом ощущаешь любовь к нему. Все его бывшее упрямство и строгость к тебе померкли в твоей памяти, и теперь для тебя это лишь обычный добрый старик, который как будто и не играл никакой роли в управлении страной, не обидел даже муравья, и уж точно – руки его не

обагрены чьей-либо кровью. И ты даже слышишь звук надсадной работы его сердца. Тепло его тела, запах отцовских сигарет, колкий и грубый волос его усов и бороды – все это дорогие и милые сердцу воспоминания, которые ты никогда не сотрешь из памяти.

Вот отец дает последние указания, просит тебя любым способом сохранить корону и трон, во имя которых он столько мучился.

– Все члены семьи должны держаться вместе и не позволить пропасть зря усилиям, которые я вложил в армию, в страну.

А потом, словно вечерняя тень, он скользнул в автомобиль. По глазам его было видно, что он уже не от мира сего. Опершись подбородком на трость, он со взглядом ссыльного пристально посмотрел на тебя – молодого парня двадцати четырех лет; наследника всех грез и несчастий; юноши, на плечи которого вскоре обрушится гора забот и трудностей. Ты приходишь в себя, а отца уже нет рядом. Он уехал с одной из своих жен и несколькими дочерьми и сыновьями. Остался лишь ты и повсеместная разруха, – в стране, которую грабят чужеземцы. И народ, который изо всех сил хочет одолеть все эти бедствия.

Тебя отвозят в Меджлис национального совета, чтобы дать клятву на верность служения конституционному режиму, защищать территориальную целостность государства, национальное единство и религию шиитов, последователей двенадцати имамов. Молодым дрожащим голосом ты даешь обещание народу, что приложишь все усилия на благо развития и процветания страны. Все аплодируют тебе. Группа политических деятелей старых, бывалых и депутаты парламента – это те, кто благодаря вмешательству шахского двора достигли статуса народных избранников. И именно они сейчас больше, чем кто либо другой, радуются уходу твоего отца, и с неприкрытой наглостью так отзываются

ся о его правлении, как о темной эпохе диктаторства, будто и не сыграли никакой роли в тех трагических событиях. Больше всего поражает то, что народ этой оккупированной страны не знал, куда деть себя от нахлынувшей радости. Они веселятся и танцуют, празднуя уход твоего отца. Собственно, они радуются больше не его уходу, а тому позору и унижению, с которым он оставил престол. Единственное, что не имеет никакого значения для этого народа, так это все старания и усилия твоего отца на благо этого народа. Это действительность, которая сильно пугает тебя, ты обеспокоен своим будущим.

Такое впечатление, будто в стране теперь нет ни шаха, ни государственной власти. Ты не играешь никакой роли в управлении государством и чувствуешь себя не более чем бесплотной тенью падишаха. Словно ты нужен лишь для прикрытия того, что делают оккупанты. А они печатают деньги без обеспечения, конфискуют для своих солдат зерно и крупы. Некоторых иранцев, обвинив их в сотрудничестве с немцами, бросили в тюрьмы. Они распоряжаются портами и железными дорогами – для доставки военных и боеприпасов на советский фронт.

Дороги страны под грузом военных повозок и грузовиков совсем разбиты. Страну охватила засуха. Многие люди гибнут от нищеты, голода и болезней. Что только нового не увидел народ, – новые недуги, новых вредителей, новую культуру и привычки, и еще много что.

От отца приходят редкие письма. С грустью, прослеживающейся даже в почерке, он просит тебя проявлять мужество в борьбе с трудностями; продолжать воплощать цели, поставленные им и, конечно, заботиться о Фаузии. Он все еще обижен на англичан, которые не позволили ему остаться в Иране. Его письма наполнены странным ощущением – каждое новое письмо он отправляет из нового места ссылки: остров Маврикий

вблизи от экватора, тропический край в сердце Тихого океана. Это место называют зеленым адом, – земля одного времени года, кишашая москитами, вредными насекомыми и ... Второе письмо – из Дурбана, что в южной Африке. Это прекрасный край, теплый, с высокой влажностью, летающими муравьями, малярией, тифом ... А последнее письмо прилетело из Йоханнесбурга – города с умеренным климатом, похожим на тегеранский. Этот красивый, величественный город так впечатлил твоего отца, что он горько сожалеет о том, что в годы царствования не уделял много времени поездкам и путешествиям, а был весь в делах! Как же он зол на себя!

– А ведь я думал, что на всем белом свете не сыскать места, красивее Рамсара. Каким глупцом я был!

Однажды холодным зимним днем, сидя у радио, ты услышал новость о полном разгроме немецких войск. От радости иностранные солдаты плясали на площадях. Союзники победили, а человек, который утверждал, что миром будет править арийская раса, и тайно пообещавший отцу сделать Иран могущественным во всех отношениях, покончил с собой в своем убежище. Твои последние надежды, и особенно, надежды твоего отца, пошли прахом.

Главы трех побеждающих в войне держав прибывают в Тегеран, чтобы договориться о разделе захваченных ими богатств, а глава иранского государства опять оказывается в дураках. Единственная их милость в том, что они назвали Иран «мостом победы» и объявили, что выведут свои войска в «установленные сроки».

Больше всего тебе жаль себя. Как школьник, одетый в аккуратную униформу, ты сидишь и ждешь, что хоть кто-нибудь из этих глав государств-союзников посетит тебя, но никаких вестей не поступает – ни из советского посольства, ни из американского, ни из английского. Из-за надменности этих победителей, которые дотла разорили твою страну, тебя бросает то в

жар, то в холод. Унижение невыносимое. Неужели с тобой совсем не считаются? Пусть не как настоящего правителя, чьими гостями они являются, но хотя бы как марионеточного падишаха, они могли бы тебя уважить? Ты чувствуешь себя так, словно три тирана хотят оставить тебя без отцовского наследства.

Наконец, из этих трех лидеров один только Сталин принимает тебя, вместе с твоей матерью и сестрой-близнецом; и он предлагает тебе ликвидировать в твоей стране «прогнивший монархический строй» – таким образом, дескать, ты оставишь в истории доброе имя. Улыбка – вот и все, чем ты можешь на это ответить. Презрительного отношения к тебе глав мировых держав ты не забудешь никогда и станешь ждать того времени, когда сумеешь дать им сокрушительный ответ.

Почти все иностранные военные покидают территорию страны, однако советские войска и после этого продолжают оккупировать Южный Азербайджан. Положение в стране ухудшается. Ты все так же остаешься падишахом без власти, а страна разваливается, народ нищает. Депутаты меджлиса что только не говорят о твоём венценосном отце, а газеты и журналы полны статей о воровстве и поборах членов монаршей семьи, о преступлениях и предательствах, о политических заключенных, об укулах шприцами с воздухом, об исчезнувших людях и о фабриках, о плодородных землях, о двух тысячах благоустроенных сел, принадлежащих шаху, и об огромных суммах в швейцарских банках...

Ты кладешь руку туда, где закончивается грудная клетка, и ощупываешь место, где раньше была селезенка. Что-то заполнило этот провал, но что? Сердце, легкие или желудок? Быть может, сердцу твоему стало просторнее биться, потому и потеплел так твой взгляд: ты стал мягче и к себе, и к окружающему миру. К голубю, который порой садится снаружи на окно, к

уткам, чей полет ты видишь в оконном проеме, к цаплям, которые погружают головы в воду и словно бы обмениваются тайнами с рекой Нил или с ее рыбами... Казалось бы, что тебе до птиц или до рыб? Но ведь никогда раньше у тебя не было времени на такие мелочи.

Люди приходят и уходят. Навестили тебя президент Египта с супругой, побывали здесь и отстраненные, и находящиеся у власти, генералы без звезд и звезды без неба. Твои сестры и братья, шахиня и дети. Каждый сочувствует тебе на свой манер. Особенно, твоя любимая дочь Лейла смотрит на тебя, словно ты – воробушек с перебитым крылышком или засушенный сверчок. Вместе с тем – на том же уровне, на каком воспринимает этих существ, – она видит величие и в тебе: это ясно по детскому выражению ее глаз.

Днем – прогулки наяву, а по ночам – полеты в мире фантазий. Ты подолгу находишься между сном и явью. Слушаешь таинственную ночную тишину и гулкие шумы, вращение Земли вокруг Солнца, трубный звук летящих планет и всасывающий – черных дыр.

Подобно ледяному космическому телу, ты несешься по собственной траектории, и с каждым днем, который кажется тебе годом, становишься все меньше и меньше, оставляя за собой в этих ночных кружениях что-то наподобие следа космической пыли – шлейф из печали и гордости. По орбите воспоминаний ты возвращаешься порой далеко назад, и движение твоё столь своевольно, что ты иногда и вовсе соскальзываешь с орбиты. Ты так вживаешься в собственное прошлое, что даже тело твоё словно переселяется в те стародавние времена, и ты снова становишься молодым и полным сил. Ни болей, ни слабости. Жаль только, что такое состояние быстро кончается...

Одетый в черное, ты сидишь в кресле. Самые близкие члены семьи, тоже в черном, собрались в зале

Мраморного дворца и с грустью смотрят на тебя. Твоя матушка, чья голова прикрыта черной сеткой, сидит молча. Дворецкий твоего венценосного отца прислал телеграмму из Южной Африки с известием о его смерти. Отец скончался в ссылке. Уснул и не проснулся. На своем обычном ложе погрузился в сон и соскользнул в мир беспричинной смерти. Так просто все кончилось. Все, что от него осталось, это серебряный портсигар, трость и карманные часы, которые никто больше не заводит, и потому они тоже застыли навсегда ...

В шахской мечети проводите поминки. Много людей. Как будто все вдруг вспомнили, как много сделал им твой отец. Ты повсюду ощущаешь тень твоего венценосного отца: во дворе мечети, на лазурной плитке, в бассейне, в своем рабочем кабинете, в Мраморном дворце, и даже во время парада.

Часть имущества, оставшегося в наследство от венценосного отца, ты делишь между наследниками. И тысячи гектаров плодородных земель, сотни деревень, заводы, фабрики и много денег в одном из швейцарских банков без каких-либо усилий достаются тебе. Отец, прежде чем покинуть страну, переписал на твое имя все движимое и недвижимое имущество.

Фаузия уже давно уехала в Египет повидаться с родными и все не возвращается. Время ты проводишь в основном с семьей и придворными. В холодном безмолвии дворца Саадабад вы играете в нарды, в карты, в шахматы – или ты на спортивной машине разъезжаешь по проспектам. На вечерних приемах ты порой, чтобы развлечься, бросишь какой-нибудь даме в подол пластмассового паука или лягушку и наслаждаешься ее визгом.

«Ах, мой венценосный отец! Был бы ты здесь, разве поверил бы глазам своим? Твой сын и наследник так обеднел, что стал затворником в собственном доме».

После того, как ты, благодаря ультиматуму американского президента, отобрал Южный Азербайджан у просоветского марионеточного режима, народ начал смотреть на тебя как на молодого шаха-патриота. Однако ты еще далек от того, чтобы объездить норовистую кобылицу власти. Дела страны идут более или менее неплохо лишь благодаря кредитам, выдаваемым на бедность американцами; твои премьер-министры часто меняются, однако толку ни от одного из них нет. Твоя сестра-близнец вмешивается в дела даже больше, чем ты, – она, наконец, нашла способ проявить себя. Ее поведение напоминает тебе о детских годах. Ее женская пленительность настолько смешалась с магией власти, а вылазки поражают такой дерзостью джигитовки, что порой у тебя мелькают нехорошие подозрения: наверное, она решилась-таки отомстить тебе за то, что появилась на свет позже тебя. И любовь ее к твоему младшему брату Али Резе выдает ту же тайну: она считает, что он способен лучше, чем ты, управлять страной. Он упрям и дерзок, прямо как твой отец. И очень жаль, что сейчас ты нуждаешься в ее помощи, а иначе бы...

Никто, кроме нее, не способен взять на себя ответственность за судьбу этой страны и сыграть такую весомую роль в управлении ей. Она может так умело все организовать, что премьер-министр страны скорее предпочтет уйти в отставку, нежели остаться с позором. Может послать своих людей с митинга Народной партии организовать шуточное представление. Она способна купить и продать депутатов меджлиса. Она не прочь поступить с журналистами, все еще пишущими о грехах вашего венценосного отца, так, как в детстве поступала со своими куклами. Хорошо поразмыслив, ты понимаешь, что сестра-близнец способна на все. Она всеми силами желает продемонстрировать свое превосходство над остальными. В точности так же, как в первые годы своего замужества, заставляла своего мужа

залазить на их спальное ложе с нижней его части. Но куда тебе до нее! Хотя вы являетесь близнецами, между вами целый мир отличий. Сестра любит власть ради самой власти, а ты предпочитаешь все ее частные, производные моменты, – прекрасные острова, окруженные глубокими бушующими водами. Это та самая точка, где заканчивается ответственность и обязательства, и начинаются долины гурий, палящего солнца и чарующей луны. Спокойная и надежная периферия, земля луноликих красавиц, прекраснейших из женщин и девушек, грезящих о свидании с падишахом.

Что касается Фаузии, то она заупрявилась и не желает возвращаться из Египта в Иран. Так-то и лучше. Каких только писем любящего мужа ты ни писал ей, каких дорогих подарков ни посылал – все тщетно. На письма не отвечает, к телефону не подходит, а велит передать, что в Иран не вернется. Не желает даже повидаться со своей дочерью. Уперлась на своем и требует развода. Ее мотивы тебе непонятны. Но и ты устал от такой ситуации. Каждую ночь засыпаешь, услышав очередные сплетни, а утром просыпаешься от новых. Любому терпению приходит конец.

Наконец, ты командируешь в Египет доверенное лицо с ультиматумом: может быть, он смягчит сердце красавицы с берегов Нила? Но Фаузия отвечает теперь официально, что не имеет никакого желания продолжать супружеские отношения. Значит, развод. Тебя никто не считает виноватым. Пленительную красавицу-шахиню народ уже подзабыл. В материнской бесчувственности ее обвиняют, а тебе и твоей дочери, растущей без матери, сочувствуют.

Стало быть, придется послать в Египет делегацию – с тем, чтобы забрать назад часть драгоценных подарков счастливой шахине и официально оформить развод. И все, что останется тебе от первого брака, – это перечеркнутый паспорт и дочь, по ошибке поя-

вившаяся на свет, которая ни разу в жизни тебя не послушается!

Всем своим существом ты чувствуешь облегчение, однако и жить без супруги – невозможно. Только теплые женские объятия могут примирить тебя с жизнью. В этих объятиях ты сможешь восполнить все недополученное в прошлом. А быть может, забыть те годы, когда ты, как стреноженный козлик, щипал травку под присмотром отца. У тебя все карты на руках! Теперь ты охотник, а вся страна – твое королевское уголье.

Ты садишься в свою гоночную машину, и ветер счастья и удачи треплет волосы, а девушки столицы ахают от желания стать твоими. Как увлекающийся юноша, ты порой влюбляешься на несколько часов, а родители девушки на седьмом небе от счастья – ведь сам правитель страны ухаживает за их дочерью. Если твоя пассия – школьница, то достаточно телефонного звонка, и ей простят прогул. Соблазн стать шахиней бросает в твои объятия даже самую гордую из красавиц: Взглянув в твои печальные глаза, женщины охотно дарят тебе себя. Сделка взаимовыгодна: тебе – непросверленная жемчужина, ей – слиток золота или драгоценный камень. У тебя же столько сбережений, что ты можешь осыпать их ими до конца жизни. С твоей точки зрения, сокровища, конфискованные отцом в каджарских дворцах, это горсть стекляшек, которые для таких только целей и годятся.

Только теперь ты хоть немного ощутил на вкус, что значит быть падишахом. Хотя бы ради красавиц есть смысл держаться за власть и выполнять планы и предначертания отца. Однако любое дело упирается в деньги, и ты должен каким-то образом наполнить пустую государственную казну... А что если получить помощь из-за границы? Но у какой страны? Англичанам и русским верить нельзя: обида на то, как они поступили с тобой и с твоим отцом, все еще жива. Единственная надежда – американцы, которые после войны высоко

подняли голову и вознамерились распространить свое влияние на весь мир.

«Ах, мой венценосный отец! Американцы вышли из чудовищной войны целехонькими и теперь считают, что на них возложена миссия свыше – спасти отсталые нации от бедности и несчастий. Эти рыжие пророки являют чудеса: сухое молоко, порошок ДДТ и печенье».

Приезжают светловолосые голубоглазые мужчины и, сев на внедорожники, отправляются в отдаленные районы. Пересекают вьючные тропы, которые пометило своей мочой не одно поколение горных козлов. Дикае животные – обитатели равнин и полей, жители глухих деревень со страхом и изумлением глядят на мужчин-чужеземцев. Они перетаскивают странные предметы, произносят нечестивые слова. Спасители творят чудеса с помощью порошка ДДТ и утверждают, что блохи приводят к болезням. Говорят, что жало какого-то насекомого может привести к болезни и даже смерти всего человечества. Хуже всего то, что арычную воду считают загрязненной и говорят, что ее нужно кипятить перед употреблением!

Вообще, жители деревень и провинциальных городков отнюдь не в восторге от этих «деятелей четвертого пункта»¹. Деды и прадеды их ведь уживались как-то со вшами, малярийными комарами и прочей вредной живностью. Возникает подозрение: не для того ли прибыли эти голубоглазые блондины, разговаривающие на

¹ «Четвертый пункт» долгосрочная программа технической «помощи» США экономически слаборазвитым странам Азии, Африки и Латинской Америки. Провозглашена президентом США Г. Трумэном 20 января 1949 в качестве четвертого пункта внешнеполитической программы правительства. Официально провозглашенной целью программы было предоставление в распоряжение слаборазвитых стран «научных достижений и достижений промышленного прогресса» США для ускорения экономического и культурного развития этих стран. Одной из главных задач «Четвертого пункта» было укрепление реакционных сил в странах - получателях «помощи», борьба против национально-освободительного движения, против сил социализма и прогресса.

языке Гога и Магога, чтобы под предлогом борьбы со вшами уничтожить мусульманскую веру?

Из дружеских побуждений – чтобы ты мог противостоять влиянию коммунистов – американцы безвозмездно отдают тебе танки и старые самолеты, сохранившиеся у них после Второй мировой войны. Они дарят твоей стране несколько тысяч своих полевых туалетов, не использовавшихся до окончания войны. Этих стоячих писсуаров так много, что на каждую деревню приходится по две штуки. В такой металлической кабинке солдат может опорожнить мочевой пузырь стоя и не снимая военного снаряжения – даже под обстрелом врага. Однако народ Ирана живет не на поле боя; а кроме того, после отправления естественной нужды человек, как предписано традицией, должен совершить омовение.

Работники «четвертого пункта» устанавливают туалеты на въезде в деревни, чтобы, по крайней мере, пастухи или прохожие люди могли в этих кабинках освободиться от накопленных жидкостей. И очень скоро там заводится множество мух и прочей живности, из-за чего возмущенные сельчане начинают писать жалобы в центр. Разбор народных жалоб для тебя важное дело. Но, читая одно из писем, ты приходишь в такую ярость, что не можешь сдержать крик:

– Мочиться бы я хотел на эти ваши подарки, столько мороки с ними!

Помощь американцев настолько велика, что ты и забываешь о проблеме подаренных туалетов. Служащие и специалисты «четвертого пункта» по-прежнему без усталости продолжают свое дело и, порой, проявляя сверхчеловеческие способности, замечают мельчайшие подробности, – даже на проблему местных ослов! Измерив туловище и половые органы ослов, они пришли к такому выводу, что благодаря селекции иранских ослов в жизни и в быту иранцев произойдут значительные перемены. Так, в один из дней, ты узнаешь, что они на

самолете завезли сто голов кипрских осликов и распределили их по разным районам Ирана. В отчетах, поступающих со всей страны, говорится о том, что чужеземные ослы, не понимающие язык местных жителей и своих сородичей, столкнулись с многочисленными проблемами. Деятели «четвертого пункта» надеются, что после случки иранских ослов с кипрскими и адаптации к местным условиям обитания, ситуация улучшится.

«Ах, мой венценосный отец! Глупые американцы! Хотят преградить путь коммунизму путем одаривания нас жестяными туалетами и изменения пород ослов?!»

Отовсюду доносятся вести, что определенная часть народа сопротивляется нововведениям американцев: смерть нескольких сельчан вследствие употребления порошка ДДТ, отказ непослушных ирано-кипрских ослов подчиняться приказаниям их хозяев из-за незнания человеческого языка. Когда ты читаешь эти докладные, тебя охватывает такая ярость, что ты начинаешь посылать проклятья своему трону и несчастной судьбе. Ты зол на горькую долю падишаха такой отсталой страны, что даже половые органы ослов этой страны отнимают у тебя время! И ты приходишь к печальному выводу о том, что «нет в том никакой славы и гордости – быть падишахом нищей, отсталой страны».

Взгляд твой не может оторваться от пирамид и от спокойных благородных цапель. Состояние твое настолько улучшилось, что ты уже не боишься рассматривать себя в зеркале. На твое лицо, как будто немного пополневшее, вернулся румянец. Если ничего неожиданного не случится, то сегодня тебя выпишут, и ты переедешь в Купольный дворец. Там ты сможешь листать газеты и слушать новости по радио. Будешь смотреть телевизор и кушать все, что заблагорассудится. Будут и важные дела: самое главное – ут-

вердить завещание, а затем – работать над второй редакцией твоей недавно вышедшей книги под названием «Ответ истории».

Ты как будто немного оправился, однако не обольщайся! Каждый миг карты могут лечь не той мастью. Малейшие желудочные колики, скачок температуры – и все пойдет насмарку. Ведь ты знаешь, что, когда на первый взгляд все в порядке, на самом деле ничего не в порядке; а всякий раз, когда с тобой не происходит ничего плохого, обнаруживается, что кто-то где-то плохо работает. Такова твоя причудливая судьба. Это та же судьба, что некогда соединила тебя с той красивой и гордой женщиной: единственной, с которой ты испытал взаимную любовь, и о которой всегда с тех пор хранил память – даже во время скитаний по свету, даже в периоды обострения болезни, благодаря тайной переписке и секретным сообщениям. Ах, где ты теперь, моя женщина из племени бахтияров?

Ты стоишь у окна и не отрываешь глаз от нее. Это твоя старшая сестра нашла ее – эту красавицу смешанных бахтияро-немецких кровей. Она очень мила. Как жаль, что она все еще не может оправиться от серьезной болезни.

Ты спрашиваешь о ее самочувствии. Хуже и быть не может. Машешь ей рукой. Она отвечает тебе натянутой улыбкой. До свадьбы осталось чуть меньше двух недель, и все замерли в ожидании увидеть новую королеву. Если она не выздоровеет до тех пор, о чем только не будет судачить народ! Твоя мать обнадеживает тебя:

– Она будет жить до скончания века, сынок! Будь уверен, она выздоровеет.

Фортуна благоволит тебе и за несколько дней до церемонии бракосочетания Сорайе становится лучше. Однако она с трудом может стоять на ногах. Под глазами образовались мешки, и она кажется настолько

тощей в своем свадебном платье, что весь ее вид вызывает жалость. Плохое предчувствие мучает тебя. Ты все думаешь о том, почему твоя супружеская жизнь никак не наладится. Неужели ты не в состоянии наслаждаться семейной жизнью в роли настоящего мужа? И в правду, какая здесь кроется тайна? Почему твое супружеское ложе никак не согреется? «А что если и этот брак...?» Нет, попридержи язык!

В парадной форме ты восседаешь за свадебным столом во дворце Гулистан. Регистратор вот уже во второй раз зачитывает хутбу о браке, и невеста отвечает согласием. Торжественная зала наполняется аплодисментами и возгласами ликования и радости. Сосредоточенно и аккуратно ты надеваешь на палец невесты дорогое кольцо, купленное на одном лондонском аукционе. Какое хрупкое колечко... Словно ножка канделябра!

Вы встаете и, держась за руки, приветствуете гостей. Ты чувствуешь дрожь Сорайи. От духоты ей стало нехорошо. В ослепительном свете люстры, под яркие вспышки фотоаппаратов она выглядит еще бледнее и еле держится на ногах, кажется, что в любую минуту она может лишиться чувств. На всякий случай у нее с собой лекарство. Твоя мать сидит у себя в комнате, ожидая вас. Ты тихо шепчешь на ухо невесте: «Моя мать хочет, чтобы мы нанесли ей визит!»

Она отвечает тебе удивленным взглядом. Вы направляетесь к матери. Она неподвижно восседает в кресле. Как всегда, жалуется на боль в ногах. Ты склоняешь перед матерью колени и целуешь ей руку. Она протягивает руку невестке. По взгляду Сорайи ты замечаешь, как же ей противно целовать эту сморщенную горделивую руку. Когда она своими красивыми губами целовала руку матери, ты почувствовал, что она вся дрожит. Мать целует ее высокий лоб.

Свадебная церемония, как сладкая пытка, завершается фейерверком. И твоя супружеская жизнь начина-

ется снова. Сокровенные мгновенья единения, чувство обладания и собственности, лицезрение одной из самых обнаженных ночей жизни...

На холодной металлической кровати ты переворачиваешься и видишь перед собой шахиню и египетского врача. Они стоят у твоего изголовья и хотят что-то сказать тебе.

– Я побеспокоил Ваше Величество, чтобы обсудить с Вами один вопрос. На медицинском консилиуме мы пришли к решению выписать Вас из больницы на пару дней позже...

– Что опять стряслось?

– Ничего нового не произошло. Нужно сделать несколько обычных, незначительных анализов... Не более!

Ты киваешь головой и смотришь на шахиню. На ее лбу замечаешь давний отпечаток беспокойства. Ты не сердисься, и не жалуешься. И ты знаешь, что это судьба твоя и нужно с ней смириться, – как полярный медведь, впадая в спячку или дерево, сбрасывающие листья, почувствовав дыхание осени.

Дворецкий помогает тебе встать с кровати, – ты уже пытаешься ходить. В больнице странная обстановка. Врачи и медсестры сидят за столом и разговаривают. Ты удаляешься от них, чтобы не мешать им. Этот воздух, пропитанный настроением священного месяца рамазан, удивительным образом рождает в тебе воспоминания об Иране. Единожды в год суэта и радость по случаю наступления рамазана охватывает всю страну. И каждый год шахский двор устраивает праздничный ифтар. Ты не помнишь, чтобы сам когда-нибудь соблюдал пост. Но, по крайней мере, всегда старался сохранить вид верующего человека. Ты проявлял особенное уважение дню смерти первого шиитского имама, и предпочитал не планировать свои дела в этот религиозный день.

Ты возвращаешься в палату и ложишься на кровать. Из коридора доносится громкий смех. Наверное, это кто-то из медперсонала или больницы. Это, должно быть, что-то обыденное, банальное. Откуда тебе знать? А вдруг они смеются над тобой? Неужели есть повод лучше, чем не посмеяться над тобой? Все ведь живы, здоровы, они могут ходить, смеяться и петь, могут делать, что вздумается; вкусно отрыгивать после еды; ходить в туалет, мочиться и не думать нисколько о том, какого цвета у них моча. Им неважно, сколько ударов в минуту совершает их сердце. Кровообращение естественное или нет. Тогда как ты вынужден неподвижно лежать на спине на этой железной кровати и, прихрамывая, ступать по коридорам и проходам ушедших времен. Ты не можешь не позволить врачам делать с тобой все, что им заблагорассудится, и единственной твоей отрадой теперь стала получасовая прогулка по больничному коридору, да с какими молитвами! Как жаль! Тебе было неведомо чувство усталости, а ведь многие дни ты работал по четырнадцать-пятнадцать часов. Выходные и каникулы были для тебя бессмысленной тратой времени. Всю жизнь ты посвятил себя неустанному труду. Словно аппарат, что только ты не делал! Одной своей подписью ты мог вернуть человека к жизни, либо предать его смерти. Мог, играя звездами на погонах военных, изменить их судьбу. Ты был способен, произнеся всего лишь несколько предложений, опустить или поднять цену на нефть. На встречах с гражданскими и военными одним своим взглядом ты заставлял их сердца тревожно биться, а порой испытывать удушье. Одного движения пальцем было достаточно, чтобы каждый знал, чем занимается. Тот самый палец, который теперь был весь истыкан иглой... Нет, теперь этот палец не спугнет и вороны с ветки. О боже, кем ты был и кем стал!»

Неожиданно в спальню проникает чувство жалости и тоски и окрашивает все в ней: постель, ночник и даже лицо спящей Сорайи. Осторожно повернувшись к ней, ты всматриваешься в это лицо. В отличие от большинства женщин, у нее красота во время сна не блекнет – наоборот, светится таинственным очарованием. Она так желанна! Только взгляни на нее! Отражение дикой природы, спящая газель во мраке ночи, мерцающие ночного светлячка.

Ты отворачиваешься, так как знаешь по опыту, что женщины даже во сне чувствуют тяжесть мужского взгляда. Боишься ее разбудить. А ведь она с трудом заснула – как каждую ночь в этом дворце Саадабад. Это самые мучительные и зловещие ночи вашей спальни. Шах и шахиня, вы прокляты тем упрямым, властным Стариком в пижаме,¹ который постепенно отобрал у тебя все, что ты имел: танки и самолеты, управление страной и армией и даже твой народ. Те самые люди, которые после победы в Азербайджане кричали тебе «ура», сейчас поддерживают Старика в пижаме за то, что он национализировал нефтяную промышленность, за то, что борется с Англией – старой лживой лисицей, а также с коррупцией и тиранией шахской семьи. Короче говоря, все объединились со всеми, чтобы сместить тебя. И теперь во всей Вселенной осталась только эта красивая женщина.

А тебе не заснуть. Тревога и тоска. В последние месяцы ты соглашался со всеми требованиями престарелого премьера, сделал все, чтобы умиротворить противников! Ты вежливо выслал из страны младшего брата и сестру-близнеца – их обвинили в заговоре против национализации нефтяной промышленности; ты отдал Старика командование вооруженными силами, ты согласился на свободные выборы, на роспуск меджлиса,

¹ В то время премьер-министр Ирана Мохаммад Мосаддык (1882–1967).

на амнистию политическим заключенным и на многое другое. Так что теперь тебе нечего отдавать. Но газеты и журналы смакуют – как можно смаковать восточные сласти – обвинения и в твой адрес, и в адрес твоей семьи, и сыплют вам на голову проклятия и ругань.

Шахские дворцы превратились в дома-призраки. Все, кто мог бы поддержать тебя, покинули страну, остались только слуги и придворные; шахских обязанностей у тебя уже практически нет, и ты в основном проводишь время с Сорайей. Ты садовничаешь, слушаешь радио или седлаешь своего гнедого жеребца и, как всегда, пускаешь его в такой бешеный галоп, что Сорайя ужасается. Однако ты не слушаешь ее протестов. Ведь ты любишь скорость – будь то на коне, на катере, на автомобиле, или за штурвалом самолета, и даже в мире политики.

Держась за руки, вы с Сорайей стоите в тени чинары. Ты вздыхаешь и произносишь:

– Если бы можно было купить поместье в одной из стран Центральной Америки. Жить там и наслаждаться жизнью рядом с детьми!

Твои мечты с каждым днем становятся меньше и доступнее: стоять на берегу моря и наблюдать за закатом солнца; спокойно заниматься любимым делом, приносящим достаточный заработок; как хороший муж вовремя приходить с работы, ужинать, смотреть фильмы и ... В твоих грезах есть все: западные фильмы, комедии, лошади, овцы, пшеница, солнце, терраса с видом на море – все, кроме королевской короны и трона. Но мечтаниям приходит конец и ты быстро возвращаешься на землю, меняешь личность и опять становишься все тем же падишахом, который готов любой ценой сохранить свой престол.

Большим шахским носом ты вынюхиваешь все вокруг, а глазами полными подозрения даже на дворцовых ворон смотришь, как на вражеских агентов, черта,

укоренившаяся в тебе с раннего детства. Совет, доставшийся тебе от отца: «Ничему не доверяй, и ни на кого не надейся, даже на себя!»

За обеденным столом, ты наливаешь лимонаду и пробуешь его на предмет наличия в нем яда. Еду также тщательно обнюхиваешь и только после этого позволяешь Сорайе притронуться к ней. Все вызывает в тебе сомнение. Во всех офицерах ты видишь агентов, внедренных врагом, которые доносят обо всем Старикку в пижаме. И даже вороны! Только взгляни на них. Скосили голову и ведут себя так, словно им все безразлично! Но ведь ясно, что они подслушивают ваши разговоры.

«Ах, мой венценосный отец! Тебе стоило зевнуть, как те самые любопытные вороны успевали пересчитать твои зубы. Казалось, некоторые из них, словно Ной, жили очень долго. Один из прислужников говорил: «Мой дед знал ворону во дворце Гулистан, которая однажды оправилась прямо на святейшую эгретку Насреддин-шаха!»

Какой пронзительный ветер нынче ночью! Ты слышишь? Будто молодая женщина плачет по умершему мужу. Сорайя проснулась и, словно выброшенная на берег рыба, с мучительной торопливостью хватается ртом воздух.

– Хочешь, я покажу тебе кое-что интересное?

Она отрешенно кивает, а ты, словно фокусник, спешащий удивить публику, быстро протягиваешь руку и под подушкой нажимаешь в определенном месте – оттуда появляется револьвер-кольт золотистого цвета, в месте, рядом с прикроватным столиком. Повернувшись, ты торжествующе глядишь на Сорайю. А она словно вдруг увидела рядом с постелью ядовитую змею. Побледнев, испуганно смотрит на золотое оружие.

Ты осторожно, словно мертвое существо, берешь револьвер и показываешь его ей.

– И не подумаешь, что под подушкой есть оружие, да? Это не обычный кольт. У него большая дальность, то есть он издали выводит из строя любое живое существо. И пули отравлены, от любого ранения – мгновенная смерть.

Она с еще большей тревогой смотрит на револьвер. Явно испугана.

– Видом своим он не повредит... Таких кольтов в мире всего десять, два из них куплены мною. Один здесь в тайнике, второй – за щитком гоночной машины...

Но все бесполезно. Ты чувствуешь, что ее страшит уже не столько револьвер, сколько ты. Чтобы преодолеть ее страх, ты отодвигаешь матрац и показываешь тайник для револьвера: выдвигной ящичек на пружине, приводимой в движение кнопкой под подушкой. Но Сорайю не так-то легко успокоить. Она напугана больше, чем ты предполагал.

– Зачем так беспокоиться? В наших обстоятельствах эта вещь необходима, мы должны быть готовы ко всему. Если что-то случится, кто нас защитит?

Она ничего не отвечает. Ее молчание все больше смущает тебя, тебе передается ее страх. Впрочем, она женщина – и имеет право тревожиться в таких обстоятельствах. В любую секунду с вами может произойти все что угодно. Не исключено, что и сейчас кто-то через окно целится тебе в голову. И Сорайя тоже под прицелом. А одна только мысль, что жене могут причинить вред, приводит тебя в бешенство. Разве можно позволить, чтобы хоть одна пуля уничтожила такую красоту и нежность? Разве это мыслимо – пожертвовать столь милым существом? «Жаль, я не умею объяснить ей, как сильно ее люблю». Если вдуматься, то увидишь: ты так привязался к ней, что готов ради нее отказаться-

ся от власти. Хотя, право, возможно ли это? Ты страшишься и одновременно удивляешься своим мыслям.

Ты целуешь ее – помрачневшую и беспокойную, – разрешаешь ей лечь и, как каждый вечер, приняв две таблетки снотворного, закрыть глаза. Однако она не сразу засыпает, и это повторяется каждую ночь. С тем отличием, что сегодня – из-за проклятого револьвера – она нервничает еще больше. Мысль о том, что человек может умереть в своей постели от ядовитой пули, повергла ее в ужас.

Ты погасил свет и тоже принял снотворное. Но хоть бы капельку захотелось спать! По тревожному дыханию Сорайи ты понимаешь, что и она не спит. Она так напугана, что заслышав малейший шорох, открывает глаза и пристально смотрит на тебя. Непривычная атмосфера во дворце Саадабад внушает страх; и малейший шорох вселяет в людей ужас и панику. Ночные карканья ворон больше всего изводят тебя. Как только обстановка улучшится, следует всех их прогнать с территории дворца.

Ты вздрагиваешь во сне, просыпаешься и вслушиваешься в звуки улицы. Ничего не происходит. Ветер голосом молодой женщины все еще причитает за окном. Слава богу, Сорайя не проснулась. Скоро рассвет. Нужно немного поспать.

«Будь ты проклят, Старик в пижаме! Все мои беды от тебя! Дай бы, карты лягут нужной мастью, и тебе не сдобровать!»

Все ругательства, которым научился у своего венценосного отца, ты посылаешь в адрес Старика. Однако так и не можешь заснуть. Тебе не хватило слов для нецензурной брани, и ты опять изводишься в одиночестве. Какое мученье!

Ничто не может укоротить эти бесконечные ночи. С каждым днем вас охватывает все большая печаль. Каждую ночь, проглотив несколько таблеток снотвор-

ного, вы желаете друг другу спокойной ночи, смыкаете веки в надежде уснуть. Точь-в-точь, как двое несчастных влюбленных, вкусивших яду, надеетесь однажды проснуться и увидеть вокруг себя мир, где больше не будет бед и страданий. Но каждый раз, когда ты просыпаешься, тебя встречает утро разочарований. Эти бессонные ночи каждый раз подкашивают твою волю и ломают характер. Никогда прежде ты не чувствовал такую безнадежность. И не знаешь, что ждать от завтрашнего дня: смерти, ареста или ссылки? Ты лишь надеешься на то, что, быть может, народ устанет от этого Старика в пижаме и вновь вернется к тебе. «Ну когда же народ устанет рвать глотку на улицах? Сколько пустых призывов?! Сколько возложенных надежд?! Они когда-нибудь устанут, и тогда никого рядом не будет».

Выбрось эти мысли из головы! До каких пор ты будешь сидеть в ожидании того, что когда-нибудь народ соберется за воротами дворца и станет защищать тебя? Придерживайся одного мнения. Тебе следует, как можно скорее, решить вопрос с этим Стариком; даже ценой государственного переворота или с помощью Англии и Америки. Хотя все это время ты не сидел без дела. Ты несколько раз, втайне от доносчиков и ворон, встречался с послами Америки и Англии и строил планы. Будь проклят этот народ! Имея такую армию, зачем тебе народ? Все войска официально находятся в распоряжении Старика в пижаме, и ты знаешь, что очень много коммунистов проникло в армейские ряды. Но вместе с тем, ты еще можешь рассчитывать на многих из своих военных. И не вздумай недооценивать планы англичан и возможности американцев!

С каждым днем обстановка накаляется. Вот-вот во дворец явится посланец от премьера и вручит тебе указ об отстранении тебя от власти. Они наверняка хотят, чтобы я получив этот указ, еще и расписку дал! Как

бы то ни было, Старик в пижаме является юристом. Он настолько педантичен в делах, что и комар носу не подточит. Разве не он послал тебе недавно Коран, на последней странице которого присягнул на верность шахскому строю и самому падишаху? Чему же мне верить: его словам или неопровержимым фактам? И вообще почему ты должен верить пустым клятвам? Допустим, Старик останется верным своей клятве и монаршему строю, но где гарантия того, что его окружение не затеет план о твоём свержении?

«Они хотят, чтобы я отрекся от престола и покинул страну. То есть вот так, запросто, перечеркнул бы достижения собственного отца! Мало, что ли, отец крови себе испортил во имя благополучия народа?»

Ты сам не свой от волнения. Расхаживаешь под высокими чинарами в ожидании важного гостя. «Неужели все рассекретилось?» Это – последняя пуля, которую ты хочешь выпустить. Согласно тайному плану, ты хочешь отстранить премьера от должности и снова взять власть в свои руки. Но если план провалится? Тогда тебе уже не будет места в этой стране.

Твой гость – посланец американского ЦРУ – прибывает смехотворным способом: спрятавшись в багажнике автомобиля, накрывшись там одеялом! Bravo могучему монарху!

Опасаясь чужих ушей, вы разговариваете, расхаживая тени деревьев, – обсуждаете финальную стадию переворота. Разведывательные организации Америки и Англии, согласно сверхсекретной информации, приняли решение, определившее судьбу Старика в пижаме. Это конкретный и просчитанный план, в котором тебе отводится главная роль.

Твоя сестра-близнец, которую задолго до этого выслали из страны, возвращается – и, прежде чем Старик в пижаме успеет выслать ее вторично, мастерски выполняет свою обязанность. Ты загадываешь желание:

чтобы и весь план сработал столь же успешно и чтобы ты, наконец, избавился от цепкой хватки упрямого премьера-самодура. Другого пути уже не осталось: это – лучший способ избавиться от вечной тревоги и бессонных ночей.

Ты подписал указ об отстранении Старика в пижаме и о назначении нового премьера; и, вручив этот указ надежному человеку, вместе с личным пилотом и с Сорайей вылетаешь в Ноушехр в ожидании нового поворота игры судьбы. Беспокоишься и ждешь. В деревянной хижине на берегу, наблюдая за волнующимся море в сладостном присутствии Сорайи.

Время летит стремительно, а тревоги и волнения не утихают.

– Так почему же нет новостей? Что могло случиться? Они должны были уже все сделать к этому часу... Разве что упрямый старик смог оспорить свою отставку и разрушить все планы... Не дай бог, армия отказалась исполнять свой долг.

– Мохаммед Реза, смотри, как парят эти чайки.

Как же им повезло! Если бы и мы так же могли...

– Если в течение двух часов не будет новостей, нужно уезжать из страны.

– Не тревожься так! Давай разумея и пройдемся по прибрежному песку!

– А вдруг они вывели из строя радиосвязь?

Часом позже ты выходишь на террасу дома, и вместо новостей об успехе вашего плана зловещие новости накрывают тебя свинцовой тучей. Все пропало. Старика ты недооценил. И вправду, сам шайтан берет у него уроки! Сегодня утром он арестовал того самого полковника, который принес ему указ о его отставке, и заявил, что указ этот поддельный. Народ, узнав эту новость и кучу других слухов, высыпал на улицы, начал выкрикивать лозунги против тебя и сбрасывать с пьедесталов твои статуи. Иными словами, переворот про-

валился, и нужно бежать из страны. В любую минуту с тобой и Сорайей может случиться непоправимое.

– Как можно скорее... Торопись!

Ты несешься сломя голову. Пилот ждет в самолете. К дому спешно подъезжает автомобиль. Ты растерян. Сорайя идет за вещами.

– С собой ничего не нужно... Только быстрее!

Ты бежишь, и Сорайя тоже... На бегу теряет туфельку... Не останавливается... Спотыкается – не падает. По трапу – в самолет... Протягиваешь руку... Сорайе... Втаскиваешь ее в самолет. Захлопываешь за ней дверь. Самолет отрывается от земли, и море подскакивает за ним. Делает разворот, уходит в крен. Вот-вот перевернется и рухнет в лес. Самолет поворачивает в другую сторону. Лес переворачивается. Море резко оказывается в небе. Самолет набирает высоту, море становится морем, лес – лесом. А ты, словно злостный преступник, бежишь от земли и ищешь убежище в небе. Ты берешь в руки штурвал самолета и отдаляешься от этой зловещей земли – убийцы падишаха. Ты рассекаешь скученные облака трагедии, предупреждения по радиосвязи и дьявольский шум радиоволн и, лишь перелетев через драгоценную границу Ирана, облегченно вздыхаешь.

Самолет, как детская колыбель, перестает колыхаться и спокойно парит над облаками. Ты смотришь на Сорайю – на губах появляется радостная улыбка; здесь, посреди облаков, она кажется красивее обычного. Ты думаешь о вашей дальнейшей судьбе и говоришь про себя: «Все кончено! Без всех тех королевских грез и мечтаний, ты – ничто, ты – пустышка, ты ничего не значишь; обломок скалы в сердце горы, капля в бескрайнем море, обычный человек, который, как бы больно ему не было, не может быть обычным.

– Не отчаивайся, Мохаммед Реза, ты победишь!

Только Сорайя тебя поддерживает, дает тебе силы. Передаешь штурвал пилоту, берешь Сорайю за руку и

просишь у нее прощения за произошедшее. На ее глаза наворачиваются слезу. Ее можно понять. Сколько можно терпеть это беспокойство и тревоги? Эта женщина не заслуживает той судьбы, которую ты для нее уготовил. Если бы судьба не связала вас, быть может, сейчас она павой расхаживала бы по проспектам Европы и наслаждалась жизнью.

«Будь проклята эта королевская жизнь! К чему она? Если все мы оказались в болоте...»

Ты берешь себя в руки и приходишь в себя. Ты не похож на сбежавшего монарха. С пустыми руками, без единого комплекта одежды и даже без малой суммы денег. Подаренные дворецкий, управляющий и личный слуга! Ты смог лишь спасти свою жизнь и жизнь Сорайи и сбежать, посылая проклятья своей горькой участи и дав себе слово, – если вновь воссядешь на престол, всегда будешь помнить эти дни, чтобы в следующий раз так покорно не бежать из страны.

Топливный датчик начинает пищать. Вы делаете вынужденную посадку в Багдаде. Ты выходишь из самолета и пытаешься разузнать о последних новостях. Посол шахского правительства Ирана в этой стране пытается задержать тебя. «Какой неблагодарный мир!» Вы быстро заправляетесь и вновь взмываете в небо.

Ты вновь садишься за штурвал самолета, чтобы успокоиться. В эти бесконечные минуты, в этих жалких условиях, единственное, что успокаивает тебя, – это управление самолетом. Хотя много раз ты попадал в гравитационное поле Земли, которые едва не оборачивались для тебя смертью, ты все равно безумно любишь небо, полеты. Эта железная птица уносит тебя от земли, от всей ее гнусности. И вот паря над облаками, ты превращаешься в существо, недостижимое, неземное; не ведая еще о том, что твою судьбу подобно судьбам первых божеств, уже определили не в небесах, а на земле.

Как блуждающая комета, ты оказываешься в Ита-

лии; вы заходите на посадку в аэропорту Рима. Видишь? Кроме представителя городских властей, никто не встречает тебя. Какое странное чувство! И что это за мерзкий запах – тоски? Или таков горький вкус чужбины?

Словно молодожены, проводящие в чужом городе медовый месяц, вы прямиком направляетесь в отель. Однако у тебя нет денег, а отель не поселяет бесплатно. Ты готов сгореть от стыда, когда один иранец уступает тебе свой номер. Чтобы отблагодарить этого человека за великодушие, ты спрашиваешь его имя, хотя и сам едва веришь, что когда-либо сможешь отблагодарить его.

И вот официально начинается ваша жизнь в изгнании. Ресторан гостиницы становится вашим пристанищем, а посетители пялятся на вас так, словно вы – пришельцы из иного мира, по ошибке прилетевшие на Землю. Каждую минуту передают новости из Тегерана: они противоречивы и искажены. То ты всерьез готовишься вернуться в страну, то с тоской размышляешь, кто же оплатит гостиничный счет. Ты сам не знаешь, чего тебе ожидать.

Впрочем, ты не перестаешь надеяться, что в Тегеране произойдет чудо. Окольным путем ты узнал, что переворот вступил во вторую фазу, а именно: американские и английские спецслужбы, вместе с твоими сторонниками внутри страны, дали денег, кому нужно, и вывели на улицы некоторое количество народа. Ты ведешь себя так, словно особо не осведомлен о событиях в стране и ни с кем не делишься новостями; даже с Сорайей, чтобы попусту не обнадеживать ее. Журналисты невольно проявляют к тебе сочувствие и вселяют в тебя надежду. Твое фото – в газетах, но это не оказало сильного влияния на общественное мнение Запада. Тем не менее, ты чувствуешь, что все смотрят на тебя, как на свергнутого шаха. На правителя, которого народ изгнал из страны и, который вряд ли сможет туда вернуться.

Мгновения летят, а ты чувствуешь себя игроком в азартной игре, который потерял всякую надежду на выигрыш. И теперь ему не остается ничего, кроме как надеяться на последнее очко. Новости по-прежнему противоречивы. Однако ты ведешь себя так, будто твою судьбу предопределили не газеты, а звезды. Ежедневно утром ты весело и вальяжно заходишь в ресторан и все с тем же неизменным благородством и хладнокровием добродушно улыбаешься окружающим, раздаешь автографы. Автограф, который теперь не имеет никакой силы, а служит лишь памятью. Но, по-твоему ничего не изменилось: ты все еще падишах, пусть без короны, трона и страны!

И вот ты сидишь за обедом, как вдруг к тебе торопливо подходит журналист и протягивает депешу:

– Мосаддык свергнут!

Ты в изумлении смотришь на него и бледнеешь так сильно, что Сорайя пугается: не удар ли тебя хватил?

«Ах, мой венценосный отец! Нет ничего хуже того, чтобы падишах был дважды свергнут с престола; это сравнимо с тем, когда ты дважды испытываешь смерть».

Нервная улыбка искривляет твой рот, но ты быстро овладеваешь собой и заявляешь:

– Я знал, что народ любит своего падишаха.

В мгновение ока, ты снова накидываешь на свои плечи невидимую мантию власти и вновь становишься могущественным падишахом. В лифте, словно поднимающим тебя к облакам, ты обнимаешь Сорайю и говоришь: «Видишь, Сорайя? Ты видишь, я победил!»

Она награждает тебя поцелуем, который словно снежок тает на твоём разгоряченном лице и смывает собой все тревоги. Все налаживается. Но плохое предчувствие не дает тебе покоя; неприятное ощущение

жирного пятна на свадебном платье невесты. «Если бы не вмешательство иностранцев, если бы не переворот...» Это чувство изжоги навсегда застряло в глубине твоей глотки.

Мало времени, и ты как можно скорее должен подготовиться к возвращению в пределы своего владения. Больше ты не боишься остаться без денег. Тогда лучше скорей сбросить с себя эту злосчастную одежду. Одежду, которая пахнет бессилием, скисшим, прогнившим могуществом.

Ты идешь в магазин и как жених выбираешь для себя туфли, несколько галстуков и хорошо скроенный костюм. Сорайя также покупает обувь и одежду, чтобы вернуться в страну как настоящая королева. Тебе приятно доброжелательное отношение прохожих по отношению к себе. Но ты не знаешь: впечатлены ли они изумительной красотой Сорайи или твоим божественным сиянием?

На вас обрушивается поток депеш и телеграмм из Ирана. Все так и спешат приблизиться к святейшему двору и сметают друг друга с пути. Тебя уже не радует это, как радовало раньше. Трудно принять и осознать, что люди, словно сороки, прыгая с ветки на ветку, могут так быстро поменять свое отношение к вещам. «Как мне верить этим людям? До вчерашнего дня они были моими заклятыми врагами, теперь вот рвутся в закадычные друзья».

Ты садишься в самолет и возвращаешься в Иран.

«Ах, мой венценосный отец! Не те ли это были, что смели мой трон накануне, а теперь выбили кресло из-под того упрямого Старика?!»

Самолет... Самолет... Средство, которое приручило тебя к небу; смотреть сверху вниз, парить среди облаков и лицезреть свои монаршие владения. Ты все кружил-

ся над этой землей, знал все уголки ее, – обнаженные горы, испещрившие землю твоей страны; узкие реки, исчезавшие в солончаковых пустынях. Деревушки, словно лихорадочная сыпь, обметавшая губы пустыни. Каналы – как след великанов, скатившихся с гор на равнины в эпоху неолита. Города – рисунок, выполненный графикой. Пугливые косули – словно узоры, вытканые на нежной кашмирской шали, накинутой на грудь оврагов... И опять самолет... Самолет... Машина, которая уносит тебя вдаль от каждодневной суеты настоящего. Так, за каких-то пару часов ты мог объехать разные точки страны. Самолет... Птица сознательная, приносившая на своих крыльях самых красивых девушек Европы для тебя; женщин, образ которых теперь почти стерся из твоей памяти, словно бы все они были одной женщиной в разных обликах. Самолет... Железная птица, которая каждый раз, когда из-за сменившихся планов ты был вынужден отменять свои свидания с красавицами, на высокой скорости доставляла тебя в нужное место. Только благодаря помощи этой волшебной птицы, ты мог планировать свои дела так, чтобы через два часа оказаться за восьмьюстами километрами дальше, и спать нагим на ложе. Мог участвовать в военных учениях в Оманском заливе, а ночью отправляться на остров Киш, чтобы задействовать свою пехоту. Но в других учениях, в ночной атаке на высоких холмах – в глубоких пшеничного цвета оврагах... Свободное падение в центр событий, цепь проходов по лабиринту хребтов и ущелий...

Медсестра с длинными косами, добродушно глядя, измеряет твое давление. Самолет приземляется, а все стрелки и датчики возвращаются в исходное положение, как стрелка тонометра. И медсестра довольно улыбается. Все в норме. Ты сходишь по трапу самолета и чувствуешь под ногами землю. Разные люди, как призраки, мечутся в запутанных коридорах твоего

сознания; громко смеются, убегают, заключают тебя в объятия. Люди, которые ничего не значат для тебя; они всего лишь знаки; знаки, напоминающие тебе о чем-то ином. О том, что теперь уже никак не связано с тобой: палубные истребители-захватчики Ф-14, корабли и эсминцы, сложные приборы радиосвязи, разновидности современного оружия, гигантские промышленные заводы, нефтехимические объекты, виллы и дворцы, построенные по всей стране, заграничные поездки, вежливые люди, благоухающие парфюмом, официальные церемонии, переговоры двусторонние и многосторонние, солидные контракты и...

Ты сходишь с трапа самолета и замечаешь барашков и телят, вытаращившихся на тебя. Миг – и их кровь забила струей. Хорошо, что здесь нет Сорайи, иначе обязательно упала бы в обморок.

Запахи курящейся руты, крови и овечьего помета ударяют тебе в нос. Ты вглядываешься в лица: те же всегдашние люди выстроились в ряд и застыли в поклоне. Те, кто в самые тяжкие дни бросил тебя, теперь собрались, надеясь, что и им перепадет кусок жертвенного мяса. И ты говоришь себе: «Верна поговорка, что поражение сирота, а у победы – сотни отцов!»

Ты вспоминаешь минуты бегства из Ноушехра, и кровь твоя закипает. Ты чувствуешь, что за эти несколько дней стал другим человеком и уже не сможешь вести себя по-прежнему. С этой минуты приказы будешь отдавать ты, а не больной уставший мужчина. Ты теперь – абсолютный правитель, а не конституционный монарх.

Ты идешь в свой кабинет и принимаешь решение впредь никогда не выпускать из рук богиню власти, чтобы попросить у нее поместье в одной из стран Центральной Америки и, занимаясь земледелием, плодить детей. А всем тем, кто привел тебя к состоянию, когда ты вынужден по ночам пить снотворное и держать

оружие под подушкой, доказать, что твоя власть теперь не ограничивается территорией дворца Саадабад, а простирается очень далеко, в чуланы домов, и даже спальни людей.

Нажимаешь на кнопку и отдаешь приказ о заключении под стражу упрямого сопротивляющегося премьера и высылке из страны. Чтобы впредь он ходил и спал в своих подштанниках, сколько ему влезет и торговался теперь с ангелом смерти Азраилом; чтобы впредь знал, каково лежать на кровати эпилептика и распатывать ножки твоего усыпанного драгоценностями трона.

Нажимаешь на кнопку и велишь изготовить новые статуи, крупнее прежних, изображающие тебя и твоего венценосного отца, и установить их на главных площадях иранских городов. Чтобы народ каждый день видел тебя и твоего отца и помнил, что именно эти отец с сыном показали вам, что оказывается можно жить без блох, но без шаха – никогда!

Нажимаешь на кнопку и приказываешь арестовать самых рьяных коммунистов, которые хотели разделить между трудолюбивым народом все поровну: воду, солнце, улыбки, бедность и богатство и даже твои собственные земли. Некоторых из них позже расстреливают, чтобы возможно в последний миг перед смертью они произнесли бы шахадатайн – формулу мусульманского вероисповедания и ушли бы в мир иной мусульманами. А некоторые из них бегут в приграничные скверные районы и все стенают, почему река Аракс не плывет на север, чтобы с легкостью доплыть до страны Советов.

Ты нажимаешь на кнопку и велишь газетчикам писать впредь только о событиях, на свершение которых ты отдал приказ. Ты создаешь новую службу безопасности, элитные кадры которой могли бы читать мысли людей и докладывать все, вплоть до шепота супругов под москитной сеткой.

Ты еще раз нажимаешь кнопку и приказываешь, чтобы кабинет министров устраивал свои заседания в твоём присутствии. И сообщаем, что впредь надеяешь своих премьер-министров теми полномочиями, в пределах которых они смогут исполнять твои приказы. Прежде всего, следует прогнать из своего окружения всех этих дряхлых чиновников, этих назойливых мух и дать дорогу молодым. Старики эти прожили как минимум сотню лет и помнят обо всех событиях прошлого века. Какой смысл в том, чтобы работать с теми, кто помнит доисторические времена, то есть эпоху до восшествия на престол твоего венценосного отца? Нет, они только и знают, как подобно английским джентльменам сморкаться в вышитые цветочками шелковые платки и сплевывать мокроту, и на всяких собраниях то и дело демонстрировать свое знание о способах стихосложения, рифмы, небесных телах и планетах. Выслушивать их жалобы на боли в спине от грыжи или их рецепты для лечения геморроя с помощью пиявок? Все эти придворные сановники, с громкими титулами вроде «опора государства» или тому подобными отлично помнят о сексуальных способностях твоего покойного батюшки; как он каждую ночь совокуплялся с несколькими женщинами, а на утро даже не помнил их лица.

«Ах, мой венценосный отец! Я говорю себе: «К черту всех этих изнеженных стариков-недотрог! Я больше не нуждаюсь в них. Они настолько состарились, что мочились себе на яйца!»

Нет, такие люди тебе ни к чему. Впредь тебе нужны люди без прошлого, с чистой памятью. Те, кто будет впитывать новые впечатления, воспоминания, в которых будешь ты. Они будут утопать в такой роскоши, что не будут нуждаться ни в ком, кроме тебя. Ты най-

мешь тех, которые будут использовать свои мозги не для размышлений, а для исполнения твоих приказов, губы – не для хвастовства и подхалимства, а для целования твоей руки. Ты воспитаешь военных не для войны с врагом, а для борьбы друг с другом, чтобы не дать им возможность организовать заговор. И впредь, все будет замыкаться на тебе; письма – приходиться на твое имя, и даже самые пустые докладные САВАК о похождениях и мужских любовных склонностях генерала армии или речах какого-нибудь муллы на деревянном минбаре в такой-то деревне.

Твои ноги усохли и выглядят как две коряги. Спускаешься с кровати. Наконец, спустя долгое время, ты снимаешь с себя больничную одежду и переодеваешься в простое и удобное. Эта хлопчатобумажная рубашка и мягкие брюки ужасно велики тебе, но как бы там ни было, это лучше, чем больничная одежда. И вот теперь ты готов к выписке. Прощаешься с врачами и медсестрами и выходишь из больницы; с надеждой никогда больше не ступить сюда.

Ты делаешь мягкие бесшумные шаги по опавшим листьям чинар, – листья похожи на раскрытые ладони; в тоске по ушедшим временам... И слышишь сухой стон листьев под злосчастной чернотой своих туфель. Красавица Сорайя тяжело ступает рядом с тобой и жалуется на злословья и колкости окружения. Она сделала все возможное и невозможное, чтобы забеременеть. И теперь осталось только ждать чуда, – предстоящего события, внезапной тошноты, плохого самочувствия, новых прихотей в еде.

Ты утешаешь ее и вселяешь в нее надежду. Однако ты и сам расстроен этим; не в силах возразить судьбе. Да и помочь-то нечем, кроме как жалеть Сорайю и посылать проклятья этой злополучной судьбе!

– И в самом деле, не смешно? Столько женщин каждый день запросто беременеют, а мы вынуждены умолять докторов и надеяться, что произойдет чудо!

Как же ты можешь не жалеть Сорайю, если во время участия в публичных мероприятиях и посещениях больниц, родильных домов и молочных кухонь, при виде всякого младенца ее сердце сжимается... Она повсюду встречается с мамочками, которые подобно одиноким кустарникам лоха у ручья под легким дуновением ветерка радостно встречают мужскую пыльцу и оплодотворяются. Как вышло, что она, королева этой древней земли, – с прекрасной природой, представленной в четырех временах года; земли, женщины которой круглогодично мучаются от тошноты, связанной с беременностью, – оказалась бесплодной? Вы оба проходили обследования в самых лучших клиниках мира, испробовали все возможности, чтобы забеременеть, но получили печальный диагноз: Сорайя никогда не сможет выносить ребенка. Врачи объяснили, что рост ее матки остановился в семилетнем возрасте, и этот орган не способен принять удивительнейшую из тайн мироздания. Как это несправедливо! Нация ждет, что твоя супруга забеременеет и произведет на свет наследника. Ведь ты тоже, имея бесплодную жену, оказываешься бесплодным и не имеющим жизненного продолжения. Как можешь ты объяснить другим, что проблема не в тебе? Не кричать же, что при каждом обследовании брались образцы твоей спермы, и в них находили миллионы здоровых и активных мужских клеток! И вот беда: пошли гулять слухи, что у тебя нет детородной силы и что даже дочь, которую родила Фаузия, была не от тебя. Иностранные радиостанции часами передают эту чушь.

Ты стоишь на поразительном распутье. Ты не можешь ни расстаться с Сорайей, ни объявить имя наследника. Иногда ты склоняешься к тому, чтобы на-

значить наследником одного из твоих братьев; иногда хочешь, не разводясь с Сорайей, взять еще одну жену и родить сына от нее. Однако Сорайя не согласна играть роль счастливой, но бесплодной шахини. Фамильная гордость не позволяет ей допустить такое: чтобы избранницей была не она, а другая рядом с ней.

Вы присаживаетесь на скамейку, чтобы перевести дыхание. Сорайя с каждым днем все больше грустит. Чувствует себя ненужным и мешающим существом, жизнь которого превратилась в страх и тревогу от наступления черного дня. Окружение ждет, когда же она забеременеет. Каждый день их тяжелые взгляды упираются в ее живот. Как если бы вопрос их жизни или смерти зависел бы от того, как скоро округлится живот твоей супруги. Она жалуется, что вот, к примеру, сегодня твоя мать заявила ей: «Сорайя-ханум, боюсь, что умру, но так и не увижу наследника своего сына!»

Ей настолько больно слышать эти слова, что порой она забывает о своем бесплодии. Она стала такой раздраженной и чувствительной, что боится встречаться с людьми. По утрам долго пролеживает в постели, там же и завтракает. Ты поручил организовать для нее публичные встречи, чтобы вывести ее из этого состояния. У нее необычайная способность располагать к себе людей. Она очаровала всех своей удивительной красотой и женским самообладанием. Бесплодие наложило отпечаток кротости и смирения на черты ее лица. Необычное смешение кровей, породившее бездетную красавицу.

Грустная красавица-королева садится в шахский лимузин, посещает больницы и детские дома, заглядывает в южные кварталы Тегерана с нищенскими домиками, зловонные стоки от которых разливаются по улочкам. Бедный и голодный люд радушно встречает королеву, проявляя эмоции, а она с достоинством и добротой улыбается им. Эти мероприятия хотя и утомляют ее, но это все же лучше, чем сидеть и грустить во дворце.

Тебе не верится, что твоя супруга, потеряв последнюю надежду, вручает себя судьбе, – твоей матери – Тадж ол-Молук, и с кротостью бесплодной женщины садиться перед знахарем, который предскажет ей будущее. Она согласилась на этот шаг, поскольку свекровь ее свято верит заговорам этого колдуна. Тот мужичок определил, что на нее наслали порчу, и после снятия ее, она легко сможет забеременеть.

Колдун выписал Сорайе рецепт и наказал строго следовать ему. Отсыпал немного лечебных трав и велел принимать их только в определенный час, а иначе – он не будет нести никакой ответственности, если королева не забеременеет.

Сорайя в точности следует всем наказам знахаря. По ночам перед сном, она внимательно и с благоговением верующей зажимает свой нос и выпивает лекарственный отвар. Вдали от твоих глаз прячет под подушкой молитву, написанную знахарем, и с неистовой мольбой в сердце ложиться рядом с тобой и всем своим существом обнимает тебя. Все это время она сжимает монетку, которую не выпускает из рук даже в моменты крайней близости. Она не ведает, что даже если это колдовство и помогает простым людям, то это всё из-за твоего монаршего изображения на монете, но с падишахом оно не работает.

Ты целуешь ее, во рту ее привкус вздоха и железа. Взгляни на нее! Всем существом своим она ждет чуда. Порой ей кажется, что что-то таинственное шевелится у нее в утробе, словно кто-то издалека зовет ее. В такие минуты она ликует от радости, и в тишине своей спальни встает перед зеркалом, задирает платье и всматривается в живот. Ее живот с тонкой, прозрачной кожей с сеточкой счастливых капилляров, торжествует. А она в тишине вслушивается в звуки, доносящиеся из темного коридора ее нутра. Так, порой ей слышится звук зарождения младенца в матке, живого существа, кото-

рое словно цветок мандрагоры вытягивается в корень и в рост и простирает свои листья в разные стороны. «Баю-бай, надену веночек из цветов амаранта...»

Время летит, но никаких признаков беременности Сорайи не появляется. Живот не впадает и не округляется. И, в конце концов, она понимает, что является самой бесплодной женщиной в мире. Но твоя мать больше готова поверить во все выдумки того колдуна, чем хладнокровно покориться судьбе. Она уверена, что проблема в невестке, которая не проявляла веру и искренность намерений при выполнении предписаний знахаря, ведь от его заговоров может забеременеть даже никчемная старуха.

Ты попал в трудную ситуацию. Видишь, какую злую шутку уготовила тебе судьба? Виски твои уже посеребрились и ты уже перешагнул тридцателетний рубеж, но так и не сделал себе наследника. Никогда в жизни ты не был так растерян. Самое странное – это то, что с каждым днем, ты все сильнее любишь Сорайю. Никогда и подумать не мог, что когда-либо будешь испытывать такое сильное чувство к женщине. Расстаться тебе с ней очень трудно: всей душой ты чувствуешь, что мужчина на протяжении жизни способен полюбить до гробовой доски лишь одну женщину, и такая единственная для тебя – Сорайя. И если бы пришлось сделать выбор между престолом и Сорайей, ты, не колеблясь, выбрал бы Сорайю, невзирая на то, что она, как и гранатовые деревья в саду Саадабада, бесплодна, и семья твоя ее особо не жалует. Ты осознаешь всю горечь реальности, что больше никогда в жизни тебе так не повезет с женой.

Сорайя, словно погружаясь в бездну одиночества и безнадежности, вынуждена просить развода, чтобы и ты отдался в руки своей горькой судьбы; на условии, что это событие пройдет достойно и с соблюдением всех почестей шахской семьи. Ты не хочешь стать всеобщим

посмешищем. Поэтому в обнародованной информации говорится о том, что, несмотря на всю любовь твою к королеве Сорайе Исфандияри, ты расторгаешь с ней супружеский союз во благо государственной необходимости.

Вся королевская жизнь, красота и очарование Сорайи ограничилась одним чемоданом. Плодом этого брака для нее стало свидетельство о разводе с монаршей подписью, незначительный гардероб, личные драгоценности и статья в бюджете страны о выплате пожизненного содержания, но при условии сохранения всех подобающих правил, касающихся личности Его Величества и шахской семьи.

И вот каждую ночь ты чувствуешь пустоту там, где должна была бы быть Сорайя. Красоту и достоинство этой женщины – полуместной, полуевропейки – забыть не так-то просто. Особенно мучительны для тебя воспоминания о событиях того переворота – о днях одиночества, страха и унижения. Ощущаешь эту незнакомую пустоту в груди. Сорайя – это сокровище – которое – ты это знаешь теперь – уже никогда не будет твоим. Подарок свыше... Ты тоскуешь по ней даже сейчас, находясь в Купольном дворце в Египте. Кровавое, влюбленное сердце, которое не бьется ни для одной другой женщины.

«Ах, мой венценосный отец! Как же счастлив был ты – поскольку не зависел так сильно, как я, от того, что называют сердцем; не зависел даже и в тот день, когда влез на тутовое дерево, чтобы наполнить подол моей матери ягодами...»

Ты прикладываешь руку к груди. «Где же это сердце?» То, что бьется там в груди, не сердце. Разодраный сгусток мяса. «Эй, журавль, что ведешь на берегу Нила любовную игру со своей парой! Знаешь ли ты, где

оно, сердце? Видел ли ты прежде человека без сердца? Если это – сердце, то что унесла с собой Сорайя?»

Ты уверен, что в те годы у тебя было настоящее сердце, а иначе ради женщины ты не был бы готов отречься от престола. И именно поэтому ты все еще ищешь то потерянное счастье. Так же, как искал его все прошлые годы. За это время, какие только красавицы не побывали в твоих объятьях; в поисках малейшего сходства; крупницы запаха и аромата. Но никто не был похож на нее, на Сорайю. Все эти ускользающие воспоминания – это одно, но мечта о Сорайе – совсем другое. «Будь она проклята, эта шахская жизнь, которой подвластно все, кроме любви!»

Все хотят найти для тебя достойную супругу. Многие журналы в каждом номере печатают фотографии девушек, грезящих о браке с тобой. Среди них красавиц единицы, а больше это обычные и порой даже страшные девушки. Но есть и другие, влюбленные в тебя девушки, готовые подарить тебе себя. Это юные красавицы – дочери гражданских и военных чинов, которых во время вечерних торжественных приемов официально предлагают тебе. Вся эта горячка, связанная с твоей свадьбой, зашла так далеко, что некоторые семьи ради того, чтобы породниться с монаршей семьей не побоялись прибегнуть к разным заговорам и приворотам. Есть и другие девушки, которые были замечены твоим окружением. Среди них можно увидеть даже принцесс некоторых европейских государств, солнцеликих иранок, и даже звезд Голливуда... Видишь? Ты стал хозяином тысяч родинок, глаз и бровей. Обладателем глаз всех цветов и оттенков: полных стыдливой скромности, радости и даже злобы; темно-голубых, хмельных; волос-волнистых, смолянисто-черных, шелковистых; уст подобно бутону розы, в форме сердечка или тонких,

словно тесьма; прохладных и свежих, словно утренняя роса, или сладких, как мед!

Со стороны шахского двора специально уполномоченным лицам поручают разузнать об этих достойных девушках. Они знают тонкости твоего вкуса, каких девушек ты предпочитаешь: с золотистыми волосами, стройных и высоких! Шахские послы в разных точках мира согласно указу, изданному Тегераном, обязаны в пределах их компетенции собрать информацию о достойных девушках и в зашифрованном виде телеграфировать о них в Тегеран. В них должна идти речь о материальном благосостоянии семьи девушки, уровне ее благородства и физическом здоровье, размерах талии, бедер и даже о наличии или отсутствии девственности.

Список достойных претенденток с каждым днем становится длиннее, и каждый день сотни писем от новых сватов поступают в шахский дворец. Каждый день начинают смаковать новое имя, и самые скандальные издания Европы в каждом номере представляют новую девушку счастливой королевой Ирана: отпрыск исчезающего знатного рода одного из индийских раджей, звезда Голливуда или дочь бывшего короля Италии.

Во всей стране как будто нет дел важнее твоего брака. Ты, впрочем, не против. Ты получаешь удовольствие от этого кукольного представления. Твой брак настолько захватил умы людей, что кажется, — не только народ Ирана, но и многие другие народы усердно ищут достойную претендентку.

Его Величество крепко заснул. В таком состоянии сильнее заметно его костлявое лицо. Его череп тоже кажется больше, чем обычно. Уже довольно давно он выписался из больницы и живет в Купольном дворце, проводит время, в основном за чтением газет и журналов, слушая радио и беседуя с друзьями и бывшими официальными лицами. Важнейшим делом, вы-

полненным за это время, было уточнение завещания с помощью французского юриста. В завещании четко определена имущественная доля каждого из наследников, включая внуков, причем значительная часть всего состояния отошла к его старшему сыну, при том условии, что до определенного времени он не сможет пользоваться всем своим состоянием целиком; и при условии, что он не откажется от престола.

Ты выпиваешь глоток воды и держишь стакан в руке. Состояние Его Величества после операции улучшилось, но если взять несколько последних месяцев в целом, то он очень сильно сдал, растаял, как свеча. Мужественная, броская фигура, красивые мускулистые ноги, сильные, правильной формы руки – все исчезло. Только взгляд прежний – привлекательный и грозный, удерживающий в своей власти любого. Этим взглядом он подчинил тебя, и ты стала его супругой. Ты была веселой и взбалмошной девочкой, ты и думать не думала, что однажды станешь супругой правителя страны. Тебе до сих пор все это кажется сном...

Вот ты влетаешь в дом и возбужденно кричишь:

– Мамуля, угадай, что сегодня произошло! Угадай, кого я встретила в министерстве иностранных дел?!

Мать, сметывая платье заказчицы, пожимает плечами:

– Не знаю, клянусь!

– Представь себе, министра иностранных дел собственной персоной... То есть зять шаха!

– Что?!

Иголка впивается в палец матери, и выступает капля крови, похожая на бусинку. Мама сосет палец и спрашивает:

– И что же он сказал?

– Да ничего, кроме того, что пригласил меня к ним домой, чтобы я занималась французским... – ты мо-

жешь в это поверить? – с его супругой, дочерью шаха... Давала бы ей уроки французского.

У матери округлились глаза... Такое событие сразу не осмыслишь. Трудности жизни научили ее везде и во всем подозревать подвох. Отчасти ее можно было понять. Она изо всех сил выбивалась, после смерти мужа, чтобы вырастить тебя. Ремесло портнихи больших денег не приносит, но все необходимое у ее дочери есть. И ты училась в лучших школах Тегерана, а когда выпал шанс поехать во Францию, мать продала все, вплоть до обручального кольца, лишь бы купить тебе билет. Конечно, и дядюшка – брат матери – тоже всегда был вам защитой и поддержкой, матушка очень уважает его. Вот и сейчас она говорит:

– Нужно посоветоваться с дорогим дядюшкой.

Ты рассердилась. О чем тут советовать? Такой счастливый случай выпал – познакомиться с дочерью шаха, а матушка еще ставит условия?

Этой ночью тебе снились необыкновенные сны. Ты загадала желание: вот бы шах посетил особняк своей дочери, увидеть бы его вблизи. Поскольку ты спишь на крыше дома, ты подняла руку к небу и сквозь пальцы смотрела на звезды, как бы представляя на своей руке драгоценный перстень из самой яркой и дрожащей звезды. И как же приятно это было! Ты словно сама летала меж этих звезд от предвкушения встречи с шахской дочерью. Ты – и дочь падишаха!

– Ой, да что же это будет?!

Рано утром ты стоишь перед зеркалом, надев свое лучшее платье. Мама твоя шепчет все молитвы, какие только знает, и дует на тебя, благословляя. В назначенное время раздается звонок в дверь. Ты смотришь из окна на улицу: там ждет автомобиль. И ты с таким азартом сбегашь по ступенькам, что внизу чуть не падаешь.

Из-за переполнявших тебя чувств ты не заметила, как доехала до особняка шахской дочери. И лишь увидев этот дом, поняла, куда попала.

– Какой прекрасный дом! И двор какой огромный! И великолепная старинная мебель!

Шахназ сама вышла встретить тебя и сразу заговорила о том, как поражена твоим французским языком, твоим хорошим произношением, – начала хвалить тебя и восхищаться. Она вела себя так непринужденно и искренне, что очень скоро вы с ней почувствовали себя подругами, и ты приняла ее предложение поплавать в бассейне. Позже ты поняла, какую цель она при этом преследовала. Как женщина, она могла незаметно убедить в том, что скрытые одеждой особенности твоего тела придутся по вкусу ее отцу. И, очевидно, ты ей понравилась, так как она пригласила тебя через несколько дней посетить ее снова.

Ты возвращалась домой, опьяненная встречей. Не верилось, что ты запросто, как с подружкой, говорила с дочерью властителя страны. На первой же встрече она совсем вскружила тебе голову. Она – Шахназ – была искренняя и открытая, и по-французски говорила лучше, чем по-персидски, а еще лучше умела быть гостеприимной.

И вот через несколько дней ты вновь в том же особняке, вы принялись за французские упражнения, как вдруг звонит телефон.

– Сообщили, что папа приехал со мной повидаться!

– Сам Его Величество?!

– Он самый и есть!

И тут в комнату входит шах, подает тебе руку, и начинает с тобой беседовать – так запросто, обо всем на свете, словно он твой старый знакомый; и с первого же мгновения ты не сводишь с него глаз. Разумеется, женщины в подобных обстоятельствах хорошо понимают намерения мужчины, но ты была в таком восторге,

что вовсе не заметила его оценивающего взгляда, ты была с ним естественна – проста и открыта.

Вы уселись за стол играть в домино. Словно он и не шах, а ты – не подданная. И посреди игры ты спросила его:

– А помните, как в Париже, когда вы приехали на встречу со студентами, я стояла рядом с вами и задала несколько вопросов?

– Да? Интересно! Но, к сожалению, я этого не припоминаю.

Ты немного огорчилась, но виду не показала. Встреча ваша закончилась столь же просто, и из особняка ты не вышла, а выпорхнула. Тебе казалось, что все люди на улицах странно поглядывают на тебя. Словно все они знают о твоей встрече с шахом. И вот, кроме такого детского восторга, никаких других итогов для тебя от этой встречи не было.

Когда ты сказала матери о том, что произошло, глаза ее сверкнули, как алмазы. Вот тогда ты и поняла, что твоя встреча с шахом вовсе не была случайностью... И до чего же ты наивна!

– Глупышка, неужели тебе не ясно, что шах специально, чтобы тебя увидеть, приехал к дочери? Они с самого начала тебя рассматривали как возможную невесту!

– Жениться шаху – на мне? Не поверю. Это невозможно.

Но слова матери заставили тебя во время следующих встреч включать твое женское шестое чувство – и ты поняла, что, и правда, нравишься шаху – а уж он-то своим взглядом завоевал тебя до самых глубин. И теперь его длинные ресницы казались тебе удивительно романтичными, а руки – по-особенному добрыми. Неужели эти шахские руки скоро будут принадлежать тебе и в самые тайные минуты уединения начнут ласкать твое тело? Нет, как можно поверить, что эти руки, дер-

жащие штурвал управления всей страной, вскоре надедут на твой палец обручальное кольцо?.. О, эти милые мужественные руки!

После следующей встречи ты едва выдержала путь домой. Ведь ты была неуверенной в себе молоденькой девушкой, ты так тревожилась, что шах изменит свое мнение и выберет другую. Ведь у него поклонниц было, хоть отбавляй! Самые красивые девушки из самых знатных иранских семей готовы были пойти на все ради брака с ним. Многие были готовы подарить свою дочь ему. Многие из красавиц мира ломали голову, как завоевать его, а ты вот так запросто хочешь стать его женой?

И вот проходит две, три недели, а от сорокалетнего принца твоих снов – никаких вестей. Скоро начнется новый учебный год, и ты должна возвратиться во Францию. Особых надежд на брак с Его Величеством у тебя уже и нет – но, видно, птица Феникс, приносящая счастье, вдруг опустилась на твое хрупкое плечико, и вскоре ты получаешь такую весть:

«Лучше, если вы откажетесь от поездки во Францию!»

Это – сладчайший запрет, который ты когда-либо слышала. И ты продолжаешь ждать. И дни, и ночи проходят в мечтах; и вот, наконец, Его Величество сжимает тебе руку и, глядя прямо в глаза, спрашивает:

– Вы согласны выйти за меня замуж?

Без промедления ты отвечаешь:

– Да-а!

Мужественная улыбка тронула кончики его губ, но он, чтобы испытать тебя, с нажимом настаивает:

– Вы отдаете себе отчет, что шахиня имеет тяжелые обязанности перед народом?

Ты опускаешь голову и отвечаешь:

– Да.

Все твои тревоги исчезли. От этого странного по форме предложения выйти замуж – а точнее, от этого экзамена – тебе становится смешно. Но любая на твоём месте ответила бы тем же «Да-а!» В конце концов, какая разница, какими словами падишах делает предложение?

Предстоит еще один экзамен: знакомство с его матерью и членами семьи. Невеста, которой едва исполнился двадцать один год, вместе со своим сорокалетним женихом предстает перед его семидесятилетней матерью. И от каждого ее взгляда на тебя ты дрожишь, словно плакучая ива. Сестры жениха тоже ведут себя так, будто выбирают меха: перемигиваются и бросают на тебя оценивающие взгляды. В этой ситуации тебе ничего другого не остается, кроме как с приятным видом улыбаться им всем и ни в коем случае не показывать своего смятения. Но как же измучила тебя эта встреча! Все твои мысли только такие: «Не приведи боже, чтобы я им не понравилась! Не приведи боже, чтобы я повела себя как-то неподобающе! Не приведи боже...»

Как бы ни рвал душу этот экзамен, но ты его успешно сдала и начала готовиться к следующему. Он состоял в полном врачебном обследовании – на предмет того, способна ли ты к многократному деторождению. Падишах не хотел повторно наступать на те же грабли. Но тут ты не беспокоилась. Как сказала мама, женщины в нашей семье – и с материнской стороны, и с отцовской – всегда были плодовитыми и могли рожать столько детей, сколько душе угодно.

Потому ты со спокойным сердцем позволила врачам заглядывать всюду, куда они хотели, и обследовать все в тебе, с головы до пят, – включая упругость стенок матки и градусы изгиба тазовых костей. Это испытание ты тоже прошла успешно, доказав, что можешь родить падишаху любое количество детей по его жела-

нию. Теперь настал черед следующего экзамена – на демонстрацию красоты, женственности и вкуса.

– Лучше, если вы за свадебными покупками поедете во Францию!

Ты подчиняешься и с огромной свитой, специальным авиарейсом, отбываешь в страну мечты. В ту страну, где еще несколько месяцев назад училась обычная студентка, до странности похожая на тебя; та чувствительная и энергичная девушка жила в обычном пансионе и отрабатывала часы в каком-то учреждении, чтобы покрыть расходы на проживание. И вот теперь та же девушка...

Едва ты спускаешься с трапа самолета, фотографы набрасываются на тебя, и тогда охрана вынуждена быстро сопроводить тебя в протокольный автомобиль. В спешке ты потеряла туфельку и в таком же виде прибыла в гостиницу. Тебе вспомнилась Золушка из сказки, и ты была вне себя от радости.

По улицам Парижа ты ступаешь грациозно, словно шахская дочь, и повсюду за тобой следуют корреспонденты с фотокамерами. Владельцы магазинов занавешивают витрины, чтобы никто не смог с улицы сфотографировать, как ты делаешь покупки. Народ встречает тебя как принцессу, вместе с тем признавая за свою. Как все это волнительно! Могла ли ты поверить, что на Елисейских Полях ради тебя перекроют движение? Могла ли подумать, что сможешь позволить купить все в любом магазине? По привычке руки твои избегали дорогих вещей, но честь шахской семьи требовала обратного. И у тебя не было иного выбора, кроме как переходить из магазина в магазин и указывать на самые дорогие товары. А магазинам в Париже нет конца, и дорогим вещам – тоже. Недостатка в деньгах ты не испытывала. Достаточно было отправить счета в посольство, и они оплачивались в установленном порядке.

Под взглядами людей и фотокамер ты прибываешь в Дом моды Кристиана Диора для пошива свадебного платья. Сантиметр за сантиметром измеряют там твоё тело, и как же приятно тебе услышать от известнейших модельеров мира, что и лицо твоё, и фигура, и осанка, и все пропорции – эталонны. Просто бальзам льётся на сердце когда знаменитый кутюрье говорит: «Какая прелестная девушка! Великолепная фигура, красивые руки, и волосы чёрные, как ночь; она – словно ожившая персидская миниатюра!»

Ты не раз посещаешь и знаменитый парикмахерский салон «Карита», пока, в конце концов, стилистам не удастся уложить твои волосы совершенно по-новому, создав причёску, которой они присваивают имя «Фарах»! Причёска и макияж изменили твоё лицо – оно теперь как небо от земли отличается от внешности той обычной девочки, какой ты была прежде, превращая её в сказочную королеву. Первый раз ты своими глазами увидела чудо макияжа и поняла, какую великую роль он может играть в жизни женщины – быть может, меняя её судьбу.

И теперь остаётся лишь одна личная обязанность, но её ты непременно должна исполнить. Ты не можешь вернуться в Иран, не простившись с той девочкой – обычной студенткой. И вот ты едешь в тот пансион, где жила раньше. Ты берёшь кое-что из личных вещей, оставив хозяйке все остальное. Женщина смотрит на тебя с таким видом, что тебе становится смешно. Бедная женщина совсем сбита с толку и жестами показывает, что огорчена, что ты её обманула: зная о предстоящей свадьбе с падишахом, скрыла это от неё.

Теперь ты возвращаешься в Иран: самолетом, который буквально набит нарядами, отрезами тканей, украшениями, заколками, перчатками, чулками, обувью и косметикой. А до свадебной церемонии осталось совсем немного времени. Французские портные целы-

ми днями сидят за машинками, кроят и сметывают дорогие ткани и одну за одной пришивают на твое платье жемчужины, превращая его в прекраснейший на свете наряд невесты. В эти дни тобой овладевают никогда прежде не испытанные, неожиданные чувства. Ты все еще смотришь на мир взглядом наивной девушки и никак не можешь осознать для себя происходящую с тобой действительность. Ты спотыкаешься, опираешься о стену. Для любой девушки брак волнителен, а уж что говорить о браке с шахом! Иногда ты кажешься себе заводной куклой, с которой играют: надевают на твое тело ту или иную одежду, украшают тебя и причесывают, заставляют разучивать движения, которые тебе предстоит выполнять в день свадьбы, садиться, вставать, ходить. Словно ты из-за гор явилась. Спасибо еще, не учат, как есть или ходить в туалет! Но что поделать? Могла ли ты отвергнуть все это и вырваться на свободу? Нет, мечта стать шахиней стоила того, чтобы проявить терпение.

Дни летят, а портные из страны мечты все еще подгоняют и улучшают платье твоего счастья. По французскому обычаю, шьется оно голубыми нитками – чтобы небесные силы дали тебе в качестве первенца сына. И все, что ни потребуют французские портные, доставляется им с молниеносной быстротой.

– Закончились ленты для платья!

Поверить невозможно, но через час самолет ВВС вылетает во Францию и возвращается в Иран с лентами. Ты с изумлением смотришь на моток этих лент, а потом переводишь взгляд на твою маму, тоже искусную портниху:

– Но ведь такая лента и на Тегеранском базаре!..

А мать быстро подносит к губам тот самый палец, который столько раз колола иглой, и шипит тебе:

– Тс-с!

Ты смотришь на осенние деревья во дворе дворца, как неожиданно падишах приходит повидаться с тобой. Его глаза сияют от счастья.

– Заказали одному из знаменитых флористов мира вырастить цветок и назвать его в Вашу честь. Надеюсь, что смогу обрадовать Вас этим поступком.

Тебе не нравится его официальный тон, но этот красивый жест застал тебя врасплох, что ты и не обратила внимания на его тон. Важнее было то, что этим необычным подарком он хотел выразить свои чувства к тебе.

«Ты только представь себе! Теперь на рынках появится сорт гвоздики, которая будет носить твоё имя... Слышишь! Господин, дайте мне гвоздик фарах!» Как волнительно! Многие будут высаживать в своих садах цветы фарах, будут поливать меня. Любоваться мною. Будут закрывать глаза и нюхать меня... Какой удивительный подарок! Не думаю, что за всю жизнь смогу получить какой-либо другой подарок, прекраснее этого».

На третий день свекровь, желая проявить свою симпатию к своей третьей невестке, посылает ей подарок: четырех баранов, несколько куриц и немного овощей и фруктов! В этой суматохе твоя мать прозорливым взглядом лучше всех поняла смысл этого подарка.

«Это значит, ешь и полней, чтобы рожать... Значит, ешь сколько влезет, чтобы поправиться!»

А теперь пришла твоя очередь приложить палец к носу и прошептать «Тс-с!» Теперь стало ясно, что твоей матери и свекрови никогда не ужиться друг с другом!

И вот, наконец, настал тот осенний день. Незабываемый день, когда ...

Стакан выскользнул из твоих пальцев, и вода пролилась тебе на подол. Очнувшись, ты привстала. Его Величество проснулся и хочет подняться с постели.

Его личный слуга подходит, неся тапочки. Улыбаясь, ты идешь к мужу. Бледность покрыла его лицо, и настроение у него плохое: наверняка снова приснился кошмар или опять – эти мерзкие боли. Он очень сдержан и ничего не рассказывает. Молча выходит на террасу подышать свежим воздухом. Лучше сейчас не беспокоить его.

«Эти мужчины, все без исключения, заболев, становятся словно дети, даже па-ди-...».

Ты делаешь паузу. Твой язык, словно под тяжестью свинца, немеет на последнем слоге. Какой падишах? Это сломленный и печальный мужчина совсем не похож на жениха в тот осенний день. В тот незабываемый день, когда...

Когда прическа и макияж были готовы, ты надела свадебное платье и вдруг глазами полными изумления ты увидела в зеркале отражение королевы, чарующей, сказочной, в роскошном белом платье со шлейфом длиннее павлиньего хвоста, расшитое двумя тысячами натуральных жемчужин... Портные и в самом деле постарались на славу.

На твои глаза наворачиваются слезы радости. Ты совсем не похожа на ту сиротку, которая летними ночами взбиралась на крышу, протягивала руку к небу, чтобы одна из звезд, словно камень на твоём кольце, опустилась тебе на палец. Ты ни капельки не похожа теперь на ту наивную студентку, самой большой мечтой которой на тот момент было отложить немного из ее месячного заработка на покупку комнатного цветка. Та девушка, как по волшебству, превратилась в сказочную королеву, которой позавидовали бы самые красивые женщины мира; госпожа с алмазной диадемой, бриллиантовым колье и в белых туфлях, усыпанных девяносто двумя жемчужинками, которые напомнили тебе о сиротливых слезинках из твоего детства.

– Доченька, жемчуг-то не к добру; особенно для невесты, тем более, для невесты падишаха!

– Тс-с!

Несколько девушек в белом поддерживают твой длинный шлейф. Среди суматохи и возгласов ликования ты грациозно пересекаешь пространство перед дворцом и, по традиции, открываешь дверцу клетки, полной соловьев и чижей. Птицы в страхе вылетают на волю и взвиваются в голубое, величественное небо. Одна из девушек взвизгивает. Ты останавливаешься. Щупленький взъерошенный чижикик зацепился за подол длинного шлейфа, и его сердечко сильно бьется. Ты взяла пташку в руки, что-то шепнула ей на ухо и выпустила: «Птичка моей юности, лети с миром... Бог с тобой!» Безмолвный чижикик с трудом долетел до крыши и сел там.

Ты продолжаешь свой путь: мотоциклы и машины эскорта, пышность и великолепие... вот и дворец Гулистан. Вы входите в зеркальный зал – и сейчас, уже в третий раз, в этих зеркалах многократно отразится бракосочетание Его Величества. Девушки в белом осыпают ваш путь цветами, а зал полон – иранские и иностранные гости, в парадных мундирах, фраках и смокингах, с орденами и лентами, со шляпами и перчатками. Женщины, осыпанные украшениями и драгоценностями, шагают тяжелой поступью. В воздухе густой запах духов и одеколona, а вокруг тяжелые взгляды гостей.

В твоём мозгу остались спутанные, хаотичные картины этой церемонии: ослепляющие фотовспышки, блеск алмазов, жемчугов, золота, и прочих драгоценностей; глаза, изучающие невесту из никому неизвестной семьи; движущиеся губы, выражающие зависть, радость или поклонение; яркие западные кушанья, блюда французской кухни, свадебное кашмирское полотно, подсвечники и палочки с набатом, и огромный

хлеб-сангяк, и несколько тысяч красных и белых гвоздик, и роз, и орхидей.

Ты сидишь за свадебным столом – рядом жених. И ты чувствуешь себя не в своей тарелке: кресло падишаха ниже твоего – какой стыд! Невеста с двухкилограммовой короной, в пышном платье восседает там наверху, а жених в парадном мундире, весь в орденах и медалях, ниже ее. Точно как муха и слон!

Регистратор зачитывает хутбу о бракосочетании, а ты, сгорая от нетерпения, уже в самый первый раз говоришь «да», чтобы сорокалетний жених как можно скорей надел на твой трепещущий палец алмазное кольцо. Кольцо тонкой работы из редкой коллекции Ричарда Храброе сердце, купленное на одном из аукционов Лондона.

Возгласы ликования и поздравлений стихли, и зал погрузился в тишину. Все смотрели на тебя и ждали, когда ты наденешь кольцо на палец жениха. «Но где же кольцо жениха?»

Ты только что вспомнила, что вы не купили кольцо для жениха, и весь мир рухнул позором на твою голову. Ты взглянула на свою мать; ее чуть инфаркт не хватил. Ты почувствовала, что не только все тело, но и корона твоя трясется. Разве может невеста забыть купить кольцо жениху? Особенно, если жених – падишах. Эта большая оплошность может обернуться отменой свадьбы. Как же ты была счастлива, что твой жених не старомоден. Он с легкостью простил эту большую ошибку. Хотя многие обычные женихи не стерпели бы такое.

Вдруг кольцо появилось и спасло тебя, и ты, испытывая чувство стыда надеваешь его ему на палец. И вот рука об руку вы горделиво проходите мимо гостей, чтобы все рассмотрели сорокалетнего жениха и молодую невесту. Некоторые из присутствующих наблюдали за свадебной церемонией Его Величества уже в третий раз.

По окончании церемонии у тебя едва хватает сил держаться на ногах. Сколько часов ты уже пленница свадебного платья? Только за полночь ты, наконец, снимаешь его, смываешь с лица густой грим – и, увидев себя в зеркале, чувствуешь счастье. Сейчас ты вновь стала прежней Фарах, которая вот-вот вступит в сказочную королевскую страну. Нужно проститься с собой, окончательно... До свидания, дочка частной портнихи! Прощай, наивная впечатлительная студентка!

На следующее утро ты – в мраморной ванной дворца. Плескаясь в воде, ты вдруг задумываешься о том, какой же длинный путь проделала за истекшие сутки – путь к этой сказочной стране. В этом новом мире тебе все незнакомо: бездумное девическое поведение здесь следует забыть, порядок же государственный – исполнять неукоснительно. Отныне все будут смотреть на тебя как на шахиню, замечая мельчайшие твои движения. И бедняжка мама! В ее возрасте – стать другим человеком, который не сможет больше, как захочет, кроить, и шить, и ставить заплатки... Но разве сумеет она удержать свой острый язычок, ведь ей что в одно ухо попадет, из другого тут же и вылетает. Ты переживаешь за нее. С ее набожной душой – как дышать при дворе, как общаться со всей этой толпой, лишенной устоев и морали? Уже за вчерашний день ты насмотрелась, как смеются над ней некоторые члены монаршей семьи. Но ничего! Не будет же дверь до бесконечности на одной и той же петле вращаться? Скоро всем придется уважать тебя и твою мать. Дай только родиться наследнику трона, тогда никто больше не сможет игнорировать тебя и ее.

Ты погружаешься под воду и выныриваешь. Чувствуешь, как все твое существо ликует. Это была старая баня с куполообразным потолком, полная гулких голосов. Ты сидела на лавке рядом со своей доброй матерью, с намыленной головой, а банщица, набирая

воду в медный таз выливала воду тебе на голову, и ее сморщенные груди словно два подвешенных мешочка кислой простокваши, вздрагивали в воздухе.

Вдруг глаза сильно защипало, и в бане раздался твой плач. Несколько человек пробурчали что-то, а одна лысоватая женщина зашипела на тебя озлобленно: «Заткнись... То же мне неженка!» Мать бросила на нее грозный взгляд. Банщица взяла таз и, перевернув его, стала наступивать на нем мелодию:

*«Не отдам ее никому,
Не отдам ее всякому,
Не отдам тому, кто бы ни был он,
Пусть будет у него кафтан из парчи,
Пусть придет шах со своим войском,
А вслед за ним – командир войска,
Отдам иль не отдам?!»*

Ты отчетливо слышала голос банщицы в дворцовой ванной Саадабада. Вспомнив детство, чувствуешь, как слеза побежала по белоснежной коже твоей шеи, и ты даешь себе клятву, – никогда не забывать о прошлом; никогда не отдаляться от народа и сделать для него все возможное.

С чувством девушки только что ставшей женщиной, ты вымылась и намыливая себе живот, загадала желание, – как можно скорее родить здоровенького и миленького мальчика, достойную замену своему отцу. Сына, который однажды станет падишахом этой страны, а ты как мать-шахиня будешь жить рядом с ним долгие годы в счастье, радости и... Какие эгоистические мечты! Прикуси-ка язык! Откуда ты знаешь, а вдруг твой муж проживет дольше тебя?

Ты смотришь на своего мужа, и душа твоя разрывается. Потухший с тоской в глазах он сидит на тер-

расе и наблюдает за спокойным течением реки Нил. В голове не укладывается – ведь этот сморщенный, поникий мужчина все тот же всемогущий падишах, который тридцать семь лет правил Ираном! Человек, которого ты знала, будь то в постели, будь то в управлении страной, обладал такой силой и уверенностью в себе, что казался непобедимым. И с таким же упрямством, с каким он вел себя в постели, он никого не слушал в делах государственных.

В тот день в мраморной ванне дворца Саадабад ты еще ничего не знала о характере твоего мужа. Ты была неопытной женщиной и еще не сталкивалась с такой сложной личностью. В те времена ты была домашней газелью, пасшейся в запутанных коридорах и комнатах дворца. Для тебя были важнее ночи, чем дни. Эти ночи были окрашены в синеватые цвета. Они были похожи на обыски узников.

Вернувшись в столицу после медового месяца, проведенного на берегу Каспия, ты сразу почувствовала, что окружающие смотрят на тебя как-то по-другому. Каждый встречный оглядывал тебя с головы до ног, выискивая следы беременности, – даже дворцовые сторожа. Однако никаких таких следов не было, а потому любой день тянулся для тебя как месяц. Однажды, не в силах выдержать напряжения, ты бросилась в объятия матери и разрыдалась:

– Как это может быть – неужели мои анализы не показали ясно, что у меня нет никаких противопоказаний?!

Мать пыталась утешить тебя, но тщетно: страх перед бесплодием или рождением девочки не отступал. Подозрительность впиалась в твою душу, и тебе стало казаться, что замок твоих грез разваливается на глазах.

«Может, верны те слухи, что ходят в народе, – будто сам шах бесплоден? Неужто Сорайя, как и я, пала

жертвой эгоизма шахской семьи?.. Откуда мы знаем? Может, она ни в чем не виновата, а вся проблема – в бесплодии Его Величества?»

Дело близилось к тупику, но однажды тебя вдруг затошнило – да так, что все эти домыслы развеялись без следа. И скоро ты уже стала ангелом-спасителем шахской семьи: той женщиной, которая родит толстенького и здорового наследника и освятит будущее династии. Ангелом, которого тем больше уважали, чем сильнее вздувался его живот.

Когда приятная боль пронзила твое чрево, сам падишах усадил тебя в машину и отвез в больницу в южной части города – в ту, что была построена для неимущих рожениц, но для тебя там оборудовали специальную палату со всеми удобствами.

И тут начались настоящие боли – ураган боли! Пятое измерение, мир обморока; плач синюшного окровавленного младенца, возвращение на землю, тени и призраки; открыть глаза и увидеть довольную улыбку мужа, и почувствовать поцелуй его горячих губ у себя на лбу, и выйти победительницей в самом трудном из испытаний.

– Поздравляю... Ты родила толстенького, здорового мальчика.

Ты слышала, как с улицы доносятся крики народной радости и звуки танца. Цветы прибывают в больницу не букетами – охапками. Словно, родив сына, ты гарантировала не только продолжение шахской династии, но и лучшее будущее всего народа. Ты гордишься, что стала причиной народного ликования. Обосновавшиеся в больнице иностранные корреспонденты рассылают новость по всему миру, и отовсюду на вас сыплются поздравления.

Ты сунула свою плотную грудь в ротик младенца, и вся обмякла. Решила кормить его сама, но молока твоего не хватало. И вот счастливая звезда одной бедной женщины засияла на небосклоне, и она была выбрана,

чтобы вскормить наследника престола. Бедняжка... Ее ребенок умер, но ее полная молока грудь обеспечила семью заработком.

Ты только было почувствовала облегчение, как начались новые проблемы. Мать твоего мужа, видимо, считает, что твои обязанности закончились с рождением сына, на которого ты больше не имеешь прав, а воспитывать его она будет по-своему. С молитвами против сглаза и порчи, с амулетами от простуды, с благословленным кишмишем и с заговоренным набатом. А отнюдь не только в соответствии с предписаниями врачей и правилами обычной гигиены.

И вот первое безапелляционное решение Таджол-Молук:

– Справим церемонию первой бани¹ в точном соответствии с традициями!

Какие-либо возражения – твои или супруга – в расчет не принимаются; весь шахиншахский двор – лакеи, придворные, шахские банщики и банщицы – срочно берется за работу. Церемония должна пройти как можно более пышно и по всем канонам старины, с использованием всех древних атрибутов. Тут и набедренные повязки, и банные простыни, и сверточек для младенца, украшенный искусной вышивкой. И особая банная рукавица, и серебряный тазик, и мочалка из пальмовых волокон, и белила, и румяна, и сурьма, и питье из гулявника и цикория, и напиток из верблюжьей колючки. А как забыть соленья с маринадами, и суп с лапшой, и гавут²? А как не позаботиться об оркестре со скрипками, бубнами и барабанами, о певцах и музыкантах?

¹ Согласно иранской традиции на десятый день после родов мать идет с новорожденным ребенком в баню. Этот день отмечают как семейный праздник.

² Гавут – лакомство, состоящее из перетертого тмина, хлопкового семени, жаренного гороха, кофе, сахара, кардамана, кунжута, семян кинзы, мака и т.п.

Тадж ол-Молук восседает в кресле перед дворцовой баней и, словно некая богиня-мать, руководит церемонией. Тебя раздели догола и окуривают рутой и ладаном, а ты моешь мягкое тельце новорожденного так, чтобы сделать его неуязвимым для земных и небесных напастей. По старинным обычаям, ты и свое тело ополаскиваешь таким образом, чтобы, не дай бог, не привязались злые духи.

Певицы и музыкантши заводят мелодии повеселее, и начинается пляс. А там и подоспело дармовое угощение: и еда, и питье вволю, и гвалт, и смех. Когда церемония заканчивается, тебе так хорошо, что ты стыдишься своих недавних возражений.

После обряда первой бани Тадж ол-Молук успокоилась насчет потусторонней угрозы младенцу, однако тут же выдвинула идею новой церемонии. И опять твои возражения были отмечены. Она стоит на своем:

– Хочу, согласно семейным традициям, чтобы мой любимый внук получил приданое от меня.

Тадж ол-Молук все время хочет веселиться и праздновать, причем под любым предлогом. И вот теперь предлог найден, хотя ты остаешься в недоумении. Ведь у новорожденного и так всё есть, зачем ему еще какое-то приданое? Во дворцах полным-полно дорогих вещей и принадлежностей, в том числе много старинных кроватей, комодов, есть старинные умывальники, а уж постельного белья!

Но у матери твоего мужа – своя задумка, и вот грузовой самолет ВВС отправляется в страну мечты с задачей: привезти в Иран закупленный там мебельный гарнитур времен Наполеона I. Гарнитур детский, это правда, но он, поскольку сам Наполеон спал в этой кровати, считается исторической реликвией, и цена его огромна... К тому же тебя как-то не убеждают громкие слова об исторической достоверности: как можно установить по прошествии веков, спал ли Наполеон на

этой кровати и какие еще события на ней происходили?

Как бы то ни было, но теперь на этой старинной кровати спит твой сын, и растет он очень быстро. И вот уже Его Величество берет сыночка за руку и ведет в свой рабочий кабинет, в Мраморный дворец.

Что же касается дворца Саадабад, то он в эти времена больше похож на развеселый ресторан: пиры, балы-маскарады, кабаре. Каждый вечер здесь новый прием. И отовсюду слышатся музыка и пение. Из покоев Тадж ол-Молук – более традиционные звуки грустных скрипок, а из дворца Ашраф, – голоса молодых певцов, поп-музыка и джаз.

Тебе не нравится, что сын растет в такой обстановке. И у тебя достаточно влияния на Его Величество, чтобы убедить его построить для вас новый дворец. А между тем...

Вот уже больше часа прошло, как ты проснулся. Ты сидишь на террасе и смотришь на течение Нила, а мысли твои уносятся далеко. Кроме тебя, на террасе только личный лакей. Шахиня, молчаливая и задумчивая, сидит в зале и смотрит в одну точку. Заметно, что она грустит или устала. Может быть, завтра, когда дети придут, ей станет веселее, не так одиноко. И опять, как сейчас, вспомнятся дни молодые!

Тебе вспомнилась поездка – вскоре после вашей женитьбы – в Америку, длившаяся сорок пять дней. Всякий раз воспоминания об этой поездке веселят тебя, – ибо как может официальный визит длиться так долго?

«Ах, мой венценосный отец! В те времена Америка еще была Америкой, а я был настоящим правителем. Все несчастья начались, когда к власти там пришла эта команда глупых демократов».

Премьер, которого ты назначил на эту должность из уважения к американцам, не нравится тебе: слишком уж он дружит с американцами, а на тебя – почти ноль внимания. Этот зазнайка из рода Каджаров поистине считает себя светочем эпохи.

Поскольку ты уже решил, что не допустишь больше, чтобы премьер проводил свою линию, отличную от твоей, ты садишься в самолет и летишь напрямик в Вашингтон, и там заявляешь новому американскому президенту-демократу, который претендует на то, чтобы быть защитником прав человека и помощником развивающихся стран:

– Любое ваше распоряжение вы можете отдать прямо мне, зачем утруждаете этим моего премьера?

Этот визит длиной в сорок пять дней, весьма необычный по дипломатическим меркам, очень понравился и тебе, и молодой шахине. Ты сумел найти общий язык с Кеннеди и понял, как решать с ним свои проблемы.

Окрыленный этой поездкой, ты возвращаешься в страну и, освободив старого премьера от должности, назначаешь нового. В соответствии с тем, как ты держался с Кеннеди, ты должен и дальше представлять перед всеми человеком прогрессивным, если не сказать революционным, ты показываешь коммунистам, что можешь быть даже революционнее их. Ты, конечно, понимаешь, что, выполняя свою программу, наживешь множество врагов, но эту работу любой ценой нужно сделать. Если все пойдет по-прежнему, то разговоры о развитии и обустройстве страны будут восприниматься как насмешка. Воспользуйся ситуацией и американской поддержкой и доведи, наконец, дело до конца. Ты не должен отступать из-за несогласия исламских мулл и интеллигенции. Если тебе удастся выполнить намеченное, они сами умолкнут.

И вот с большим шумом ты обнародуешь шесть главных направлений «Белой революции шаха и народа» и выставляешь их на референдум. Самый главный пункт «белой революции» – это земельная реформа, то есть отмена системы «помещик – крестьянин». Программу эту тебе помогли разработать американские профессора и политики. С их точки зрения, главная причина отсталости Ирана – это помещичье землевладение, а также примитивная система сельского хозяйства. И вот теперь нужно выкупить у помещиков и ханов большую часть земель, водоемов, оросительных каналов, скота и птицы и передать все это крестьянам, причем по цене ниже реальной стоимости. За какие деньги государство все это выкупит? За счет продажи акций заводов и фабрик, но в итоге нужно, чтобы ханы, столетиями владевшие землями, все это отдали, даже кур с петухами, а сами не имели бы иного выбора, кроме как сидеть дома и наслаждаться лошадьми, охотничьими ружьями и воспоминаниями о предках.

Землемеры и кадастровые работники принимаются за дело: размежуют и делят сельскохозяйственные угодья, чтобы передать их крестьянам. И крестьяне, которые поколение за поколением жили с оглядкой на помещика, отныне должны смотреть на самого большого хозяина – государство, которое и будет им давать удобрения и пестициды, семена и тракторы, которое будет чистить их оросительные каналы, а во время неурожаев предоставлять кредиты. Но поскольку в государственной казне нет денег, крестьяне вынуждены продавать скот, домашнюю птицу и земли или сдавать их в аренду и с клочком бумаги с адресом какого-то знакомого отправляться в столицу и крупные города на заработки.

Программа идет полным ходом. Система «помещик – крестьянин» разрушена, и постепенно возникает новая классовая структура. Благодаря осуществлению этой программы страна впервые за свою историю стала

нуждаться во ввозе пищевых продуктов. А благодаря строительству новых дорог расстояния между городами и селами, вообще все географические пространства, сократились – зато выросли расстояния между людьми. При этом и женщины Ирана, не имея даже права говорить, получили уже право голосовать; и отныне следы их пальцев будут оставаться не только на тканях, коврах или глиняной посуде, но и на избирательных бюллетенях. И судьбу свою они отныне будут читать, глядя не на ковроткацкий станок и не в воду колодца, а в зеркало.

Множество крестьян приезжают в столицу со всех концов страны, чтобы из твоих рук получить новые земельные документы. Земли твоего венценосного отца ты тоже отдаешь. В эти золотые осенние дни у тебя при виде твоих подданных возникает странное чувство. Они больше похожи на почву, на пашню, чем на людей. Палящее солнце прожарило и прокалило их лица, а руки их грубы и покрыты трещинами, как старые сырцовые кирпичи, они кажутся тебе неживыми!

Делегаты от крестьянства получают у тебя свернутые в трубочку земельные документы и жесткими губами целуют твои руки, а тебе при этом вспоминаются поездки с отцом по отдаленным районам. И ты словно видишь разгневанное лицо отца, который кричит тебе: «Что же ты делаешь? Ты думаешь, что угодил им? Только врагов себе нажил!»

Но ты несколько не огорчаешься, отдавая земли. Эта часть отцовского наследства, как кольцо проклятья, сдавливало твою шею; давно следовало сорвать с себя этот хомут. О том же говорит в микрофон и один из тех, кто вышел тебя благодарить от имени крестьян за монаршую доброту:

– Вы разорвали документ о нашем рабстве!

Церемония закончена, и народ хлынул к монаршему трону. И ты выходишь к ним и, улыбаясь, издали

машешь рукой. Ты чувствуешь себя так, словно тебя теперь охраняют сельские боги: духи полей, водоемов и плодовых садов. А все-таки лучше держаться от народа подальше, чтобы не повторилось то, что ты пережил раньше. В тот холодный зимний день пятнадцать лет назад ты остался одиноким и беззащитным под градом пуль – надеясь лишь, что траектория пули каким-то чудом изменится.

Это случилось в Тегеранском университете, и тогда тебе в самом деле пришлось исполнить танец смерти: уворачиваясь всем телом от выстрелов, ты только благодаря потусторонним силам уцелел, пуля лишь зацепила твою губу – пережил того, кто в тебя стрелял; и он, в последний миг своей жизни, выпученными от ужаса глазами увидел, что ты жив. В тот день, под свист горячих пуль ты своими глазами увидел бегство своего окружения и вдруг понял, как же ты одинок! И если бы не вмешательство потусторонних сил, и если бы не застрывшая последняя пуля, ты бы не был сегодня в живых, чтобы вот так делить земли между безмолвствующими крестьянами.

«Ах, мой венценосный отец! Кроме стрелявшего и этих безбожных пуль, никто тогда мною не интересовался. Рот у меня пересох от ужаса, а мой драгоценный братец, наоборот, от страха обмочился!»

Как прекрасен этот весенний день! Ты выходишь из машины и направляешься к Мраморному дворцу. Грудь ты, как всегда, выпятил, а голову несешь высоко, как подсолнух – свой цветок. Может, тут причиной высокая царственная судьба твоей семьи, а может, то, что твоя мать, Тадж ол-Молук, гадала с воскурением руты, но только сына ты сегодня не взял с собой.

Ты еще не дошел до ступеней, как тебя встретили первые выстрелы, и ты застыл на месте. Зная по

опыту, что в таких ситуациях нельзя оставаться неподвижным, ты бежишь в сторону дворца и – уже в вестибюле, – оглянувшись, встречаешься глазами со стреляющим. Этот юноша в форме солдата гвардии, с крепкими мышцами, бежит к тебе и, не целясь, стреляет в тебя. И в тот миг, когда ваши взгляды пересекаются, ты как бы спрашиваешь его: «За что?» А он как бы отвечает: «За то, что ты – тиран и мерзавец, продавший родину американцам!»

И он все бежит за тобой и стреляет очередями, и охранники у дверей катятся на пол; и у тебя такое чувство, будто сейчас, кроме тебя и стреляющего, во всем дворце нет никого; и в мозгу твоём проносится: «Зачем же тогда все эти солдаты, и офицеры, и дисциплина, и контроль?.. Нахлебники!»

Как бы то ни было, ты вбегаешь в свой рабочий кабинет и ныряешь под стол. Пуля расщепляет деревянную дверь, другая пуля ударяет в переднюю панель стола. Потом – несколько мгновений тишины. Ты слышишь твердые шаги, ждешь, что дверь вот-вот откроется, солдат войдет и прошьет тебя пулями. Но нет, так нельзя умереть – в таком положении, под столом.

Ты озираешься в поисках лучшего места, для того чтобы быть убитым, и не находишь такого, и тут как-то смутно чувствуешь – а как именно, и сам не понимаешь, – что выйдешь из этого инцидента невредимым. И, несмотря на возобновившиеся выстрелы свинцовых пуль за дверями, ты пытаешься сосредоточиться на этом чувстве и отмечаешь для себя ту мысль, что выстрелы судьбы не всегда бьют мимо цели и, что нужно как можно скорее назначить еще одного преемника для такого дня. Внезапно ты слышишь за дверью странный звук: словно человеческую голову расколола свинцовая пуля. Мгновенный разрыв тысяч капилляров, повреждение черепа, выплескивание крови со скоростью смерти и тишина... Багровая дымящаяся тишина.

А потом начинается суматоха за дверью: знак того, что опасность миновала; и ты, – обливаясь потом, весь мокрый, – вылезает из-под стола. Проводишь рукой по волосам и лицу, приводишь себя в порядок. И тут все, кто был во дворце, заполняют твой кабинет и возносят хвалу богу за то, что твое шахское величество не пострадало. Несколько человек начинают рыдать и выкрикивать проклятия в адрес мертвого, который дерзнул покушаться на жизнь благодетеля и защитника страны. Все застыли в изумлении. Словно бы, и правда, с тобой случилось чудо – а иначе как бы ты мог остаться невредимым под градом пуль?

Тело изменника-солдата лежит в нескольких шагах от двери кабинета, и ковер в зале с большой жадностью напился кровью этого солдата, всосал ее, и на нем образовалось большое пятно, по форме напоминающее карту Ирана. Его лицо как будто знакомо тебе. Взгляни на него! Видишь! Глаза, застывшие на кабинетной двери... Волосы, на которых еще видны следы пластмассовой дешевой расчески... Зубы сжаты от сильной боли, а может быть – от гнева, от злости... Запаханный кровью блокнотик с записями чисел дежурств и увольнений... А самое главное – автомат, еще горячий, который был выдан солдату, чтобы защищать тебя, но вместо этого он безжалостно в тебя стрелял. Но почему?..

Ты погружаешься в свои мысли. Теперь ясно, что и в шахском дворце ты не в безопасности. Определенно, это был не просто слепой террор, а стрелявший солдат наверняка действовал по наводке. И вправду, кто стоит за этим терактом? И чего они добиваются? Все это необходимо расследовать, на всех уровнях: начиная от рядовых и сержантов и кончая офицерами. Проверить даже охранников, несущих ночную службу у входа в твою спальню.

Бесконечные звонки! Все хотят убедиться, что ты не пострадал. Дрожащий голос шахини потрясает тебя

сильнее всего. Ты вызываешь руководителей службы безопасности и, как всегда, подавив свое волнение, отдаешь четкий приказ:

– Действующие лица этого зловещего инцидента должны быть установлены немедленно!

Сильнее страха в тебе неуверенность – и такое ощущение, как будто тебя предали самые близкие люди. «Чьей рукой был организован этот теракт? Может быть, это иностранные государства?.. Мировые державы?.. Или это дело рук коммунистов? Да, скорее всего, покушение подготовили коммунисты».

Ты готов подозревать всех, кроме верующих мусульман – духовных лиц и представителей торгового сословия: кроме тех, кто два года назад организовал крупные демонстрации и кому ты вынужден был силой оружия указать их место.

После этого зловещего покушения 15-го хордада шахиня забеременела вторично, и, по ее просьбе, ты начал строить новый дворец в пределах Каджарского дворцового комплекса Ниаваран. И свой рабочий кабинет ты перенес из Мраморного дворца в Ниаваран, в бывшую резиденцию Каджаров. Теперь тебе уже не приходилось проделывать длинный путь к центру города, чтобы попасть в свой кабинет, и ты не видел каждый день народ, все больше отдаляясь от него. И эта перемена места – на первый взгляд, столь же простая, как переезд с квартиры на квартиру, – не изменила ли она весь ход твоей жизни?.. Впрочем, о чем это ты? Разве в день 15 хордада 1342 года¹ ты мог бы побывать на центральных улицах города, чтобы увидеть тела убитых в тех протестах? С другой стороны, была ли в этом нужда? Ты ведь имел сведения обо всем. Разве ты не дал разрешение премьер-министру по прозвищу «Домашний слуга»² безжа-

¹ 5 июня 1963 г.

² Асадолла Алям – иранский государственный деятель, премьер-министр Ирана (1962–1964).

лостно разогнать демонстрации? А раз так, то какая разница, где находится твой кабинет – в Мраморном дворце или в Ниаваране? Из-за чего вообще все началось? Из-за того, что ты давным-давно перестал принимать в расчет, какую власть имеет в этой стране шиитский марджа-е таклид¹ и на чем он может настаивать? Ты позабыл, что он вправе требовать от государства уважения к законам ислама? Да, ты не обращал внимания на требования духовенства. Во время земельной реформы ты решил проигнорировать их интересы. И вот дело дошло до того, что упрямый Старик-мулла² кричал с деревянного минбара:

– Я предостерегаю тебя, господин шах... Я хочу, чтобы ты был шахом, а не наемным слугой...

И опять ты не прислушался к его словам, а выслал его из страны. Рассчитывая, что такими мерами засушишь корни недовольства. Но ведь Старик-мулла угадал будущее, а ты думал о настоящем. Ведь он заявлял: «Мои сторонники еще лежат в колыбелях». И этих слов ты тоже не понял; а ведь прислушайся ты тогда к предупреждениям Старика-моллы – может, сейчас не сидел бы на берегу Нила, в свете месяца, и не размышлял бы о дате 15 хордада 1342 года. Судьбоносная дата. Дата взятия власти теми, кого сам ты называл реакционным духовенством. Год, когда впервые показали свою силу религиозные круги, и год, когда у Шахрбану родился внук!

* * *

Ветер, ветер, ветер!.. Его неумолчный визг и завывания. Унылые деревья. Глинобитные стены в дождевых потеках. Улочки, которые, хочешь не хочешь,

¹ Высшее духовное звание шиитских духовных лидеров.

² Имам Хомейни – лидер Исламской революции в 1979 г. в Иране. Высший руководитель Ирана с 1979 по 1989.

приводят прохожего к мечети... И ветер, ветер, ветер... Сгорбленные купола и безмолвные минареты. Холодный зимний день. Помещение для ночных молитв, неправильной формы и жарко натопленное. Поют азан и читают икамат – вступление к намазу. Восьмой день месяца рамазан...

Беременная женщина лишь преклонила колени, как вдруг утробу ее пронзила невыносимая боль и не отпускает. Шахрбану прерывает намаз и кое-как доводит невестку до дома, вводит в большую комнату. Кричит дочери:

– Сакине! Беги за повитухой!

Стоны беременной мечутся по двору, взлетают с солнечного айвана и падают на вымощенный обожженным кирпичом двор, и проникают в крытое водохранилище при доме – обиталище джинов и пери. Те с удивлением выглядывают оттуда и видят толстые ноги запыхавшейся повитухи, которая поднимается на крыльцо и, еще не войдя в дом, кричит:

– Шахрбану-ханум... Ставь воду кипятиться!

Она достает из мешочка цветки тысячелистника и отдает их Шахрбану, наказывая как следует отварить, а потом напускается на дочь Шахрбану, растерянно стоящую здесь же:

– Иди помоги матери... И принеси мне чистой ткани, пеленок!

Сняв чадру, повитуха бросает ее и свой узелок в стенную нишу и садится у постели роженицы, пристально глядит ей в глаза.

– На котором месяце?

– Семь месяцев и одиннадцать дней.

Повитуха так морщится, что ее брови, похожие на толстые скорняжные иглы, сначала подпрыгивают, а потом нацеливаются вниз, на живот роженицы.

– Нет, ты точно ошибаешься. Эти боли не седьмого месяца... Так ли, этак ли, а ты должна тужиться.

Чем сильнее потужишься, тем скорее наступит облегчение!

Открывается комната с пятью окнами, выходящими во двор – за ней мать Шахрбану, голубоглазая, со сморщенными ртом. Следом за ней в дом входят несколько соседок, готовых принять удивительнейшую из тайн мироздания.

Отвар из тысячелистника готов. Повитуха наливает немного в стакан и подносит к губам роженицы.

– Пей, быстрее придут боли, и скорее разрешишься.

– Госпожа повитуха... Наша невестка еще не разговелась!

Повитуха, возмущенно прикладывает стакан отвара ко рту роженицы и заставляет ее нарушить пост.

Доносится звук азана, который поет на крыше Кербелай. Боли пришли, но роды все не наступают. Повитуха многократно надавливает на живот роженицы, словно месит тесто в тазу. Ее стоны взвиваются до небес. Кости таза словно хотят сорваться с места. Все существо женщины сосредоточено на той массе из мяса и хрящей, которую тело ее уже отвергает, но не может вытолкнуть наружу.

– Скорее, принесите кальян... Незажженный и без табаку!

Тело роженицы исходит болью и потом. Повитуха заставляет ее приподняться, и, полулежа изо всех сил дуть в чубук кальяна. От этого усилия боль возрастает, и женщина теряет сознание. Повитуху она возненавидела и в душе прокликает. Она уверена, что срок родов еще не настал. Ведь от той летней ночи сколько прошло? От той встречи сперматозоида и яйцеклетки. Начавшееся деление белковой клетчатки. Внезапные приступы тошноты, рвота на полученную в приданое сатиновую простыню. Неожиданные мечты о маринадах и соленьях в кувшинах из погреба: кувшины с гранатовой пастой, банки сока незрелого винограда с

уксусом. Тошнота от вида червей в семенах гулявника в ткани, привязанной к крану подземного водохранилища. Протест плода при сдавливании, который она как бы слышит из своего чрева. Участвующий пульс и ощущение, что кожа живота – как стекло. Взбрыкивания плода. Ребенок вертится в утробе и переворачивается вверх ножками. Натягивание пуповины и неожиданный прорыв околоплодного пузыря. Контакт плоти с плотью, и боль, боль, боль... Напряжение всего тела – чтобы вытолкнуть эту ставшую лишней мясистую массу.

– Тужься! Сильнее... Сильнее...

Хрящеватая головка новорожденного изменяет форму, а все тельце его уподобляется рыбе. Какое же давление надо выдержать, чтобы выйти наружу!

– Тужься... Тужься...

Женщина тужится из последних сил – и внезапно разродилась. Розово-синяя масса выскальзывает в мир бытия; рождение новой жизни и смерть другой. Кровавые роды!

Сине-багровая масса – это я. Я – этот пухленький младенец, чью пуповину повитуха перерезает тупыми ржавыми ножницами – хруп-хруп, – отделяя меня от тебя. Это ко мне повитуха прикладывает горсть священной земли, чтобы отвратить порчу. Это меня повитуха стучает по спинке, чтобы выскочила жидкость из глотки и чтобы воздух попал в тысячи тысяч легочных капилляров; чтобы кислород потек наружу из моей безгрешной глотки и чтобы я заплакал... заплакал... заплакал... Это первая естественная реакция новорожденного на свирепую атаку света, на оглушающий натиск звука, на притяжение земного шара.

Меня обертывают куском белого сатина и животиком кладут тебе на грудь. Твоя вспухшая – в синих прожилках – грудь, хлюпающая и словно хныча, начинает отдавать густую, серого цвета жидкость; больно и сла-

достно; самое питательное вещество на земле. И все мое существо становится ртом, который вслепую жует твою грудь и пьет из нее. И я с такой жадностью пью молоко, что начинаю икать; и дорогая бабушка Шахрбану гладит меня по спинке, успокаивая. Я громко срыгиваю; первый раз в жизни.

Это я! Лежащий в деревянной люльке, которая спокойно и ритмично покачивается – возле одной из воображаемых земных осей, в уголке Солнечной системы, в затерянной точке Вселенной... Это я, в спокойствии младенческого рая, сосу свой большой палец. Палец, по законам наследственности, постепенно будет увеличиваться – и со временем станет в точности таким, как большие пальцы моего отца, которые, в результате допросов в жандармерии, сначала посинели, потом почернели, а, в конце концов, ссохлись как прогнивший фрукт.

* * *

Ты смотришь на руки твоего мужа и спрашиваешь себя: неужели эти самые руки в тот день водрузили мне на голову корону? Эти теперь такие неуверенные, прячущиеся руки, сплошь исколотые шприцами и иглами капельниц... Сколько же боли перенес этот человек! И так сильно сдал, что никто, увидев его, не поверит: когда-то он был падишахом, правил страной и народом. Что это, – череп всесильного правителя, равного Джамшиду, или забытый у дороги камень? А эти руки? Они больше похожи на отвалившиеся от воспоминаний зеленого дерева мертвые сучья, полные муравьев... Те самые руки, которые в тот вечер, за ужином, были столь обходительны и спокойны!

Вы сидите за ужином, как обычно: шахиня-мать – во главе стола, ты и Его Величество – посередине, остальные – согласно чину и традиции. Ты устала от этих ежедневных и ежевечерних застолий: гости каждый вечер, гости каждый день – официальные и неофициальные, родственники и друзья; бесконечность лиц во дворце королевы-матери: ее высочество Ашраф и ее высочество Шамс, и сводные братья и сестры, и те, которые считаются родовитыми и которым нет числа... Иногда вы едете с визитом к друзьям, или в честь прибытия гостей даете официальные обеды, на которых ты тоже должна присутствовать.

Вы все едите неторопливо, и шахиня-мать, которая сегодня в хорошем настроении, вспоминает прошлое: ссоры со своим покойным мужем и его раздражительность, проявившуюся уже в первую брачную ночь. Говорит она и о снятии хиджабов:

– В тот день, когда Реза-шах вывел меня с женской половины и, сняв хиджаб, посадил с собой в машину, повез в педагогический институт, по дороге приговаривал: «Для меня хуже смерти то, что я жену, простоволосую, везу к чужим людям, но что поделать? Так нужно для страны: иначе нас будут называть отсталыми дикарями».

Эти слова удивляют тебя. А Его Величество смеется и шутовливо замечает:

– Однако, мама, по совести говоря – с такой фигурой и лицом, как у простолюдинов, – действительно было лучше, чтобы вы показывались перед простым народом без чадры. Хотя в те времена вам приходилось носить дамские шляпки, больше похожие на детские горшки.

Все смеются, и каждый добавляет что-то; все больше в таком же шутовском, двусмысленном духе. Как бы изменить тон этих застолий, чтобы говорили здесь о более серьезных вещах? О нужных вещах. Конечно, в

конце изматывающего рабочего дня, полезно пошутить и посмеяться, но не следует сводить все к шутловству. Сколькo можно насмехаться и говорить без толку? Ты устала от всех этих повторяющихся друг за другом застолий. Ты уже обладаешь достаточным авторитетом, чтобы заставить их прислушиваться к тебе. Точно так же, как ты смогла заставить монаршую семью уважать тебя. Теперь ты – могущественная королева, которая по желанию Его Величества и после внесения поправок в Конституцию страны, была выбрана на пост регента или вице-шаха. Чтобы в случае, если с падишахом произойдет несчастный случай, до тех пор, пока официальный наследник престола не достигнет законного возраста для вступления на престол, ты смогла управлять страной с помощью шахского совета. За это время ты смогла расположить к себе свою свекровь, отдав ей свой титул королевы, а сама избрала титул шахбану-шахини, хотя твоей свекрови не нравился последний.

В шахской семье ты утвердилась и тем самым обрела достаточную свободу. Ты им уже родила трижды: одну девочку и двух мальчиков. После каждых родов ты летала в страну мечты, и там пластический хирург-виртуоз подтягивал тебе кожу на животе, так что никаких изменений и последствий видно не было. Кстати, не ты одна так поступала: многие члены шахской семьи также стали поклонниками скальпеля этого пластического хирурга. Этот хирург со временем стал так называемым исправителем всех половых и телесных изъянов шахской семьи.

Французский врач действительно творил чудеса. Именно благодаря его волшебным рукам твое лицо обрело новое выражение. От бывшей круглолицей девушки с выдающимися щечками не осталось и следа. Ты, словно змеиная королева, сбросила кожу, превратившись из земной женщины в сказочную королеву. В изменении твоего образа огромную роль сыграли так-

же смелые дизайнеры-модельеры, косметологи, стилисты и даже кинозвезды. Заметив, что Его Величеству, твоему мужу, нравится красивая актриса, ты мигом летела в страну желаний и оперировала скулы, делая их более выдающимися и выразительными, как у той киноактрисы.

Хотя ты и считаешь себя интеллигентной женщиной, но ты нисколько не огорчаешься всем этим изменениям. Всем своим существом ты веришь в то, что должна следить за собой. Что может быть хуже для шахини, чем прослойка подкожного жира, или складки, портящие формы ее тела? Ты должна быть образцом для подражания всем женщинам страны. Привлекательная королева – символ здоровой и красивой женщины, которая всем своим прекрасным видом делает жизнь еще желаннее. Нет, ты должна быть красивой посланницей Ирана во всех уголках мира; во дворцах и государственных учреждениях, международных центрах и организациях, фестивалях и конгрессах; даже на пляже, в воде, плавая и катаясь на лыжах – всегда и везде. Именно поэтому трижды в день, закрывая глаза, ты выпиваешь чашку яблочного уксуса, чтобы сжечь лишний жир. И именно поэтому ты не забываешь о катании верхом и занятиях плаванием.

Ты бросила себе в тарелку немного капусты и салата-латука и начала есть с изяществом косули. Ты подумала, а не поговорить ли сегодня за ужином о родине венценосного отца. Лучше начать разговор с того, что любят в этой семье, а уж потом повернуть его в интересующую тебя сторону: к темам окружающей среды, исторических памятников и произведений искусства и литературы.

Ты спокойно начинаешь говорить, высказывая свои взгляды по поводу земли предков – тех краев, откуда был родом венценосный отец. Кавказ и территории, близкие к нему, – оттуда ведь происходил и пророк

Заратустра, эти земли считались частью Ирана, и поэтому...

Краем глаза ты наблюдаешь за Его Величеством. Он занят карамельным кремом, однако и тебя внимательно слушает. Тадж ол-Молук опустила голову, а Шамс, как всегда, выглядит безразличной, зато Ашраф смотрит на тебя с насмешливой улыбкой, от которой ее губы кажутся намазанными жиром. Боже, до чего же горда и завистлива эта женщина! Никого в шахской семье нет более дерзкого, амбициозного и грубого на язык, чем она. Пока тебе удавалось не позволить ей ущемить твои права, однако она тебя видеть не может, только и ждет случая, чтобы с тобой посчитаться; и, если бы не честь ее брата, она бы давно это сделала. Нет такого человека, с которым у нее не было бы проблем, особенно это касается красивых женщин; и не случайно, наверное, говорят, что именно из-за нее брат ее расстался и с Фаузией, и с Сорайей.

Видишь, с каким презрением она смотрит на тебя? Одному богу известно, какие муки испытывает она, видя в зеркале собственное лицо. Не раз ты слышала от нее самой, что ей с детства не нравились ее лицо и фигура... Возможно, именно этим своим поведением она пытается восполнить недополученное... Но при всей своей гордости и эгоизме, она поразительно предана брату. Конечно же, уже давно она не получает особого внимания от своего брата-близнеца. Тем не менее, в его груди как будто бьется ее сердце. Брата, который, с самого начала деления яйцеклеток во чреве матери, отнимал часть принадлежащего Ашраф места; который, после рождения, выпивал часть ее молока из материнской груди; которому отец без остатка отдал всю свою любовь. А бедная сестренка с детства чувствовала, что она – лишняя. Эта горькая правда запечатлена даже на фотографиях того времени. Каждый раз рассматривая их детские фотографии, тебе становится жаль ту

лишнюю и вечно путающуюся под ногами девчушку. На коллективных фото все внимание отца обращено на этого худющего мальчишку. Отец не обращает ни малейшего внимания на свою дочь. Но, несмотря на невнимание к ней отца, доходящее до безразличия, она всю жизнь соперничала брату и поддерживала его. Порой она просто до истерики доходила из-за его нерешительности и пассивного поведения с противниками; в этом смысле она весьма гордится своими заслугами и иногда, когда хочет похвалить себя, вспоминает высказывание Сталина, который при встрече с ней якобы изрек: «Если бы у вашего брата было десять таких мужчин, как Вы, он преодолел бы любые трудности».

Но ты не должна пасовать перед этой женщиной. Почему тебя так тревожит ее ухмылка? Научись у нее дерзости и продолжай говорить то, что говоришь!.. Впрочем, нет, не стоит зря тратить слова. Эти речи надо произносить там, где их готовы услышать, а не здесь, за семейным ужином, где царят лицемерие, двуличие и угодничество... Вон, взгляни, – они даже собаку Его Величества не смеют отогнать, опасаясь, что ему это не понравится. Наглый, невоспитанный пес, как всегда, мешает ужинать и чуть ли не в тарелки морду сует, однако все делают вид, будто им нисколько не противно, а напротив их забавляет поведение животного. Но любым забавам есть предел!

А Ашраф все поглядывает на тебя исподлобья. Вроде бы о чем-то говорит с матерью, но ты уверена, что сосредоточена она именно на тебе... А какие складки выросли у нее под подбородком... И все от этой химии, которую она принимает! Посмотри, – лицо ее стало каким-то одутловатым. Может кто-то и не догадывается, но я-то знаю, как она боится старости и климакса. Не случайно, она решила недавно сделать себе инъекцию эстрогена, чтобы вернуть былую молодость. Разве не она совсем недавно с помощью новейшего препарата

отложила наступление климакса? Не она ли в свое второе и третье замужество летала к французскому хирургу, чтобы восстановить девственную плеву?

И ты радуешься тому, что эта особа отступает перед твоей возрастающей властью и все больше времени проводит за рубежом. Госпожа недавно вздумала взять на себя руководство иранской делегацией в ООН. Она так амбициозна, что даже рассуждает вслух, не занять ли ей пост генсека ООН. Услышав такое, Его Величество вышел из себя: «Моя сестра с ума спятила. Молодость уходит, климакс наступил, ее денежные интересы обеспечены, но теперь каждую минуту – новый каприз».

Конечно, запросам госпожи нет предела. А недавно она стала членом комитета по правам человека ООН. Гигантские расходы, связанные с такого рода капризами, должны оплачиваться из государственной казны. Большинство своих средств она хранит за рубежом, а живет и развлекается на деньги государства. Нередко устраивает шумные скандалы, которые, как всегда, становятся темой для обсуждения в иностранной прессе. Какие только слухи не ходят о ней: от интереса к азартным играм, распутности и позорных способов удовлетворения своих потребностей до торговли наркотиками и получения комиссионных при совершении больших сделок.

Только взгляни на нее! Как величаво она восседает в кресле. Всякий, кто увидит ее впервые, скажет, – какая достойная и порядочная женщина; чистая и невинная, благородная, с незапятнанной честью. Но еще не было случая, чтобы по возвращению в страну, она не привозила бы с собой очередной грязный скандал. Бедный брат ее всегда обеспокоен тем, чтобы принцесса опять что-нибудь не натворила. Хуже всего то, что двери ее дворца двадцать четыре часа в сутки открыты всем и каждому: тут и певцы, и актеры, и деятели искусства, и журналисты, и спортсмены, и маклеры,

и контрабандисты и даже недавно появился торговец птицами!

А недавно начальник разведслужбы САВАК сообщил твоему мужу о пареньке по прозвищу Кудрявый Хасан – владельце лавки, торгующей голубями, который приклеил фото ее высочества Ашраф на стекло своего автомобиля и повсюду разносит слухи о том, что является зятем Его Величества. Бедный Его Величество! Заслышав эту новость, он вскочил с места, как подожженная рута, с треском отпрыгивающая от огня. Но что он мог поделаться? Кроме как приказать под любым предлогом арестовать машину Кудрявого. Конечно, если бы на то была воля САВАК, то они сделали бы так, что этот кудрявый парнишка не рад был бы тому, что появился на свет, что уж говорить о том, чтобы влюбиться, да и в кого? В сестру-близняшку шаха! Но госпожа, будучи упрямее и смелее всех этих слов, вздернув голову и взглянув прямо в глаза своего венценосного брата совершенно наглым тоном заявила: «Дорогой братец, честно говоря, я влюблена именно в эти поступки Кудрявого Хасана!» Видишь, как она смотрит на тебя. словно бы и не смотрит, а попивает себе свое вино. Но покрасневшие глаза не спрячешь за бокалом вина. И вот наконец...

– Ее Величество шахиня еще не договорили?

Она так протяжно произнесла слова «Ее Величество», словно прочла все твои мысли. Твой супруг с тревогой смотрит на нее. А Тадж ол-Молук, которая до сих пор, словно старая черепаха, сидела, спрятавшись в свой панцирь, теперь вытянула шею и – уставившись на тебя сквозь огромные очки, которые она носит больше для того, чтобы спрятать катаракту, – проговорила, словно печать поставила на объявлении войны:

– Дорогая моя, Реза и я, мы были как медведь с медведицей: сошлись, и медвежат нарожали, ну и точка на этом... А все твои слова – к чему они?

Все рассмеялись, даже твой муж. И ты рассмеялась, но с горечью: ведь ты почувствовала, что тебя унизили. Они унизили твой статус до уровня животного. Да, Тадж ол-Молук называет себя и свое семейство медведями, но она произнесла эти слова не только поэтому. Она дала тебе понять, что вся твоя ценность и близость к шахской семье основаны только на одном: на рождении сыновей.

Как бы ты ни пыталась, никак не можешь забыть этот упрек. Как будто тарантул свалился с потолка и укусил тебя. Место этого ядовитого укуса не заживет никогда. Сегодня за ужином ты столкнулась с самой удручающей действительностью своей супружеской жизни, – жизни шахини, и пришла к страшному выводу: «В глазах этого семейства я всего лишь корова, родившая на свет нескольких телят. И никто больше!»

До конца ужина ты больше не произнесла ни слова. Уйти – не ушла, это означало бы показать слабость. И позже, в супружеской спальне, ты ни словом не обмолвилась об обиде. Члены этой семьи связаны кровным родством, которое тебе не разорвать. Да и пользы бы тебе от этого не было. А лучше всего установить дистанцию между собой и этими людьми – особенно с Тадж ол-Молук и Ашраф никогда не сближаться. В то же время проявлять к ним сдержанное уважение, что заставит их, в свою очередь, уважать тебя и не вторгаться в твою жизнь. С другой стороны, в рамках исполнительной власти нужно работать так продуктивно, чтобы тебя никто не мог игнорировать. Твой секретариат, «канцелярию шахини», следует расширить и пополнить людьми из молодого поколения, интеллигентными, даже и оппозиционерами: чтобы было, на кого опереться. А этих безмозглых и самодовольных людей – отодвинуть в сторону. Что бы кто ни говорил, но ты – мать наследника престола, наместница шаха, и должна играть более значительную роль в управлении

страной. Иначе эти отсталые люди со средневековым мышлением приведут страну к пропасти, и тебе придется забыть надежду на царствование твоего сына.

Звук размеренного, по-военному ритмичного дыхания Его Величества, вошедшего в спальню, напрочь прогнал твой сон. Очень мягким движением ты поворачиваешься к мужу спиной и вскоре приходишь к мрачному заключению: шахская семья вообще не способна на интеллигентность и нелепо ждать от них, что они изменятся. Основа, корень этой семьи – не человеческий, он как бы растительный: они ведут свое происхождение не от мудрого предка, но от толстого ствола черной шелковицы. От того дерева, которое росло во дворе дома девушки Тадж ол-Молук и на которое однажды влез высокий казак, подчиненный ее отца, чтобы натрясти спелых, сладких ягод, – но тут он увидел девушку и заметил ее... Кстати, если бы этой черной шелковицы у них во дворе не было, что тогда? Разве не изменилась бы история страны и народа?

Может, если бы не росло то дерево в том дворе, супруг твой сейчас не лежал бы на холодной железной кровати в каирской больнице «Возвращение». Может, он был бы юристом в Швейцарии и гулял бы с внуком по берегу Женевского озера, а может, стал бы крупным землевладельцем где-нибудь в Центральной Америке и обозревал бы сейчас пшеничные поля, освещенные заходящим солнцем.

* * *

Какой страшный жар! Словно внутри тебя пылают тысячи костров, которые по традиции зажигают в последнюю среду, в канун Навруза, а после прыгают через них. Слабость ужасная, но принимать пищу ты

не можешь. Волна бреда, мути поднимается от живота вверх и резко падает вниз. Дыхание перехватывает, все тело исходит потом. А что за вонь стоит! Запах гнили, инфекции, и тухлых яиц, из подмышек и из промежности.

Нечистая жидкость собралась у тебя в животе, поднимается к горлу, но ее невозможно срыгнуть, да и через мочу, испражнения она не выходит наружу. Тебя пичкают сильнейшими антибиотиками – всё без толку. Ты щупаешь живот: как больно, и как он распух! Ясно, что там что-то загноилось, воспалилось. Тебе кажется, будто какие-то мелкие твари пережевывают твои кишки.

«Эти идиоты сознательно убивают меня! Нет такой пакости, которую они бы ни сотворили».

Тебя снова переводят в больницу. Не пришлось тебе пожить во дворце и спокойно допить остатки своей жизни. А ведь самое большое желание твое: спокойно умереть во дворце в обычной постели, а не на койке в больнице... Больнице... Нил-река... Цапли окунают голову в воду и делятся секретами с рыбами – бедные рыбы!..

И вот опять этот голубь сел снаружи на окно и воркует, словно хочет тебе что-то сказать. Снова ты здесь. Снова с тобой три сиделки – смуглая, еще одна, с косами, и третья – старая дева. Снова наваливаются воспоминания. Голова без короны, корона без головы... Украшенная алмазами, она досталась тебе в наследство от отца. Вес – два килограмма восемьсот граммов! Усыпанная тремя тысячами тремястами восьмьюдесятью алмазами, пятью изумрудами, двумя синими яхонтами и тремястами восьмьюдесятью круглых жемчужин, расположенных симметрично.

Корона шахини изготовлена известным французским ювелиром: весом в полтора килограмма, в трид-

цать шесть изумрудов, тридцать три яхонта, сто пять жемчужин и тысячу четыреста шестьдесят девять бриллиантов.

На шахине платье белое, простого покроя, расшитое камнями иранским мастером. Поверху надела расшитое манто из зеленого бархата, а красивые девушки и наперсницы, поддерживая ее длинную накидку, следуют за ней.

Маленький наследник, одетый в парадную форму, подходит к трону. Он ведет себя не сколько по-шахски, сколько по-детски, словно собираясь в школу. Военную фуражку, он сунул подмышку словно школьный ранец, и старается ступать ровно, не выступая за пределы обговоренного пути.

Раздается звук труб. Имам читает молитву и протягивает тебе для поцелуя Коран. Внесли одеяния твоего венценосного отца с церемонии коронации. Накидываешь на плечи его мантию, подвязываешь к поясу инкрустированную драгоценностями саблю, и с видом подобающим всемогущему падишаху, вытягиваешься в струнку, чтобы все тебя окинули взглядом, члены монаршего семейства, министры, эмиры, высокопоставленные чины, послы иностранных государств – все, кроме твоей матери, Тадж ол-Молук, которая избегает официальных мероприятий и не принимает участия в церемонии коронации своего сына.

Дворец Гулистан погрузился в судьбоносную тишину. Ты лучше других знаешь, как странно ты выглядишь. Эти обряды кажутся тебе смешными и устаревшими. Следуя всем этим церемониям, ты лишь желаешь продемонстрировать свою власть. В последние несколько дней, репетируя эту церемонию, тебе становилось смешно от своего отражения в зеркале. Тебе кажется, что во всех этих царских одеяниях ты стал похож на тех каджарских шахов-бездельников, кото-

рых твой отец всегда поносил. Но выхода нет. Народ, как говорится, встречает по одежке.

Ты поднимаешь корону с подноса и собственноручно надеваешь ее себе на голову. «Я – представитель иранского народа, водружаю себе на голову корону, это равносильно тому, как если бы сам народ возложил мне ее на голову», – думаешь ты. Но, по правде сказать, среди народа не отыскалось того, кто был бы достоин надеть тебе корону на голову.

Пушки несколько раз кашлянули, и ты торопливо садишься на павлиний трон и начинаешь с выражением зачитывать речь-хутбу:

«Я благодарю Всевышнего, наделившего меня силой и властью, служить своей стране и своему народу в пределах предоставленной мне власти. Прошу Всевышнего дать мне силы продолжить начатое. Единственной целью своей жизни я считаю честь и гордость моего народа и страны. Моей единственной надеждой является лишь независимость, суверенитет Ирана и процветание народа. Для достижения этой цели я готов, если будет нужно, пожертвовать своей жизнью. Да наградит меня Всевышний возможностью построить счастливое государство, с развитым обществом, и передать его будущим поколениям. Да будет сопутствовать успех моему сыну-наследнику в завершении этой тяжелой ноши под покровительством Всевышнего».

А теперь – очередь шахини, удостоится чести быть коронованной. Она величаво ступает к трону. Склоняет колени пред тобой, а ты надеваешь ей на голову алмазную корону. Она – первая и последняя королева, коронованная в истории этой земли.

По старой традиции одновременно с полуденным азаном вы должны сесть в экипаж, запряженный восемью лошадьми, и поехать к крепости Каджаров. Толпы людей стоят вдоль улицы и ликуют:

«Да будет вечным шах... Да здравствует шахиня!»

Ты так счастлив, что чувствуешь, будто королевская коляска парит в облаках.

Фотографии с церемонии коронации мгновенно разлетаются по всему свету, и ты предстаешь перед людьми в новом образе. Теперь ты – падишах из двадцатого века, который хочет построить новую развитую страну, но ведет себя как правители в древние времена. Это, наверное, самое большое противоречие в твоей личности, которое сильно бросается в глаза.

Ты опять превратился в кусок жертвенного мяса, и американцы, египтяне, французы – все тянут тебя в свою сторону, высказывая каждый свое мнение.

«Я считаю, что проблема Его Величества в раке, а не последствиях операции».

«Мы полагаем, что эта болезнь дала новую побочную реакцию, и пройдя курс медикаментозного лечения, Его Величество поправится».

Твоя сестра-близнец привезла из Америки врача, чтобы взять под контроль процесс твоего лечения. Однако шахиня не доверяет никому, кроме французов. В такой ситуации недалек тот день, когда сам ангел смерти Азраил и Накир и Мункир, допрашивающие умершего в первый день смерти, будут спорить и торговаться!

Время летит, а ты все в неведении. И теперь только твоя неизлечимая болезнь мастерски продолжает выполнять свою работу, ни на минуту не оставляя тебя. Ты так похудел и ослаб, что теперь уже не умищаешься даже в мыслях. И днем, и ночью сгораешь от жара. Тело твое так ослабло, что даже то малое количество белых телец, оставшееся при тебе, не может уже бороться с инфекцией и болезнетворными факторами. Прямо как ты, ведь ты тоже никогда не вступал в борьбу, не оказывал сопротивления, никогда не верил в самую сущность болезни. Ты проживал жизнь, закрывая глаза и утаивая многие вещи, и ду-

мал, если игнорировать боль, она больше не появится. Словно заключенные, которых не видно в темноте камеры. Или жители окрестностей столицы, которые спят в хибарах, построенных из жестяных банок изпод растительного масла, и видят сны о выигрышах в лотерею. Или сельские жители, страдающие от различных болезней и бед. Даже вблизи Персеполиса, – там, где ты устроил праздник по случаю две тысячи пятисотлетия шахского правления.

Ты последний раз взглянул на себя в зеркало и вышел из шахского шатра. Гости ждут тебя в большом шатре, где все готово к проведению самого великолепного праздника во всей истории страны. Ты пожелал сделать так, чтобы в Персеполисе вновь повторилась вся история Ирана. И тебе невдомек, что если в первый раз история обернулась трагедией, то теперь, возможно, ее повторение обернется трагикомедией.

Ты стоишь у входа в шатер и, глядя в чистое, безоблачное небо, загадываешь желание, чтобы все прошло хорошо, гладко и достойно. Ведь речь идет о репутации шахской власти в Иране, история которой насчитывает несколько тысячелетий. Это не обычная церемония; это сказочный прием, который должен состояться осенним вечером, рядом с развалинами древней столицы цивилизации Ахеменидов.

И вот ты вместе с шахинейходишь в главный шатер, и все встают в вашу честь. Улыбаясь, вы здороваетесь с гостями и усаживаетесь на свои места. Красивые французские официантки в нарядах, украшенных изображениями корон, изящно ступая, обслуживают гостей. Арабские шейхи, словно вылезшие из кладовых истории, сели по соседству с королями, президентами и премьер-министрами разных стран. Каждый из монархов добавляет порядковый номер позади своего имени. И только у тебя нет такового.

Король Эфиопии сидит на противоположной стороне от тебя. Кивнув ему, ты рассматриваешь его наряд. Все награды и регалии, какие есть, он нацепил на себя. А сам вовсе не похож на диктатора. Маленького роста и с большой головой, увешанный всеми этими побрякушками, он похож скорее на умершего воина. Черт бы побрал всех этих западных журналюг, которые раздувают из мухи слона! Вон король Греции, недавно свергнутый своими же полковниками, сиротливо ходит среди гостей... Каких только кличек не получил этот бедняга: диктатор, тиран, эгоист, бабник и куча других прозвищ. Только богу известно, какие ярлыки навесят на тебя после этого торжественного праздника! Ведь слепцам не узнать, что это – самое грандиозное собрание глав государств и влиятельных людей мира из всех, какие до сих пор проводились в Иране. Сюда приехали шестьдесят два президента и другие высокопоставленные лица иностранных государств.

Ты пробегаешь глазами по лицам гостей и, погружаясь в гордую грусть, с присущей тебе выдержкой и вежливостью, благодаришь лакея со снежно-белой сединой, который наливает тебе шампанского. И, не смочив еще губы, ты вспоминаешь о каком-то банальном вопросе, и сердце твое снова сжимается – так же, как мяли, выбрасывая, твои приглашительные послания. «Если бы эти мерзавцы не отвергли наше приглашение, все выглядело бы иначе!»

Вы идете вдоль стола вместе с шахиней, и с каждым из гостей ты обмениваешься личным приветствием. В этом шахском шатре только не хватает глав самых могущественных мировых держав. Как бы ты не старался, едва ли можешь проглотить обиду от их отказа. Каждый из этих идиотов нашел причину, чтобы отказаться от участия в этом празднике; даже президент страны мечты. Но почему? «Потому что господин пожелал сидеть выше всех, за столом глав государств-французских колоний. Разве можно найти оправдание смешнее?!

Ты возвращаешься к своему месту и, чтобы унять досаду, выпиваешь глоток шампанского. А чтобы забыть об обиде говоришь себе: «Глаза б мои не видели вас на моей земле еще сотни лет... Я знаю теперь, что сделаю с вами. Недалек тот день, когда вы выстроитесь в очередь на прием ко мне, и тогда я буду презирать и гнушаться вас, как собак... Я отчетливо вижу тот день, когда вы будете лизать мой зад... Хвастуны беспечные!»

Мелодии зазвучавшей иранской музыки и танцев отвлекли тебя. Всякий раз тебя охватывает грусть и тоска от такой музыки. Но сейчас ты чувствуешь, что традиционные мелодии не так грустны. Как бы то ни было, от этой музыки тебе полегчало, и усталость, накопленная за последние годы, ушла.

Не счесть усилий, приложенных на подготовку этого двух-с-половиной-тысячелетнего праздника, не счесть расходов, которые были потрачены зря! Твои грузовые военные самолеты задолго до торжества начали доставлять в Иран все необходимое для праздника из разных стран. Посол шахиншахской державы во Франции стал главным преобразователем твоих королевских мечтаний в реальность. Он больше всех потрудился ради этого грандиозного праздника.

Шестьдесят два шатра, громадных и роскошных, были изготовлены конструктором и портным из страны грез. На развалинах Персеполиса выросла бархатная деревня из несгораемых шатров, готовых выстоять перед самыми грозными порывами ветра, скоростью до ста километров в час и оснащенных системой вентиляции. Это – огромные шатры со стенами из красного бархата, с золотыми люстрами, с мраморными столешницами тонкой обработки и эксклюзивным декором. Это – гостиница и современные рабочие апартаменты с мебелью, покрытой листовым золотом. Спальни с шелковыми потолками, с обоями, с облицовкой ванн розового цвета.

За много месяцев до праздника офицеры службы безопасности, благодаря новейшим средствам, взяли весь район под охрану. Специалисты из страны мечты построили здесь широкие взлетно-посадочные полосы для самых больших самолетов. Газелей и других диких животных из района изгнали, а жители окрестных деревень, увидев все эти самолеты, вертолеты и разную технику, шарахались от них и впадали в панику. Пастухам и баранам вообще было запрещено перемещаться по тропам района. Одна тысяча семьсот двадцать четыре высоких и видных солдата были размещены в специальном гарнизоне. Они должны были выступить на торжественном параде в роли древних персидских воинов. Им было приказано отрастить длинные волосы и бороды, чтобы предстать в облике солдат Древнего Ирана. Впрочем, и из-за рубежа дополнительно было закуплено множество париков и накладных бород.

Было выловлено несколько газелей из шахских охотничьих угодий, чтобы в лучших традициях старины прописать на их коже чернилами список блюд, подаваемых на шахском приеме. Приглашительные послания также были очень тонкой, почти ручной работы, и могли бы вполне стать украшением какой-нибудь коллекции. Это, возможно, был единственный отечественный предмет, использованный на празднике. Кроме прочего, в стране мечты был изготовлен специальный крем для лица под названием «Фарах», чтобы впредь иранские и иностранные женщины, совершая утренний туалет, пользовались им, вспоминая шахино, и словно бы видели ее лицо в отражении зеркала.

Праздничные полотенца, постельные принадлежности и скатерти были закуплены в стране мечты. А мастерицы портняжного ремесла сшили придворным служащим специальную одежду – курточки, полукафтаны, на которые было израсходовано более полутора

километра золоченной нити. На шитье каждой курточ-ки было потрачено более пятисот часов!

Кушанья для шахского приема готовили и подавали более двухсот опытных французских шеф-поваров, поваров и официантов. Они долго отработывали детали обслуживания гостей, чтобы не посрамиться в этой пустыне, где нет ни воды, ни травы. Единственное иранское блюдо на этом пиршестве – это икра, которую иностранцы любят больше, чем сами иранцы.

Шахиня наклоняется к тебе и тихо просит тебя уделить больше внимания гостям. Она права. Ты слишком ушел в себя. Тонкость и наблюдательность шахини тебе нравятся. А если бы эта женщина оставила детские игры, которыми порой увлекается, цены бы ей не было. Жаль, что на нее слишком влияет окружение. Именно ее ревность и неуместное вмешательство испортили ваши отношения в последнее время. Вот если бы она всегда держалась с таким же достоинством, как сегодня... А как красиво одета! Она затмила всех остальных приглашенных женщин. Это платье из атласа с голубой вышивкой – ей очень к лицу! А эта вышивка в традиционном стиле по кромке платья, с перевязью через плечо! Она поистине достойна быть королевой. Словно была рождена, чтобы стать ей. Но увы, ...

Вдруг ты замечаешь нескольких друзей и близких шахини, и тебе становится не по себе. «Зачем она пригласила сюда этих бесстыдников?»

Бывший король Греции увлечен беседой с шахиней. Этот свергнутый правитель, будто сейчас пущенный по миру, совсем тебе не нравится. Это шахиня настояла на его приглашении. Ему больше нечем заняться – он все вьется вокруг нее, пытаясь дотронуться. Будто бы и забыл вовсе, в каком состоянии пребывал, когда его вышвырнули из страны. Опять-таки по просьбе шахини, ты устроил так, чтобы этот тип мог иметь доход, получая прибыль с некоторых международных сделок.

Но не раз он проявлял себя не в лучшем свете, как и сегодня не соблюдая приличий.

Ты рассержен и отворачиваешься. Тебе противны не только этот проходимец-грек, но и все эти бесстыжие педерасты, которые крутятся вокруг шахини.

«Все эти недотроги, маменькины сыночки, с этими своими пижонскими манерами позорят нашу власть... Когда вернемся в Тегеран, нужно сделать замечание шахине, как можно скорее отдалить от себя весь этот сброд... Все они из одного теста. Вот якобы стали учеными, и теперь такие претензии выказывают, что хоть рви зад ослу. Но сами-то они пшик, пустышки. Только и знают, что высказывать несогласие и придирааться. Ведь им нельзя дать в руки даже кувшин для омовений из туалета шахской мечети. Они ведь осрамятся. А все чем-то не довольны...»

Шахиня отошла распорядиться насчет ужина, а ты вновь смачиваешь губы шампанским и перекидываешься словом с некоторыми из гостей. Это пустые избитые разговоры. Не особенно хорошо у тебя это получается – таков уж твой мерзкий характер: ни с кем ты не сходишься и не дружишь, не можешь ни пошутить, ни посмеяться. Даже в гостях с самым близким окружением ты всегда сохраняешь серьезность. Только и знаешь выставлять себя напоказ. Не даешь другим расслабиться в твоём присутствии; отступить от рамок хорошего и плохого, должного и запрещенного. Ты и не можешь, и не хочешь выходить из своего шахского образа. Как черепаха, покинув свой панцирь, ты чувствуешь себя небезопасно. Только взгляни! Все кругом болтают и смеются, а ты, как зачумленный, сидишь на одном месте и всматриваешься куда-то – в никуда. Конечно, нет рядом с тобой хорошего собеседника. Проще всего ты чувствуешь себя с тем, кого прозвал, Домашним слугой, да и он тоже...

«Кстати, а где он? Наверняка все хлопочет...»

Ты оглядываешься и не очень далеко от себя замечаешь его, Домашнего слугу, сильно увлекшегося болтовней с женой одного из гостей.

«Интересно, неужели никого другого не нашел для разговора, чтобы тратить попусту свое время?»

Ты знаешь, что Домашний слуга зря ничего не делает. И вкус у него отменный, и на язык он так остер, что куда там змее с ее жалом. Все, что ты ему поручаешь, выполняет идеально, и для подготовки этого праздника тоже постарался, пожалуй, больше, чем кто-либо еще. Нужно будет объявить ему монаршую благодарность. С любой точки зрения, он – выдающийся министр твоего двора, а вдобавок ко всему еще умеет рассмешить тебя до слез. И прозвище Домашний слуга не ты ему дал, а он сам такое для себя выбрал. Этим именем он и письма подписывает – возможно, просто решил опередить события. Ведь вообще-то у тебя есть привычка давать людям смешные и странные прозвища. Словно официальное имя человека для тебя не имеет смысла, а вот такое – настоящее, хотя в лицо ты этими прозвищами людей не называешь, только за глаза. Примеры таких насмешливых прозвищ: «Тише воды – ниже травы», Дохлый мышонок, Обугленный, Страшилище, «Хан-победитель», Сукин сын и даже Говно... А прозвище, которое чаще других соскальзывает с твоего языка, – это Простофиля.

Наступает время ужина. Столы накрыты шахскими, сказочными скатертями, которые сами по себе являются произведениями искусства. На них разновидности яств: тут и баранина, и телятина, и птица; жареные гуси, утки, серые куропатки, перепела, павлины; рыба и икра, крабы и креветки. Мясо фаршированное, томленное, бифштекс, обжаренное в сухарях. Напитки газированные и с градусами: пиво, вино, шампанское, коньяк, виски. Многолетней выдержки, благородное и

дорогое. Всевозможные десерты, салаты, фрукты – от тропических до северных, – и соусы, и приправы...

Среди людей, набросившихся на стол с яствами, ты замечаешь короля одной из азиатских стран. Тот словно неприкаемый ходит среди гостей, а официанты, как летающие ангелы, с освежителем воздуха в руках ходят за ним по пятам и при каждом удобном случае слегка опрыскивают его ароматом, чтобы избавить гостей от неприятного запаха, исходящего от него. Если бы вы знали, что он является последователем одной буддийской школы, члены которой не моются ни разу в жизни, чтобы не загрязнять воды, вы бы ни за что не решились пригласить его на такой великолепный праздник.

Гости усаживаются за столом. На столе нет ни одного прибора, который не был бы специально изготовлен для этого приема. Золоченные тарелки, золотые ложки, вилки и ножи, изящные кувшины, стаканы и бокалы придали торжественность столу. Они блестят в свете люстр, как и сами гости.

Гости сидят на местах. Сверху тебе все видно. От того, что главы шестидесяти двух государств мира сидят за твоим столом, ты вне себя от радости. Все едят угощенье из тарелок, на которых изображена корона Пехлеви. А есть из этих витиеватых столовых приборов – ложек, вилок и ножей – чувство просто непередаваемое. Твои гости едят сегодня блюда, которые не ели в жизни; спят в роскошных шатрах, которые им и не снились.

Блюда подают по порядку: яйца куропаток с икрой, рыба в кляре под особым соусом, жареный ягненок под водку, павлин, фаршированная фуа гра в форме павлиньего хвоста, фруктовый салат с инжиром и ежевикой, мороженое, шампанское и т.д.

Неторопливо прожевывая кусочек павлиньего мяса, ты осторожно наблюдаешь за гостями, и готов сгореть от стыда. Некоторые гости ведут себя действительно непристойно. Они не едят, а жрут!словно фарширо-

ванные барашки на столе, безмозглые, только и умеют набивать брюхо. Посмотри, как они жадно набросились на икру, сложенную горкой! Им непременно хочется попробовать каждое новое блюдо, подаваемое на стол. Как будто хотят задушить себя. Ты отчетливо слышишь отрывку нескольких гостей.

В шатер вносят тридцати трёхкилограммовый торт; в честь тридцатитрехлетнего дня рождения шахини, и все аплодируют. Но вдруг верхний ярус торта оседает, и рушится как сладкая мечта. Французский кондитер вот-вот разрыдается. Но как бы то ни было, торт разрезают, и гости начинают жадно есть его. Тебя мутит от этой картины. Смотришь на Домашнего слугу, и на твоём лице появляется горькая улыбка. Поведение этих идиотов – сущий срам! Кровь закипает в тебе – противно от всей этой прожорливости. Из-за чего такая жадность? Из-за порции еды. Но сколько еды может вместить в себя человеческий желудок? Да не желудок вовсе, – бездонная бочка. Ничего подобного тебе не приходилось видеть раньше. Откуда знать? Быть может, эти чокнутые специально ведут себя так, чтобы превратить праздник в бардак. Они так объелись, что готовы взорваться от жадности.

«Ах, мой венценосный отец! На следующий день после приема выяснилось, что несколько золотых ложек и вилок мистическим образом исчезло. Невероятно, но факт. На кадрах секретной съёмки, которая велась во время банкета, мы видели, как наши величавые гости прячут золотые ложки и вилки в карманы и сумки. Впрочем, самые вежливые позже попросили разрешения взять себе на память по золотому столовому прибору. Подобных вещей я в жизни не видел, и мне было стыдно за тех, кто так себя вел!»

Секретная съёмка показывает тебе бельгийского короля с королевой, которые, с прилипшими к губам

икринками, трутся друг о друга в точности как форель на нересте. Вообще служба САВАК, благодаря секретной съемке, получила настоящий киношедевр! После того, как ты увидел эти кадры, сразу решил наградить саваковцев. Разумеется, ты знал, что установлены скрытые камеры, но и предположить не мог, что за кулисами такого пышного праздника окажется столько жалкого и смешного. На одной из пленок запечатлен арабский шейх за занятием поистине мучительным: безуспешной попыткой победить хронический запор. Эфиопский король постоянно меняет брюки. Супруг же британской королевы только и занят, что охотой за женщинами.

Официальный ужин подошел к концу, и гости развалились на диванах. Но позору нет конца. Правитель одной открытой недавно африканской страны, имя и регалии которого длиннее его ожерелья из слоновой кости, в традиционной одежде своего племени, сел в кресло и приковал к себе взгляды гостей. Одет этот африканец не во что иное, как в шкуру леопарда. И быть может, когда-то она хорошо скрывала тело своего хозяина, но сейчас отдельные части уважаемого короля были оголены, и все его мужские прелести были на виду. Какой стыд!

Ты занимаешь себя беседой с гостями. Настолько растерян, что уже не помнишь о речи, с которой ты выступил за ужином. Хуже всего поступил глупый официант, поднесший блюдо с рыбой прямо к твоему носу – ты едва сдержался от приступа тошноты. «Что? Не нашлось ни одного человека из твоего окружения, кто бы объяснил этим иностранным официантам, что у меня аллергия на рыбу?!»

После ужина вы идете к историческим развалинам Персеполиса, где сейчас начнется пиротехническое шоу: игра света и музыки. Горы и пустыня погрузились в царственное безмолвие. Атмосфера этого места

удивительно соответствует духу Персеполиса, словно эти горы – раскинутые в пустыне шатры ахеменидских царей. И твой шахский шатер возвышается в центре других шатров, словно воздвигнутых для представителей покоренных наций.

Внезапно десятки прожекторов обрушивают свет на развалины, и каменные ахеменидские изображения оживают. Дарий Ахеменид восседает на величавом троне, с цветком лотоса в руках. Воины «гвардии бессмертных», вооруженные копьями и мечами, застыли перед тобой в почтительном карауле. Представители завоеванных народов поднимаются по ступеням вверх, понося падишаху свои дары. Падишах половины этого обитаемого мира с таинственной улыбкой на устах все также достойно восседает на своем троне. Ты слышишь голос: «Поистине, в чем тайна этого божественного спокойствия?»

Тебе нечего ответить.

– Почему среди всех этих каменных изваяний нет изображения женщины? – спрашивает глава советского государства, а ты находишь остроумный ответ:

– Тогда мы бы не создали подобную цивилизацию!

Он смеется, а шахиня поддерживает его дипломатичной улыбкой. Вдруг небо озаряется разноцветным фейерверком. Переполненный радостью, восторгом, с бледным лицом, озаренным лунным светом, словно незаконченное каменное изваяние, ты стоишь и смотришь на небо. И вот все оно принадлежит тебе: звезды, которые мерцают только для тебя, луна, которая каждую ночь берет на себя труд светить лишь ради тебя ...

Фейерверк заканчивается, и гости направляются к собственным шатрам – испытывая к тебе зависть белую или черную, нахваливая тебя или считая дураком. Шатер с изображением шахской короны распахивается для вас с шахиней. Ты надеешься, что в этом величественном сооружении ночь, свободная от обид и злобы,

станет незабываемым воспоминанием. Ведь как знать? Может, столь грандиозное событие в Иране никогда больше не повторится, ни для одного из падишахов.

Но шахиня невесела. Ты не понимаешь почему? Насколько ты можешь судить, сам ты ни одной ошибки этим вечером не совершил. Может, она огорчена обрушившимся тортом? Вообще она с самого начала была против подобного праздника. Она говорила: «Раз мы ждали этого два с чем-то тысячелетия, то могли бы отпраздновать его по-ирански, с народом».

Ты с ней не согласился и принял решение, во что бы то ни стало провести праздник, и без участия народа. Очень торжественно, пышно и весьма затратно, чтобы показать всему миру, какую славную цивилизацию создала шахская власть в Иране.

Празднование двух-с-половиной-тысячелетнего юбилея прошло не только в Ширазе, но и по всему Ирану. К этой значимой дате были завершены большие проекты: открыты две с половиной тысячи школ, проведено электричество в селах, заасфальтированы дороги, построен стадион-«стотысячник», а в Тегеране – площадь, и на ней зрелищное сооружение под названием «Шахйад» – «Память о шахах». Широкомасштабные проекты, с громкой рекламой и колоссальными затратами.

«Хоть бы шахиня попридержала сегодня свой язык, и дала бы навсегда запечатлеть воспоминание о ночи в пышном шатре».

Все вы сидите на специально оборудованных местах; от лучей еще жаркого октябрьского солнца вас защищает великолепный навес. И вдруг перед вашими глазами повторяется история.

В пустыне раздаются звуки военной музыки, и воины разных эпох, конные и пешие, шагая в строгом порядке, появляются в коридоре времен и проходят мимо вас. Тут и мидяне, и персы в багровых и небесно-голубых одеяниях, с кудрявыми длинными борода-

ми; парфяне с кручеными косами, в округлых шлемах; Сасаниды, с величественными коронами; Сефевиды, в красных одеяниях и с остроконечными бородами; и Каджары, с закрученными вверх усами... Щиты и копья, треугольные знамена и мечи, изящные сабли, шашки; воины бессмертной армии Ахеменидов, и отважные парфяне, всадники Сасанидов. Тут и оркестр со старинными инструментами; деревянные крепости, тараны; и военные гребные корабли; передвижные троны, и колесницы, и всадники на быстроходных верблюдах; и легкие пушки на верблюдах, с их пушкарями, и пушки тяжелые; и военные моряки Персидского залива и Каспия, и английские танки «Чифтен», и американские самолеты Ф-5; и женщины, которые недавно поступили на службу в вооруженные силы шахиншахской державы.

И наблюдая за всем этим могуществом и величием – ты, шахиншах Мохаммед Реза Пехлеви Арьямехр («Солнце ариев»), стоишь рядом с шахиней, исполненный гордости и достоинства и замечаешь вдруг, как король Эфиопии весь увешанный орденами и медалями, наблюдая за парадом, обмочился, прямо как малолетний мальчишка-ссыкун. Его мочевой пузырь не выдержал напряжения, и он обгадил смотровую площадку. Какой стыд!

«Ах мой венценосный отец! В тот день я загадал желание – никогда в жизни не опуститься до такого состояния, когда я буду не в силах управлять своим мочевым пузырем... Ты видишь, какую злую шутку уготовила мне судьба? Сейчас я дошел до того, что теперь мой мочевой пузырь в руках какой-то медсестры!»

Ты возлагаешь огромный венок из цветов к могиле Кира Великого, и в честь этого знаменательного исторического момента раздается сто один пушечный

залп. Горделиво с высоко поднятой головой ты стоишь у гробницы Кира, как издалека появляется всадник из армии Ахеменидов. Он спешился, преклонил пред тобой колени и протянул тебе свиток из пергамента. Персеполис погрузился в божественную тишину.

Ты разворачиваешь сверток, а там – твоя речь, обращение к основателю династии Ахеменидов. Громко и мелодично зачитываешь:

«Кир, великий шах, шах всех шахов, шах Ахеменидов и шах Ирана! Я, шахиншах Ирана, и народ мой приветствуем тебя! Кир, мы собрались у твоей вечной гробницы, чтобы сказать: «Спи спокойно, ведь мы не дремлем, и никогда не сомкнем глаз для защиты твоего славного наследия...»

Неожиданно откуда-то издалека налетел ураган, взвился, подняв в воздухе пыль, и так же быстро исчез. Словно это был дух ахеменидского падишаха, уставший от тревог и бессонницы, который сквозь тысячелетия услышал твой крик; ответил тебе положительно и вновь погрузился в вечный сон. Никогда прежде ты не испытывал подобного чувства гордости и величия. Да ты и сам начинаешь верить в то, что являешься неизбежным и естественным продолжателем шахской династии иранской земли. А этот радостный праздник со всеми его затратами впредь будет служить доказательством истинности и законности твоей исторической роли, и никто не посмеет опровергнуть его.

Чтобы и все гости навсегда сохранили воспоминание об этом счастливом и благословенном торжестве, ты приготовил для каждого из них драгоценный подарок: памятную шкатулку с алмазами и бриллиантами; золотой поднос, украшенный портретами трех людей – тебя, шахини и наследника; золотые швейцарские часы, усыпанные алмазами; копия золотого кубка, найденного в Сузах и датированного вторым тысячелетием до н.э. Подарки, которые должны покори́ть глаза и

сердца приглашенных.

Ты вручал эти подарки гостям и в тот же миг представители побежденных народов, отраженные на древних камнях, вручают Дарию Ахемениду самые ценные свои и дорогие дары. И каждый их подарок прекраснее другого. Вот эламиты дарят львицу и двух львят... Видишь, как львята отворачиваются и с тревогой глядят на мать?.. Вот индийцы принесли золотой песок; армяне дарят коней и прекрасные кувшины; ионийцы – золотые браслеты с фигурками косуль; египтяне... Ах, Египет! Земля боли, беспомощности и нищеты... Кто бы мог подумать тогда, две с половиной тысячи лет назад, что последний падишах Ирана, на берегу реки Нил...

(Прежде, чем покинуть Персеполис, ты приказал солдатам немедленно сбрить свои длинные бороды. Тебе ужасно не нравились бородатые люди! Возможно, из-за военного воспитания, ты терпеть не мог обросшие головы и длинные бороды. И в этом вопросе ни для кого не делал исключений, даже для родного брата.

Однажды, проводя смотр одного из гарнизонов, ты заметил своего брата сильно обросшего. Обращаясь к Домашнему слуге, ты сказал: «Пусть кто-нибудь скажет этому господину подстричься!» Но брат твой и ухом не повел и ответил: «Если с моей подстрижкой, положение армии улучшится, я обязательно сделаю это».

Наглость его тебя сильно зацепила, но ты не подал виду. За ужином следующего дня вновь увидев его обросшего, ты окатил его таким матом, что тот готов был провалиться сквозь землю, сгорая от стыда перед своей супругой и знакомыми.

«Раз этот господин ставит наши слова ниже своего мужского достоинства, чего можно ожидать от других?»

Прежде не случалось такого, чтобы он так сильно сердился на кого-либо. Человек с такой выдержкой, скромный, осыпает его такими неллицеприятными ру-

гательствами! И все из-за этой странной чувствительности, которую он проявлял к волосам и отросшей щетине. К тому же прошли те времена стеснения и наивности, и теперь ты уже не прежний шах. Ты стал другим после празднования двух-с-половиной-тысячелетнего торжества. Те празднества стали для тебя знаковыми и предвещали наступление новой эры. С началом арабо-израильского конфликта и ростом цен на нефть ты ступил в новую эпоху. Теперь в собственной стране тебе стало тесно, и ты хотел сыграть по-крупному, на Ближнем Востоке или даже во всем мире... Прощайте беззаботные дни былого простака! Прощай скромный, стеснительный падишах!

Что за жизнь?! Не жизнь, а посмешище! Те, кто проигнорировал твои красивые сделанные вручную приглашительные послания и не согласился ступить ногой в Иран, теперь кусали локти, не зная, как попасть к тебе на прием. А, впрочем, какое теперь это имеет значение – участвовали они или нет в празднествах? Какой еще немислимой красоты венки из цветов они надели бы на твою шею, которого ты не видывал ранее?)

«Ах, мой венценосный отец! Именно эти подлецы свергли меня с престола, и именно из-за них я лежу сейчас на больничной койке».

Разве кто-то из тех высоких гостей до сих пор справился о твоём здоровье? Вся эта роскошь, расточительность, подарки с царского плеча... Все превратилось в тоску и грусть, которые до скончания веков будут грузом лежать на твоих плечах. Все, что ты когда-либо имел, пошло по ветру. Лишь швейцарские алмазные часы все еще работают, ни на секунду не отставая от официального времени. Твои золотые столовые приборы никогда не будут уничтожены, а, быть может, кто-то все еще пользуется ими. Золотые под-

носы, украшенные изображениями трех персон: тебя, шахини и наследника престола теперь считаются антиквариатом, а с твоей смертью вырастут в цене. Но ты не проживешь даже столько, сколько живут воробьи из дворца Ниаваран. В чем, в сущности, твоя вина? Да ни в чем! Ты не ведал о том малом времени, которое оставалось. Проведя празднование двух-с-половиной-тысячелетнего мероприятия хотел показать миру, что история шахского правления в Иране насчитывает тридцать тысяч месяцев! Откуда тебе было знать, что шахский календарь Ирана вскоре перелистает свою последнюю страницу?

* * *

Ты смотришь на свои швейцарские часы, а затем опять, через стекла темных очков, – в глаза Страшилищу. Он вконец растерялся. Вот уже час сидит перед тобой, и сотню раз повторяет одно и то же – как всегда, оправдывается, лжет... Пусть радуется. Он думает, что обманывает тебя и оказывает на тебя давление. Однако это и есть твой хитрый прием, что ты позволяешь людям так думать о тебе. Ты привык водить людей за нос. Ты никогда никому не открываешь всего и зачастую притворяешься менее осведомленным, чем есть на самом деле. Пусть думают, что обманули тебя, – как думает сейчас это Страшилище.

– Уважаемый начальник САВАК, что все-таки нужно этим студентам?

– Ваше Величество! Они только и могут, что ныть, критиковать или игнорировать стремительный прогресс страны, который имеет место благодаря гениальному руководству Вашего Величества. Если бы университетское начальство не давало им воли, дело бы не зашло так далеко. Так нянчатся с этой молодежью, что

та теперь уже не берет ничего в расчет. Разве что силой, ведь у них все мысли только о разрушении.

– Значит, порезанные сиденья автобусов, свинченные краны в туалетах Центрального стадиона – это их рук дело?

– Вашему Величеству известно: главная отличительная черта этих молодчиков – дух разрушения, или, как выражаются ученые люди, антисоциальные настроения.

Ты сдерживаешься, чтобы не рассмеяться. Каких напыщенных слов набрался; наверняка от тех арестованных студентов. А так это Страшилище за всю жизнь и одной книги не прочло. Вряд ли он даже листал книжку о правилах дорожного движения. Водительские права, тем не менее, ему выдали.

– Мне кажется, что в последнее время в обществе растут религиозные настроения – это так?

Словно двоечник, Страшилище поднимает выпученные глаза к потолку, потом сгибает свою толстую шею. Ответы он, вообще-то, дает четкие, но это вовсе не его словечки. Он прямо-таки копирует своего заместителя, который в отличие от него человек действительно знающий.

– Ваше Величество осведомлены о том, что в последнее время многие личности из оппозиционных кругов стали более религиозными, читают намаз. Однако их программа действий – все тот же коммунистический бред. Если бы они просто читали намаз как нормальные люди, никому бы и дела до них не было. Но они ведут себя так, что мы вынуждены их арестовывать. Ведь, по правде говоря, им и заняться-то нечем; они получают студенческую стипендию и тут же принимают печатать и раздавать листовки, в которых нет ни одного правдивого слова. Как будто все листовки написаны одним и тем же сумасшедшим, а все остальные этот бред размножают, прямо, как в школе дают

списать сочинение. А написанные ими брошюры? Одни напыщенные словечки, такого никто не читает. А если кто и прочтет, все равно не поймет, чего они хотят?

Ты смотришь на него: его зрачки бегают, словно двое заключенных в камерах глазниц. Все время одно и то же. Если его не прервать, он будет говорить бесконечно, утомительно повторяясь. Какая жалость, что ты в нем нуждаешься – как в пугале над гумном. Не будь его, кое-кто в службе безопасности сразу же много о себе возомнит, тогда опасности не миновать. Хотя нашлись бы люди на порядок сообразительнее, разумнее, чем этот простофиля...

Этому ослу все надо растолковывать – точно ученику начальной школы.

– Мы не для того строим университеты, чтобы воспитывать новых бунтарей. А на деле змею пригрели на груди. Студенты должны учиться, чтобы потом служить своей стране. Строить дороги, запускать заводы и фабрики, думать о новых изобретениях, открытиях. Короче, строить страну своими руками, а не рушить. Количество бунтарей среди студентов растет день ото дня. Ко мне приходят сообщения о том, что для них уже не хватает камер, – это правда?

– Не извольте беспокоиться, Ваше Величество. Большинство задержанных мы отпускаем после короткой взбучки. Служба безопасности страны настолько сильна, что не видит нужды в повальных арестах: любой бунт пресекается в зародыше. Все находится под наблюдением, и о любом опасении в любой точке страны сразу сообщают в центр. Думаю, что за последние несколько месяцев в ходе обнаружения и задержания групп бунтарей, службы безопасности показали свою эффективность. И под надзором Вашего Величества готовы отразить всякую опасность.

Что ж, он правильно говорит. У САВАК имеются осведомители во всех группах и слоях населения – правда,

обходится это весьма дорого. Ежедневно сотни секретных отчетов из разных районов страны отправляются в центр: о словах какого-то ущербного каменщика в процессе работы на строительных лесах в далеком селе до листовки, занесенной ветром на окраину солончаковой пустыни... Кстати, надо не забыть о договоре о начале буровых работ в пустыне. Согласно предварительной разведке геологов, под всей этой солью на краю болотистых солончаковых земель вдоль магистрали Тегеран – Кум залегают огромные запасы нефти.

– О протестном движении духовенства в Куме есть новые сведения?

– Никак нет; в настоящее время все опасные элементы либо в тюрьме, либо в ссылке, либо им запрещено служить в мечети. Осмелюсь доложить, реальная опасность исходит от террористических групп. Хотя большая их часть разгромлена, мы усиленно следим за ними. Есть, конечно, некоторые муллы, но вся поддержка бунтовщиков с их стороны ограничивается речами, идейной помощью, а иногда имеет и финансовую составляющую, что будет иметь для них последствия.

В этом ты с ним согласен. Муллы – не главная угроза. Но это не значит, что нужно потакать религиозным настроениям, особенно в армии.

– Согласно поступившей информации, некоторые военнослужащие, особенно офицеры, проявляют интерес к религии. В военных городках читают намазы, соблюдают пост, побуждают к этому других. Но если все останется на этом уровне, не страшно. Однако этот вопрос настолько сомнителен, что следует непременно отработать его. Как вообще возможно, чтобы офицер, находившийся на учебе в Соединенных Штатах, получивший там техническую специализацию, начинает читать намаз и платить муллам хумс и закят? Такая отсталость и невежество – постыдны, не к лицу этим

офицерам, разве только мы согласимся, что тут имела место мотивация посильнее, как например, влияние оппозиционного духовенства. И не сомневайтесь, – это дело рук иностранных государств. Нужно серьезнее отнестись к этому вопросу. Нельзя пускать все на самотек. Соответствующим органам в военных ведомствах был отдан приказ осуществлять строгий надзор за этими лицами. А в случае необходимости увольнять их. Кроме того, их ни в коем случае нельзя привлекать на ответственные посты.

Его большая голова не перестает кивать, как у барана-соглашателя. Но все равно придется еще подробнее объяснить ему этот вопрос, буквально разжевать.

– Вместе с тем, вы все-таки должны понимать, что борьба с религиозно настроенными людьми проще, чем борьба с коммунистами. Верующих легче найти и поймать. Даже в среде студенчества религиозный настрой менее опасен, чем коммунистический. Коммунисты опираются на испытанные примеры и формы борьбы, тогда как религиозное движение неопытно. Поэтому оно пользуется коммунистическими методами. В любом случае, ваша задача понятна и трудна. Террористы есть террористы, и их не следует делить на атеистов и верующих.

В животе твоём неприятное жжение. Как эти студенты замучили тебя! Каждый раз, вспоминая о них, тебя сразу охватывает грусть и тоска, и тебе становится не по себе. Не забыть перед встречей принять таблетку от вздутия живота и от изжоги.

«Ах, мой венценосный отец! Допустим, они меня невзлюбили, но зачем презирать всякий прогресс, осмеивать успехи страны? Ну мыслимое ли дело, что работник Корпуса просвещения – много учившийся, самоотверженно проявивший себя на селе (провел туда очищенную воду, выстроил баню), признанный образ-

цовым работником и получавший поощрения – вдруг оказывается еще и членом подпольной антиправительственной группы? Или как осмыслить другой случай: несколько студентов, будущих инженеров, приходят в универмаг и там воруют тетради, карандаши, крупы (один даже недавно мешок риса и кусок бараньей туши хотел вынести под длинным пальто) – для того чтобы раздавать эти товары нищей детворе южных районов города? Неужели некому было им объяснить: мол, ребята, вы болеете душой за бедняков, так учитесь, как следует, чтобы потом служить тем же самым, как вы их называете, «босым и обездоленным слоям общества»? Но кто послушает? Поверите ли, прочитав подобное донесение, я, бывало, по нескольку дней ходил, словно оцепеневший. Как возможно такое, чтобы сельский студент брал посылаемые ежемесячно отцом-работягой деньги и отдавал их в свою организацию, а сам жил впроголодь? Почему отец, мечтавший увидеть сына врачом, должен получить известие о том, что его сына-бунтаря посадили в тюрьму, или еще хуже о его смерти? Сколько я ни думал, не мог понять: почему студенты вместо исследовательской работы в библиотеках, вместо практики на заводах укрывались в комнатах общежития и там изготавливали самодельные бомбы? Эти глупцы были не в состоянии починить водонагревательный прибор у себя дома, а все фордыбачились и мнили из себя героев!»

Глава САВАК все мелет языком, а ты думаешь о свидании, которое организовал для тебя сегодня вечером Домашний слуга в одном укромном местечке... Девушка только вчера прибыла из Швейцарии, и ты о ней много слышал. Как говорит Домашний слуга, она как ясное солнышко! Жаль только, что ...

Ты вспоминаешь вчерашние слова Домашнего слуги, и опять раздражаешься. Он как всегда говорил прямо и открыто:

– В Ширазском университете я видел много девушек с покрытыми головами. Чуть не обомлел от удивления! Во времена Домашнего слуги, если девушка приходила в университет в мусульманской одежде, все начинали насмехаться над ней. Но теперь все изменилось: в меньшинстве были девушки без хиджаба».

Тебе больше жаль себя, чем студентов. Кажется, что все твои труды во благо страны были бесполезны: «Мы создали все условия для научного роста – бесплатное обучение и питание, трудоустройство и даже льготные кредиты, билеты на проезд в автобусе и авиабилеты за полцены, ночные развлечения... А эти неблагодарные все чем-то недовольны, и многие из них примыкают к подпольным группировкам. Значит, целенаправленная агитация иностранных государств так важна для них, раз они готовы пустить свою страну вспять? А что делать? Разве можно пустить все на самотек? Ведь они будут делать все, что им вздумается. Нет, САВАК должна оказать им сопротивление. Они сами виноваты. Их не переубедить никакой логикой. Подлецы, они ни во что не ставят наши слова».

Страшилище моргает своими большими глазами, в которых видно раздражение. Наверняка ведь думает о чем-то другом: например, о тех обширных землях, которые недавно приобрел; а может, о новых гигантских сделках, о процентах с них. Конечно, он злоупотребляет авторитетом САВАКа, при этом в делах торговых – совершенный неумеха, да и со своими прямыми обязанностями справляется плохо. Самое главное, его увечный мозг неспособен анализировать получаемую информацию. Тем не менее, пока ты в нем нуждаешься, приходится его терпеть, хотя ты и уверен, что когда-нибудь он жестоко пострадает от собственного невежества и тупости.

Ты смотришь на часы. Еще пятнадцать минут можешь сидеть и слушать вздор уважаемого главы САВАК. Ведь

другого выхода нет. Каждую неделю несколько часов твоего драгоценного времени тратятся впустую. Только подумать! Одна из прекраснейших и очаровательнейших девушек мира сидит в ожидании тебя, в то время, как ты сидишь здесь и смотришь за широким лицом и пустыми глазами этого Страшилища... Вся эта политика и управление страной – полное дерьмо!

Начальник кладет на стол перед тобой отчет о вчерашнем студенческом митинге в университете. Этот вопрос изводит тебя, как хроническая болезнь, то и дело обостряющаяся и не дающая тебе покоя ... Черт с ними, с этими студентами! Ты изнуряешь свою душу, тело, а что в итоге? Горстка безмозглых студентов собралась на территории университета, устроила митинг, выкрикивая лозунги... Кстати, какая у них там новая речевка?.. «Смерть диктатору!» А еще ожидают, что никто не посмеет бросить монаршим особам малейшего упрека. Когда охрана университета вмешивается, ты превращаешься в диктатора, погрязшего в крови!

«Какая прекрасная страна! В этой стране не было ни одного дня, чтобы я заснул спокойно».

Ты занялся чтением саваковского отчета. Только и умеют, что писать пустопорожние отчеты. Очевидно, где-то что-то хромает. Ты не знаешь, где именно, но понимаешь, что тут тебе не поможет ни начальник САВАКа, ни кто-либо еще. Ты должен сам как следует все продумать. САВАК тут ни при чем. Оппозиционеры прежде, чем попасть в тюрьму, считаются уже потерянной категорией лиц. Статистика показала, что лишь незначительное количество заключенных после освобождения возвращаются к прежней жизни. Остальные же, которых большинство, становятся сильнее, устойчивее, даже пользуются большим авторитетом, и официально становятся диверсантами. Такие люди будут бороться до конца, не жалея жизни, и будут делать все, чтобы не отстать от других. В общежитии или кол-

лективном доме, девушка, которая должна в ближайшем будущем стать врачом, подвязывает к пояснице чадру, входит во двор к бассейну помыть посуду или выстирать белье, в общем, ведет себя так, будто она является самой счастливой женщиной в мире. Все это делается для того, чтобы запутать соседей и хозяев. Эти девушки, вместо того, чтобы, как их сверстники, жевать жвачку, кладут под язык капсулу с синильной кислотой, чтобы при встрече с саваковцами быстро разжевать ее. Тогда через несколько минут их лицо становится синевато-черным, и тогда даже сам ангел смерти Азраил, отворачивается от них. Спросите – зачем? Потому что не хотят жить, чтобы, не дай бог, под пытками выдать себя следователям. А во время следствия им приходится не сладко. Ты наверняка знаешь, что с ними делают. Нежные девичьи пятки, которые тонки как лепестки цветов, покрывают удары плетью, от чего они покрываются цветастым узором, как на ковре. Кожа ступней оттопыривается, словно пятки на изношенных носках, и сходит. Так вместо того, чтобы учиться, они день и ночь заполняют бланки следствия. Некоторые из них настолько живучи, что по возвращению в камеру, надевают шлепанцы на руки и прыгают на носочках по полу. Почему? Потому что, возможно они располагают информацией, раскрыв которую, смогут спасти жизни многих невинных людей.

В желудке жжет еще больше. Обо всех этих происшествиях ты осведомлен. Хотя за всю жизнь ты ни на кого не поднял руку, но службе САВАК разрешил причинять противникам режима любое зло. Ты помнишь, как ты боялся грубости в детстве? Но со временем, как будто превратился в камень. Для себя ты оправдываешь насилие так: страна будет развиваться и расцветать, и тогда все противоречия исчезнут сами по себе. Ты думаешь, что ради достижения прогресса, эти жертвы неизбежны. Если рабочие будут работать

на фабриках, крестьяне на своей земле, а оснащенная семисоттысячная армия нести службу, ничего с тобой не случится.

Переведя взгляд на собственные руки, ты забываешь о студентах. Совсем недавно на коже появилось несколько наглых пятен коричневого цвета. Вид их сейчас поражает тебя: ведь это зловещий признак старости. Хотя ты вовсе не чувствуешь себя стариком, не ощущаешь свои пятьдесят пять лет: ведь доказательство тому – твои ночные похождения. Пусть с возбуждающими таблетками, различными стимуляторами, но все же... А какое иное утешение доступно тебе в твоей ужасной жизни – предполагающей, среди прочего, и общение со Страшилищем.

Ты смотришь на часы и бросаешь на стол отчет САВАК.

– Что за отчеты вы нам посылаете? Мы сотню раз говорили: народ вправе распоряжаться собственной сексуальной жизнью по своему усмотрению; какое нам дело, что там у них в постелях происходит?

Чиновник в полной растерянности смотрит на листки доклада; как будто заметил какую-то живность в своих фекалиях. Ведь ты сам требовал, чтобы службы безопасности следили за всем, включая самые постыдные вещи, в том числе, за тем, что происходит у начальства в спальнях. С помощью агентов, микрофонов, скрытых камер ... О неудачах и провалах чиновников больших и малых, о тайных отношениях, о которых даже не знают сами супруги – обо всем. Такие доклады к тебе поступают, но тебя это раздражает. Ты считаешь подобного рода деятельность необходимой для служб безопасности, однако не любишь, когда САВАК посылает тебе отчеты о ее блестящих открытиях. Такие грешки замечены за многими военными и гражданскими лицами: в жизни премьер-министра, членов монаршей семьи и даже в специальной канцелярии шахини.

Тебе хватает того, что САВАК в курсе всей подноготной страны. В чем польза от того, что ты будешь знать, со сколькими мужчинами одновременно имеет отношения твоя сестра-близнец, или кем являются и как выглядят поклонники твоей матери Тадж ол-Молук?

Вспомнив мать, ты еще больше расстраиваешься, да и изжога поднялась из желудка прямо в горло. На прошлой неделе ты несколько раз звонил матери, но она отказывалась говорить с тобой. Она обижена на твои слова, а вся причина в том, что она не соблюдает определенных рамок и вмешивается абсолютно во все. За ужином на глазах у всех заявляет тебе, что ты больше не имеешь права садиться за штурвал самолета. Она вынудила тебя ответить ей грубо, и ты потребовал от нее не вмешиваться в дела, в которых она ничего не смыслит. Хотя всему есть оправдание, ведь она – твоя мать и вправе беспокоиться за сына, но...

«Ах, мой венценосный отец! Я узнал позже, что ты был прав, поругавшись с матерью в первую брачную ночь. Она сама рассказывала, как в спальне новобрачных ты заставил ее выпить немного алкоголя, чтобы развеять ее страх... Честно говоря, с самого детства она меня ни во что не ставила, и жила, как ей заблагорассудится. Конечно, в те редкие минуты, когда ее переполняли чувства, за считанные дни она могла из простого рабочего по укладке асфальта сделать крупного инвестора. Мы никогда не были близки с матерью. Она открыто этого ни разу не говорила, но я всегда понимал, что моего брата Али Резу она считает более достойным престола. Ей больше нравились сильные и грубые мужчины, вроде Вас... Несмотря на все уважение, которое я проявлял к ней, она все равно любила Шамс больше. Так, когда та на несколько дней уезжала, она сильно тосковала. И мне никогда не удавалось победить ее; она делала все, что пожелает, говорила все, что на ум

придет. Иногда, когда ей становилось грустно, собирала таких же дряхлых стариков и старух из своего окружения, затем они садились в автобус и ехали в Шах Абдул-Азим¹ на прогулку и за покупками, и в конце оказывались на большом базаре. Люди рвались в ее сторону и поднимали такой шум, что полиция была вынуждена вмешиваться. Бывало и такое, что они садились в самолет и незаметно улетали совершить паломничество в Ирак, посетить могилы святых, а после возвращались в страну, не ставя никого в известность, даже меня. Дорогая матушка столь сильно беспокоилась о своей роже, сказать стыдно! По ее требованию грузовой самолет военно-воздушных сил отправлялся в Урмию и привозил немного лечебной грязи с озера. Ею наполняли ванну в бане дворца, чтобы почтенная госпожа, полежав в ней, быть может, вылечила бы свой ревматизм и варикозное расширение вен. Она любила все эти странные занятия. И всегда, то ли в шутку, то ли всерьез я говорил ей: «Это ты ввергла отца во все эти беды. Это из-за всех твоих капризов, он и решил завести нескольких жен!» А как же она ненавидела эти слова!»

Ты встаешь на ноги и, прощаясь, протягиваешь руку Страшилищу.

– Доброго вечера!

Он берет твою руку и целует ее: какие холодные губы! Как ледышки!

Ты идешь в сторону ванной комнаты, зовешь личного лакея. Очень удобно, что у тебя ванная прямо в рабочем кабинете.

Лакей выскальзывает из-за двери, словно тень.

– Принесите спортивный костюм... И таблетки не забудьте!

¹ Одним из значительных мусульманских памятников Рея является мемориальный комплекс Шах Абдул-Азим, построенный на месте смерти шиитского святого шаха Абдул-Азима, потомка второго имама Хасана.

Ты греешься под мягким солнцем острова и предаешься соленым с привкусом моря воспоминаниям. Твой плоский живот спортсмена под голым весенним солнцем естественно поднимается то вверх, то вниз. Игривые волны, то приближаются, то убегают, будто хотят раскрыть тебе страшную тайну, но каждый раз таинственная рука уводит их назад. Ты испытываешь странное чувство по отношению к этому древнему морю. Оно схоже чем-то с чувством собственности, обладания бассейном во дворе своего дома или имущества, доставшегося тебе от богатого отца.

Как же тебе хорошо! Когда ты прекращаешь свои дневные дела, мир для тебя наполняется покоем. В такие моменты Персидский залив со всеми его рыбами и другими морскими существами, с его кораблями, расплескивается волнами внутри тебя. Думая о том, что по ту сторону горизонта есть люди, которые тоже считают это море своим, ты начинаешь злиться. Ты не считаешь арабов южного побережья достойных того, чтобы даже окунуть ноги в эти воды. Куда им до моря, этим босым людишкам?! Им бы лучше жить в своих сухих и знойных пустынях и жарить на костре ящериц, а потом накалывать их прутиком, съесть и отрыгнуть по-бедуински.

Ты так любишь этот край, что время от времени садишься на вертолет, и блаженствуешь, наблюдая с высоты за своим морем. Отправляешься к трем островам, которые твоя армия заняла по договору с англичанами, и радуешься, как дитя. Особенно, острову Абу-Муса, который расположен дальше остальных, вблизи стран арабских эмиров, завладев которым, ты словно стал хозяином всего Персидского залива, а твои запасы нефти и газа расширились на многие километры. Но тебе этого мало. Ты не только Персидский залив, но и

весь Индийский океан считаешь своими владениями и мечтаешь править там, демонстрируя свое могущество. «Конечно, было бы лучше, если эти глупые американцы отдали бы мне поскорее те океанские лайнеры».

Ты слышишь шаги на песке и складываешь руки козырьком, прикрывая глаза от яркого солнца. Домашний слуга вежливо кланяется и говорит: «Не хотел беспокоить Ваше Величество. Осмелился прийти лишь донести до высочайшего сведения, что один из наших гостей прибыл, а самолет отправился за вторым гостем».

Ты приподнимаешься, и на песке остается отпечаток твоего тела. Лукаво спрашиваешь: «Неужели эти летчики не задумываются, для кого и зачем привозят этих девушек?»

– Наверняка, задумываются... Единственное, на что можно надеяться, – это то, что они подумают, что хотя бы вторая – для слуги!

Ты смеешься, да так, что слезы текут из глаз. Сукин сын, всегда находит что ответить. Да еще подсластит это остроумной шуткой, укором, красивыми стихами, пословицей со смыслом или метким анекдотом... И выстрелит ими прямо в нужный момент.

Тебе приятно общение с Домашним слугой. Никто не близок тебе так, как он, кто бы так понимал тебя и твое состояние. Этот смуглый шутник и балагур – связной между тобой и многими девушками, которые в самые тихие и интимные моменты твоей жизни трепещут в твоих объятьях. Разной наружности; иностранки и иранки. За назначение тайных свиданий также отвечает Домашний слуга. За рубежом и в Иране есть знакомые, рекомендующие ему самых подходящих девушек. Тех, кому будет позволено ступить в шахские покои и отдаться фонтану монарших просьб.

Перевозка тех, кто лучше нас, весьма сложное и опасное дело. Досмотр спецслужб, конспирационная

одежда, размещение в надежных апартаментах, твое тайное передвижение и, наконец, возвращение этих персон, – сложнее дела не придумать. И ты понимаешь, как трудна работа тех, кто работает под землей. Все эти побеги и прогулки должны проходить в условиях полной конспирации. Если кто-то догадается о тайных свиданиях, осраимся на весь мир. Только представь себе, если одна из этих прилетающих девиц, раскроет секрет и вдобавок представит живые доказательства! Какой шум тогда поднимется! Вокруг нас и без того столько слухов и подозрений, не хватало только прослыть развратником. Чтобы заставить их молчать, вы вынуждены одаривать их дорогими подарками и оплачивать огромные суммы. Из всех девиц вы больше всего опасаетесь местных, ведь они опаснее остальных.

Вся эта почти невыносимая по сложности работа под силу только Домашнему слуге. Человеку, умеющему хранить тайны, проникательному и с хорошей интуицией, который хотя и не считается министром при дворе, но посвятил всего себя тебе, чтобы ты мог время от времени развеять свою усталость в постели. Только он посвящен в твои самые большие тайны: от жжения и зуда в половых органах до деталей твоих старческих любовных походов. Потому что помимо чувства долга, он и сам не прочь позабавиться. «А к красавицам у меня привязанность давняя», – поговаривает он.

Ты открываешь глаза, Домашнего слуги рядом нет. Лишь вежливые следы на песке. Подумав, что ты спишь, он исчез словно тень.

Ты переворачиваешься на живот и вдалеке за недостроенными зданиями замечаешь дворцы для тебя и наследника престола, казино, несколько современных отелей, площадка для гольфа, оснащенный аэропорт, завод по опреснению морской воды, ГЭС и крупные универмаги. Это современный город на забытом остро-

ве с местными жителями – бедняками с прожженными лицами.

Эти объекты строятся под руководством Домашнего слуги. Он сам подкинул тебе идею этого проекта. Тебе не терпится увидеть их поскорее. «Пока я жив, хочу видеть результаты своей работы» – объясняешь ты.

У тебя огромные планы на этом острове. Ты уже слышишь голоса голозадых арабов. Они расхаживают по берегу, сотрясая свои тела и делают громкую отрыжку. Ты уже видишь их в номерах гостиниц, они лежат на мягких удобных кроватях и храпят в порыве страсти. Ты мечтаешь, во что бы то ни стало, завлечь этих нуворишей на этот отдаленный и всеми забытый остров, чтобы они оставляли здесь свои нефтяные доллары. Ведь ты все предусмотрел: управляющими гостиницами назначишь французов, чтобы каждую ночь они привозили на остров красивейших девушек из «Мадам Клод». Если все будет в порядке, то через десять лет этот остров превратится в маленькое волшебное государство, которое будет привлекать многих туристов и инвесторов со всего мира.

Захмелевший от этих мыслей, ты встаешь и стряхиваешь с себя песок. Ты не прочь искупаться. Вдалеке замечаешь нескольких женщин, выходящих из воды в бикини, которые, словно жирная рыба, бросают свои тела на песок. Поодаль на песке загорают мужчины. Среди них ты замечаешь одного из своих сводных братьев. Опершись на локти, он жадно смотрит на море; море, которое целиком принадлежит тебе... Горизонт, который окрасился в изумрудный цвет только ради тебя... Летающие рыбы, которые выпрыгивают из воды, чтобы увидеть тебя... Коралловые рифы, которые будто стесняясь твоего присутствия, меняются в цвете...

«Бездельники! Они и здесь не оставляют нас в покое!»

Каких усилий тебе стоило спланировать дела так, чтобы после участия в военно-морских учениях, ты смог приехать на Киш и провести пару дней в обществе гостей, без лишней головной боли и незваных гостей. А тут эти фанфароны...

«Сто раз мы предупреждали вас: не пускать сюда всяких бездельников без нашего разрешения!»

Ты рассержен, но ничего не поделать, и ты вновь ложишься на теплый песок, а затем через охрану вызываешь Домашнего слугу. Он появляется ниоткуда, словно джинн. Ты поручаешь ему, донести монарший приказ до брата – впредь без разрешения и согласования он не имеет права ступать на этот остров. Это самая великая милость, которую ты можешь оказать ему. А иначе безжалостно опозорил бы его прямо на глазах у его гостей.

Я был в гневе от своего окружения, так что «ударь меня ножом – кровь не польется!»! Никто из членов монаршего семейства тебя не радуется, даже твоя дочь Шахназ... Глупая девчонка развелась со своим распутным мужем, и теперь вышла замуж за юного паренька, придурковатого безбожника, с прической в стиле «хиппи». Несмотря на все твои уговоры, он не согласился состричь свои волосы, и тогда ты отдал приказ городским властям под предлогом призыва в армию, побрить его налысо. А несколько дней назад тебе доложили, что он не оставил-таки свои дурацкие привычки, и дочь твою тоже сбил с пути.

Все твоё окружение, каждый по-своему, доставляли тебе неприятности. Они видят лишь себя и думают лишь о своих интересах. Не проходит и недели, чтобы тебе не доносили о проступках одного из членов высочайшего семейства. Вывоз большинства предметов старины за пределы страны – дело рук принцев или представителей знатных родов. Многие из отстреленных на охоте оленей, горных козлов и даже леопар-

дов в последние минуты жизни провожали взглядом одного из представителей аристократии. Проценты с многих крупных сделок или строительных проектов непременно отправляются в широкие карманы кого-то из твоих приближенных. Жить бок о бок с этими существами сложнее всего. Несмотря на то, что ты позволил им пользоваться материальными благами, им все мало. Дай им волю, они разграбили бы всю страну. Горше всего то, что они не только не ценят тебя, но и пользуются твоим благородством и терпением.

– Пропади они все пропадом! Каждый дурак по-своему. Наша старшая сестра Шамс готова жизнь отдать за все свои цацки, наряды, обувь, экзотических птиц и животных, но хоть бы раз взглянула на нас!.. У нее хватает времени по десять раз на дню менять наряды, как собственно и свою веру, но хоть бы раз она, соскучившись, спросила о наших делах, здоровье... А матушка наша только и знает, что жаловаться. Вчера, к примеру, заявила: «Почему, поехав на Каспий, я должна оплачивать расходы за гостиницу?» Как будто не знает, что это вакуфное имущество, и мы отдали его на богоугодные дела. Если она скажет тебе что-нибудь, ответь ей строго!

Домашний слуга молчит – ждет, когда ты остынешь. И правильно делает. Боится, что пламенем твоего гнева ты обожжешь и его. Как он сам выражается: «Царство – бесплодно и не признает никаких родственников».

– А что учудила наша сестра-близнец! С одной стороны, отдает свое имущество на благие дела, а с другой, пишет прошения помочь ей с покупкой нового дворца. Женщина, которая ввязывается в любую сделку, сулящую прибыль, а потом вся погрязает в пороках и ни на секунду не задумывается о собственной репутации... Неужели никто не скажет ей: «Разве брат мало тебе по-

могает? Зачем ты проявляешь такую жадность?..» Вот прочти ее письмо, посмотри, что она написала!

«Ах, мой венценосный отец! У семейства, которое Вы оставили мне в наследство, есть все, кроме благодарности! Сунь я руку по локоть в мед, они бы и ее откусили. И с каждым днем их становится все больше и больше. Куда ни глянь, один из членов высочайшего семейства плодит детей».

Медсестра-смуглянка смущенно подходит к тебе и взглядом дает тебе понять, что должна выполнять свою работу. Точно так же, как когда-то ты лежал на теплом песке острова Киш, сейчас, лежа на больничной койке, ты раздвигаешь ноги, чтобы она могла вытащить судно, полное нечистот. Ты чувствуешь теплоту ее смуглых рук, которые стыдливо проскальзывают под простыню и вытаскивают судно.

Домашний слуга по-прежнему стоит возле тебя. «То было в Тегеране, а это на Кише!» Трудности управления страной с одной стороны, а якшанье со всем этим сбродом, с другой. В такие моменты ты чувствуешь всю тяжесть груза, упавшего тебе на плечи. Помимо всех этих проблем с шахским семейством, ты несешь ответственность за страну. Твоя бы воля, ты вообще бы не возвращался в этот треклятый Тегеран. Здесь всё работа, да работа! Даже вечерами, на постоянных приемах, с членами семьи и несколькими приближенными – ты весь в делах. Игра в карты, шашки... Не выигрыши, а уступки других игроков, ради забавы или подхалимства. Пустые ночи одиночества, рюмка любимого коньяка... Осчастливить танцем какую-нибудь особу, спать в холодной супружеской постели и бежать от женских жалоб и подозрений, просыпаться с восходом солнца и начинать запланированные встречи; поклоны безго-

ловых тел, бестелесных голов, механические движения гражданских и военных адъютантов, стражей безликих, безымянных; нашествие назойливых мух из лиц и чинов, которые признают лишь тебя, а без тебя унижены и беспомощны, не в силах убить даже комара... Дни, приносящие тебе страдания – от всей этой грязи, низости, подхалимства, лжи и лицемерия. И безвыходность... Потому что ты сам приучил их всех чинить заговор друг против друга. Заискивая перед тобой, они нагло врут тебе. Сам ты обычно не лжешь, не потому что считаешь это проявлением слабости, нет. Ты чувствуешь себя таким могущественным, что не считаешь нужным лгать. Не лжешь, но любишь слышать ложь. И это еще одна противоречивая черта твоей личности.

«Ах, мой венценосный отец! Со временем я понял, что никто не осмеливается сказать мне правду. Точно так же, как никто не смел сказать Вам ложь».

Ночи напролет ты погружаешься в мир тайств, в мир «волшебной лампы». Проводишь время в маленьком кинотеатре дворца и смотришь любимые кинофильмы. Тебе не особо нравятся мелодрамы и драмы. Ты страшно любишь приключенческое кино в жанре вестерн и комедии. Может потому что герои этих фильмов никогда не умирают. Хотя ты сильно не беспокоишься по поводу собственной смерти. Благодаря каким-то суевериям ты не допускаешь мысли о смерти иной, отличной от естественной. Ты всецело веришь в то, что на тебя возложена ответственная миссия, не исполнив которую, ты не покинешь этот мир. Вместе с тем, ты строго соблюдаешь меры безопасности, и каждый раз возвращаясь с публичных встреч, несколько раз моешь руки антибактериальным раствором.

– Опять эти крестьяне обслуживали мои руки!

– Но ведь падишах не должен отдаляться от народа.

Ты соглашаешься со словами шахини. Она права. Но это не причина, чтобы не пользоваться антибактериальной жидкостью. Эта привычка со временем перешла в брезгливость.

Тень Домашнего слуги упала на песок, и среди соленого шепота моря ты различаешь его приятные слуху слова:

– Ваше Величество, обворожительные пери готовы служить!

Ты направляешься к дворцу, чтобы как можно скорее вкусить сладостного эликсира женственности и предаться забвению. Домашний слуга ступает за тобой на расстоянии, чтобы ненароком не наступить на твои следы. Он нравится тебе этими своими манерами. И хотя он родом из знатной семьи, потомок иранских ханов, но никогда не пытается навязать тебе свое присутствие. Он хочет облегчить твою ношу, а не стать обузой – в противоположность всем этим бездельникам, присутствие которых ты ощущаешь повсюду. Они как черви из уборной извиваются вокруг тебя. Так оставь все эти слова! Если бы ты был влюблен, понял бы, что единственное, что может вдохнуть в тебя жизнь сегодня ночью, – это присутствие рядом с тобой женщины. Это алхимия, благодаря которой время выходит за качественные и сущностные границы своих календарных рамок, и приобретает мелодию искусства. Если бы ты мог осознать, что это и есть время, протекающее в стихах и рассказах, полное взлетов и падений, чувство подвешенности и открытий. Безвременное время, в котором все обретает свою первоначальную сущность... Шумы превращаются в первоначальные чистые звуки – журчание ручья и дуновение ветра. Взгляд становится чистым, как первый взгляд Адама и Евы. В такие мгновения плоть, кожа и кости, суставы, вены и нервные окончания будто сливаются с Вселенной, вдруг начинают трепетать, как струны инструмента под на-

жимом смычка, под ударом ладони... Если бы ты смог понять, что «там, где заканчиваются слова, начинаются движения тел»...

Как обычно, ты просыпаешься рано. Лениво потягиваешься и чувствуешь пустоту, нехватку чего-то рядом с тобой... Поднявшись с постели, ты слегка разминаешься, прогоняя остатки сна. Идешь в ванную, чтобы смыть с себя все тревоги и волнения. Твое отражение в зеркале приглаживает волосы и осматривает себя: слава богу, все кости как будто бы в норме, и на лице нет крапивной лихорадки, нет вздутия живота, и ниже пояса тоже порядок. Надо только, вернувшись в Тегеран, подкрасить волосы, а то виски сильно поседели. Уже давно ты подкрашиваешь седые виски, причем пепельным цветом: черный в таком возрасте делает человека похожим на дворового заправилу или дешевого танцора.

Кинув атласный халат на софу, ты встаешь под душ. Взбодрившись от горячей воды, решаешь, что надо дать указание Домашнему слуге: эту девочку оставить в Тегеране еще на какое-то время. Не то чтобы ты влюбился в нее... Ты – и влюбленность?! Нет, просто понравилась... Любовь ведь не приносит человеку ничего полезного. И даже если бы и приносила, ты ведь ни в чем не нуждаешься. Кроме всего этого, управление государством выбивает человека из сил, забирая мужскую силу. Это ты являешься исключением, поскольку, несмотря на свой возраст и всю свою занятость, можешь позволить себе дважды или трижды в неделю выезжать на прогулки. Как говорит Домашний слуга, эти прогулки и развлечения действуют на тебя, словно обезболивающее. Ведь, по правде говоря, у тебя ни времени нет на любовь, ни желания. К счастью, после Сорайи ты никого так и не полюбил. Твое положение отличается от других. Если проявишь к какой-нибудь даме излишнее внимание, это может обернуться для тебя серьезной проблемой. Особенно, местным. Они,

возможно, даже испортят тебе жизнь. Ты еще не забыл, когда одна из этих девиц ввергла тебя в такую беду, что привело к скандалу с шахиней, и даже встал вопрос о разводе. И благодаря особым приемам и деликатности смог спихнуть ее брату твоей сестры и, наконец, избавиться от нее. К тому же, это была всего лишь связь, а не сердечная привязанность. И неспроста ты так боишься этих приключений, больше даже, чем болезней, передающихся половым путем. Ведь болезни телесные излечимы, а боль от разлуки с любимой излечить нельзя! Да и зачем человеку связывать себя с женщиной? Как говорит Домашний слуга: «Увидишь лужайку – пощипли травки и иди дальше».

Несколько раз повторяешь про себя эти стихи, и погруженный во влажные воспоминания, ты трешь себя мочалкой, как вдруг нащупываешь большую опухоль под грудной клеткой. Прямо под левым нижним ребром – нечто вроде полунадутого воздушного шарика. Это открытие – из разряда зловещих, пугающих, что тело бросает в холодную дрожь. Проявление непокорности и восстания клеток против деспотического природного порядка: одно из самых пугающих переживаний человеческой жизни, которое всегда застает человека врасплох.

На всякий случай, ты очень тщательно, чтобы исключить всякие сомнения, ощупываешь опухоль под левым ребром. Может, это селезенка? С детства и до сегодняшнего дня ты был подвержен многим болезням, но никогда не ожидал такого. Скрытые и окутанные тайной вещи всегда страшат тебя, тебе хочется, чтобы все было прозрачно, отчетливо видно. Вот как эта мыльная пена, например.

Капая водой, ты вылезает из душа, словно жертвенный барашек судьбы, которого помыли перед тем, как остричь. Дежурному адъютанту отдаешь распоряжение: вызвать личного врача. Тот везде и всюду со-

проводит тебя, и ты дал ему прозвище: Доктор лишний.

Появляется он быстро, ты даже одеться не успел. Осматривает тебя и говорит, что это, возможно, аллергия, мучавшая тебя с детства. Но для верности следует вызвать специалиста по крови – гематолога. Это слово вызывает в тебе непонятный страх, но ты не теряешь присутствия духа и требуешь, чтобы и сегодняшний, и следующий осмотр были засекречены, даже от шахини.

Все уходит. Ты встаешь у окна и, глядя на Персидский залив, погружаешься в размышления. Домашний слуга просит разрешения предстать перед тобой. Чувства твои в таком смятении, что ты даже на его приветствие отвечаешь не сразу. Сейчас ты никого не хотел бы видеть.

– У вас ко мне дело?

– Да, Ваше Величество, купчие на эти виллы соблаговолите подписать.

Протянутые им документы на право собственности ты бросаешь на стол.

– Неужели ты хочешь, чтобы мне принадлежал только этот клочок иранской земли? Весь Иран принадлежит мне. И если мой сын станет правящим шахом, то и у него все будет собственностью, а если нет, так он и этого клочка не захочет.

Домашний слуга сильно меняется в лице от огорчения, и ты знаешь, как у него сейчас все кипит в душе, знаешь, что, пока он не поймет, в чем дело, не успокоится. А можно ли скрыть от него столь важную проблему? Ведь он, как никто другой, умеет хранить твои тайны...

Через час, в самолете, на обратном пути в Тегеран, ты посвящаешь его в курс дела и просишь не распространяться об этом. От твоих слов он сильно бледнеет, и ты всем существом своим чувствуешь, как он

сопереживает. Будто ему сообщили о том, что он болен какой-то неизлечимой болезнью. Впоследствии он признался, как сильно был потрясен в тот день, в самолете, узнав эту новость: «Я думал, что с уходом Вашего Величества, Ирану придет конец, бразды правления ослабеют. Там, на высоте нескольких тысяч метров над землей, я загадал желание умереть быстрее своего правителя. Без его благословенного присутствия, жизнь для меня, действительно, потеряет смысл».

«Ах, мой венценосный отец! Как жаль, что таких, как он, было слишком мало, почти никого. Если бы было у меня несколько преданных и верных людей, как он, за спиной своей я чувствовал бы несокрушимость горы Демавенд».

И вскоре, в одно из пустых и кровавых воскресений, во дворец тайно прибывает опытный французский гематолог. Капельку твоей крови он капают на стеклышко и разглядывает в специальный микроскоп. Посмотри, какой рисунок, какие плетения удивительные, сколько разнообразных шариков: эритроциты, гранулоциты, лимфоциты! В этом миниатюрном узоре можно разглядеть след судьбы. Как будто кто-то нарушил состав твоей крови так, что количество белых кровяных телец уменьшилось, и ты не можешь сопротивляться болезни даже самой незначительной. Какой подлый заговор! Подсчет твоих кровяных шариков показывает, что в те годы, когда ты был занят подавлением оппозиции, часть твоих клеток подняла восстание и решила тебя уничтожить постепенно, по крупитцам. Именно поэтому и возникла опухоль на селезенке.

– Нет, тут ничего опасного. Совершенно обычное заболевание, которое...

– Почему вы не говорите мне правду? Эта болезнь называется хронический рак лимфатических желез.

Есть другая болезнь под названием амилоидоз, которая контролируется и даже лечится лекарствами, но с течением времени она прогрессирует и переходит в злокачественную форму.

– Но можно ли в присутствии Его Величества произносить слово «рак»? Его пугает это слово. Поэтому лучше сказать ему, что выявлено заболевание крови, которое лечится лекарством. Все действия должны совершаться в строжайшем секрете. Даже на коробочках лекарств должны значиться обычные названия.

– Зачем вы так поступаете? Разве это не верх вероломства? Ведь вы обманываете его и не позволяете ему смириться со своей болезнью.

– Никто не должен ничего знать об этом деле. Знают только четыре человека: личный врач, министр двора, иранский профессор и французский врач, который раз в два месяца под предлогом лечения Домашнего слуги прибывает в Иран, и министр двора организует ему тайное посещение дворца. Все дела должны вестись в строгом секрете. Результаты анализов и все медицинские документы должны быть оформлены на имя министра двора. Но и самому министру не следует иметь сведения о настоящей болезни Его Величества.

Французский врач обсуждает с тобой диагноз и говорит, что ты страдаешь от определенной болезни крови, но слово «рак» он не произносит. Иными словами, все идет, как обычно: говорится обо всем, кроме одного, – что дела складываются не так, как хотелось бы. Например, о том, что экономика страны ухудшается, и договора по многим проектам подписаны по завышенной стоимости. Так и французский врач: для уменьшения опухоли селезенки выписал лекарство под вымышленным названием, чтобы никто не знал о твоей истинной болезни, даже шахиня.

Будто поправляя галстук, ты проводишь рукой по груди, и из-за темных очков смотришь на присутству-

ющих в зале. Селезенка твоя уменьшилась. Здесь собрались все: шахиня, Домашний слуга, председатели обеих палат меджлиса, главы трех ветвей власти и другие высокопоставленные лица. Все ждут, чтобы понять, зачем их созвали на экстренном совещании.

Начинаешь спокойно говорить. Твой тон изменился, а слова пахнут чем-то неладным. Горький запах ухода, запах смерти. Домашний слуга, как никто другой, отчетливо почуял этот запах. Он грустит больше всех, однако старается не подавать виду. А женское чутье подсказывает шахине, что произошло что-то новое, но она пока не знает что это, и почему ты говоришь сегодня об этом.

Ты говоришь четко и доходчиво; сохраняя спокойствие, без оттенка двусмысленности описываешь положение страны в прошлом и настоящем. С полной серьезностью определяешь обязанности каждого из присутствующих в твое отсутствие:

– В условиях войны и опасности оккупации территорий, страну ни при каких обстоятельствах нельзя отдавать врагу без боя.

Все ошеломленно смотрят на тебя. В словах твоих слышны нотки предсмертного завещания. Ты просишь также сохранять и следовать Основному закону конституционного режима, способом который ты избрал для этого; защищать шахский строй и подчиняться шахине до того момента, пока наследник престола не достигнет двадцатилетнего возраста.

Мертвецкая тишина воцарилась в зале. Некоторые прослезились, и все смотрят друг на друга с удивлением. Представители старшего поколения – в полном смятении. В воздухе запахло смертью, они чувствуют, что произошло что-то, о чем они не знают. Удивительно, но никто не знает об этой страшной тайне, даже ты. А если ты узнаешь, какой опасной болезнью страдаешь, что сделаешь? Снова начнешь предаваться еже-

дневным делам? Или нет? Изменишь свои взгляды на дела и единогласно принимаемые решения по управлению страной? Быть может, дашь большую свободу народу, чтобы и сыну своему предоставить шанс стать падишахом, так ведь?

«Ах, мой венценосный отец! Меня удивляет собственная наивность. Я ни разу не задался вопросом, чем я, в действительности, болен? Что за болезнь такая, заставляющая меня ежедневно принимать эти проклятые таблетки? Все мои дела свелись к тому, что я щупал сам себя под ребром, обследуя эту проклятую селезенку. И ни на миг не задумывался о том, что, возможно, настоящую болезнь от меня скрывают. Я так погрузился в работу, что забыл о болезни. С физической точки зрения я был совершенно здоров, могу даже сказать: здоровее, чем когда-либо. Вплоть до того, что меня вообще не утомлял труд; может быть, по этой причине я и недооценил свою болезнь».

Твоя селезенка вскоре уменьшается до обычного размера. Врач-француз прилетает в Иран повторно и, обследовав тебя и взяв образцы крови, возвращается в свою страну: обыкновенная работа, которую делают многие врачи. В твоём окружении больше ни у кого не хватило мужества носить эту тяжкую тайну.

Французский врач-гематолог всячески охраняет эту шахскую тайну, да как страдает от этого! Отправляет образцы твоей крови во Францию под именем своей бабушки. И время от времени тайно прилетает первым классом в Иран, а сотрудникам своим он вынужден говорить, что летает на охоту в Ирландию. Маленькая ложь для сокрытия большой тайны, чтобы в случае раскрытия ее он имел оправдание. Вся эта секретность и сложность ситуации нужна для того, чтобы сохра-

нить тайну, ради раскрытия которой многие готовы заплатить колоссальные деньги.

В то же время ты с полной самоотдачей бьешься над выполнением различных планов и программ. Ситуация весьма непростая. Твое спокойствие то уменьшается, то нарастает, подобно числу белых и красных кровяных телец, и печали твои, как и твою селезенку, не так-то легко уменьшить. Однако главная твоя трудность состоит не в нехватке красных и белых телец, а в отсутствии времени. Ты чувствуешь, что для выполнения больших проектов тебе не хватает времени. Ты бы хотел как можно скорее подвести страну к порогу великой цивилизации, однако судьба этому не благоволит. Почему? Что за судьба тебе выпала? Почему в такую чувствительную и судьбоносную эпоху на твою долю досталась эта болезнь?

Стоя перед колоннами гражданских и военных чинов на общей аудиенции у шаха и придворных ты видишь лиц, присутствие или отсутствие которых никак не повлияет на дела государства. В обществе есть люди, отсутствие которых не ощущают даже их близкие. А теперь, в тот самый период твоего правления, когда ты хотел бы пожинать плоды посеянного, ты видишь перед собой серп смерти. Возможна ли большая несправедливость?

* * *

Приходит Домашний слуга и по лицу твоему читает, что ты расстроен и готов излить ему душу.

– Так, где же обещанный дождь и снег?

– Будьте покойны, Ваше Величество! Неестественное потепление – признак скорого снега.

– Возвращаясь из страны Советов, мы видели горы Кавказа в снегу, а наши горы оголены. Почему так?

Домашний слуга молчит и выжидает, пока твое состояние улучшится. В такие моменты он подсовывает тебе письма и тайные фото женщин. Любовные записки, воспоминания, которые отправляют тебе свидетели тех интимных минут. У него всегда припасено несколько писем для таких моментов, чтобы при удобном случае, рассекретить их. Но сегодня против обыкновения его руки пусты.

В Цюрихе ты сидишь за завтраком, как вдруг приходит Домашний слуга. Он рад и весел. Да и у тебя нет причин, чтобы скрывать свою радость.

– В Иране льют дожди, а в Тегеране сильный снег. Даже в Бирджанде Вашего Величества выпал пятнадцатисантиметровый снег...

Ты делаешь глубокий мрачный вздох и продолжаешь: «Хочу, чтобы бог дал нам десять-пятнадцать лет дождя, чтобы я смог построить нужные нам плотины и не протягивал руки к небу в мольбе о капле воды».

Ты и сам не знаешь, почему так прицепился к этим облакам? Быть может, эта твоя детская привычка. Твой отец всегда рассказывал о дождливом климате Мазендерана и сожалел о том, что остальные области Ирана не имеют столько зелени. За свою жизнь ты несколько раз видел засуху и знал, какие черные дни ждут страну без дождя. Ты падишах страны, народ которой всегда с надеждой смотрел на небо, которое посылало им достаток и пропитание на земле. Их судьба, их радости и горести зависели от осадков. Если не будет дождя и снега, и наступит засуха, чья в том вина? – Падишаха. Насколько он будет справедливым, настолько больше будет осадков, изобилия и благ для народа. Поэтому тебе всегда нужно взывать к нему в ожидании капли дождя.

Домашний слуга, едва придя, понял, что ты снова грустишь о дожде.

– Но почему не начался дождь? И на севере не было особого дождя... Тучи нависли над Ширазом и Исфаганом, но никак не могут разверзнуться. Почему?

Министр двора как всегда говорит: «Потому что в нашей стране – тридцать три года дожди и тридцать три года засуха... Сколько себя помню, так и было».

Разве он все решает?.. Ты смотришь из окна на улицу, словно хочешь шахской волей повлиять на небо – показываешь на одиночную молчаливую тучу, нависшую над небом дворца, и говоришь: «Туча есть, но хоть бы каплей дождя поделилась!.. Кстати, что с тем проектом о так называемой «плодоносности туч»?

– Займусь этим вопросом. Однако я слышал, что дело не продвигается, как следует.

– Непременно займись. От нашего имени распорядись, как можно скорее завершить этот проект.

Ты смотришь в небо, оно чистое и ясное. А та туча пропала.

– В прошлом году наши полные тучи ушли в Афганистан, а в этом году в какую дружественную и братскую страну они собираются?

Домашний слуга сделал такое печальное лицо, как будто это он виноват в том, что осадков нет. Ты не оставляешь его в покое.

– И в позапрошлом году обильные дожди были только на родине твоих предков, и вдоволь напоили свекловичные поля и заросли опиумного мака... Только богу известно, какая существует связь между тобой и тучами?

Ты почти не слышишь его.

– Если Ваше Величество соизволят вспомнить: тогда весь наш урожай и урожай крестьян постигла беда – дождь затопил все посевы!

Он прав. Дождь этой земли переменчив, точно характер иранского народа, его нельзя предугадать. Посредине лета вдруг начинают идти дожди, переходят

в сель. На сороковой день весны выпадает снег, и все посевы гибнут от мороза. Или выпадает град, и валит на землю все молодые побеги. Или в середине зимы так теплеет, что ты покрываешься потом. Нет, небу этой страны нельзя доверять ни капли, как, впрочем, и ее народу.

Ты бредишь дождем, и не проходит и дня, чтобы ты не следил за небом и, как офицеры службы СА-ВАК, преследующие смутьянов, ты выискиваешь тучи на небе. Даже ночью, когда идешь пожелать спокойной ночи своей младшей дочери Лейле, просишь ее попросить у бога скорейшего дождя. С мольбами на устах, как тот преступник с подмоченной репутацией, ты просишь послать тебе дождь. Государственные чиновники знают твою крайнюю чувствительность по отношению к этому вопросу, и при каждом удобном случае заискивают перед тобой, стараясь снискать расположение. А именно, во время внутренних поездок по стране, чтобы порадовать тебя, сообщают об осадках, текущих и ожидаемых, и рассказывают о заснеженных горах, наполненных водой каналах и колодцах.

Расстроенный и печальный ты гуляешь по саду Эрам в Ширазе. Осень заканчивается, а во всей стране не было и капли дождя. Генерал-губернатор подходит к тебе и с радостью открывает тайну: «Ваше Величество! Один из жителей местного кочевого племени предсказал, что в последний день этого месяца пойдет сильный дождь».

Ты недоверчиво смотришь на него из-за своих темных очков и киваешь в знак одобрения.

«Ах, мой венценосный отец! Я принимал парад военно-воздушных войск, как вдруг налетели черные тучи, и хлынул такой ливень, что парад вынуждены были прервать. В тот самый миг я вспомнил о предсказании того кочевника. В самый последний день осени!»

Радостный и воодушевлённый ты расхаживаешь по комнате и так сильно отстукиваешь каблуками своих сапог, что Домашнему слуге слышно снаружи. Он, улыбаясь, входит в кабинет. И ты знаешь, что в такие дни он обычно представляет на монаршее обозрение самые плохие отчеты и быстро уносит их. Тебе надоели все эти отчеты. Он садится и начинает без умолку говорить: о дороговизне и страшном дефиците кускового и сахара-песка, отсутствии наличности, незавершенности многих проектов по благоустройству страны...

Твоей радости приходит конец.

– Много еще осталось?

Он кланяется и, словно искусный фокусник, достает из гущи папок конверт и кладет его на стол. Ты вскрываешь его. Это письмо одной знакомой девушки из Швейцарии, которая хотела бы еще раз приехать в Иран, чтобы оживить приятные воспоминания прошлого. К письму также приложена фотография ее подруги.

Твои хмурые брови расправляются, а лицо озаряется улыбкой. И вот ты не замечаешь, как проходит целый час, а господин премьер-министр ждет за дверью аудиенции. Выходит, что все сегодняшние встречи сорваны: совещание с командующими армии, встреча с одним из депутатов Конгресса США и директором компании «Сименс», который прибыл в Иран для подписания контракта об АЭС... Это случай, который в твоей практике является редкостью... Но к черту работу! Ты же, в конце концов, не железный! Чтение этих писем – особая милость. Эти письма – глоток прохладного шафранового шербета в знойной пустыне!.. Хотя в этих письмах нет ничего важного, заслуживающего внимания, это лишь сгусток приятных слуху любезностей и мечта о новом свидании, чтобы оживить милые сердцу воспоминания... Но прочтение этих писем наполняет тебя такой удивительной силой, что всем существом

своим ты вновь ощущаешь себя молодым и здоровым. В такие мгновения ты и Домашний слуга возвращаетесь в мир юности, шалите и проказничаете, подшучивая над миром взрослых, и получаете неопишное удовольствие от того, что другие с изумлением поглядывают на вас. Вас забавляет то, что окружающие не знают о вашей тайне, ведь вы так много шушукаетесь. И не важно, где вы находитесь в тот миг: в шахском павильоне аэропорта, под подозрительным взглядом шахини, перед длинными рядами чиновников и почетного караула или еще в каком-нибудь месте.

Гигантский самолет «Шахбаз» готов к взлету, а вы все еще обмениваетесь мнениями о девушке. Она должна была одновременно с тобой прибыть в Европу, но в последний момент сообщила, что ее тетюшка не позволила ей лететь... Ты ходишь по вестибюлю дворца. Семья твоя ждет: вы приглашены на официальный прием. Но ты и Домашний слуга обсуждаете какой-то важный вопрос; о француженке, которая должна была быть завтра на Кише, но увлеклась незрелым миндалем и страдала сейчас от расстройства желудка. Все было настолько серьезно, что ее госпитализировали. И теперь вы не знали, кем заменить ее. «Зачем было маменькиной неженке из Франции есть незрелый миндаль?»

В такие минуты ты становишься тем юношей из прошлого, который мечтал о том, что девушки будут писать ему любовные письма и признаваться в любви. Слепленный чувством молодости, без сомнений, присутствующих среднему возрасту, словно жеребец, ты галопом мчишься к зеленым пастбищам.

– Простофиля пишет, что цена нефти должна остановиться на этом уровне. Он думает, я его собака, что ли? Ушли те времена, когда мы с закрытыми глазами выполняли ваши приказы!

В телефонной трубке ты слышишь хриплое, болезненное дыхание Домашнего слуги – и мрачней. У него

новое обострение болезни, приковавшее его к постели. Общаетесь вы в основном по телефону или – обмениваясь деловыми записками.

– Повинуюсь... Повинуюсь приказанию Вашего Величества... Все, что пожелает Ваше Величество...

– Мы сами дадим ответ американскому президенту. А ты разбуди-ка прямо сейчас английского посла и в точности передай ему мои слова... Они выразили нам протест за то, что я в интервью «Би-би-си» назвал английский народ ленивым... Так вот, скажи ему: теперь стало ясно, что между нами нет дружбы, и что вы лишь преследуете свои интересы. А мне это безразлично. Через десять лет мы станем сильнее вас, но мы будем помнить, как вы с нами обошлись... Вы думаете, вы одни умные; вообще, кто вы такие?

Выслушав от министра двора «слушаюсь», ты кладешь трубку. Ты уверен: этому типу, английскому послу, он передаст твои слова точно. Ни у кого это не получается лучше, чем у него.

– Эти подлецы должны понять, что времена изменились, что они уже ничего из себя не представляют.

И что такого постыдного ты сказал в интервью «Би-би-си», что так задело англичан? «Вы, ленивый народ Англии, с таким социальным положением, вскоре вернетесь в свои пещеры».

Ты вновь берешь трубку и настойчивым тоном наказываешь Домашнему слуге передать: «Скажи этому подлецу, их послу, что вы только и делаете, что бросаете слова на ветер, и мы всех ваших мужчин и женщин, и особенно девушек, ...»

Такое твое отношение к иностранцам не новость: ты теперь демонстрируешь его каждый день. С тех пор, как цена нефти выросла в несколько раз, тебе удержу не стало. Ты бы и сам раньше не поверил, что сможешь так угрожающе вести себя со странами Запада и так пренебрежительно о них говорить в своих публичных

выступлениях. За все время твоего правления ты не чувствовал такого могущества, как сейчас. Важнейшая для тебя победа произошла в течение десяти дней: с первого по десятое января 1970 года. За эти десять славных, исторических дней ты смог укоротить руки нефтяным гигантам, которые прежде хозяйничали в стране, и полностью взять под свой контроль нефтяные богатства. До той поры хозяевами были нефтяные картели, особенно в установлении цен на нефть и объема продаж; тебе же приходилось довольствоваться лишь частью этих посланных Всевышним богатств. Но теперь страница перевернута, и теперь они должны подчиниться твоим требованиям. Все началось с той декады, зимой. Теперь ты мог торговать своей нефтью по любой цене, и не оглядываться на нефтяные картели, который обращались с тобой, как им вздумается. Жаль только, что народ не увидел этой великой победы.

«Ах, мой венценосный отец! Моя судьба определилась в эти самые десять дней, а потом еще раз – в те же первые десять дней января, но уже 1979 года... Видишь, какая игра судьбы?!»

(Это приключение началось как раз в те самые дни. Цены на нефть росли, а вместе с ней возрастал твой авторитет в глазах мировых держав. Иран становился хорошим союзником, который не только не нуждался в материальной и военной помощи, но мог, соблюдая правила приличия возвращать им нефтяные доллары, покупать вооружение, инженерно-технические услуги, промышленные и потребительские товары... Но это было не так важно для тебя. Ты знаешь, что с помощью денег можно купить все, что захочешь. Никакое другое чувство так не опьяняет тебя. Теперь западные лидеры нуждаются в тебе, чтобы ты смог дать толчок их экономикам, страдающим от инфляции, и вложить

свои нефтяные доллары в их банки. Они расстелют перед тобой красную дорожку и проявят верх почтения в протокольных церемониях. Они будут заискивать перед тобой и закроют глаза на несоблюдение прав человека в твоей стране и твой эгоизм). А ведь ты еще не знаешь, что это и есть твоя ахиллесова пята перед Западом. Они нашли твое уязвимое место и смогут отомстить тебе в любой момент. Ты спросишь – как? Сделают несколько публикаций в прессе, дадут интервью, либо подготовят несколько репортажей о правах человека. Достаточно будет опубликовать статью о способах твоего правления, деспотизме и агрессии службы САВАК, – и ты потеряешь сон. Именно поэтому ты не можешь понять, когда западная пресса и другие СМИ действуют независимо от политики своего государства. Ты полагаешь, что мировые державы приняли решение сломить тебя. Поэтому ты даешь им сокрушительные ответы, тем самым, сталкивая лбами прессу и правозащитные организации. Хотя ты располагаешь достаточными средствами, чтобы купить всех этих журналистов вместе с их редакторами или заказать статьи. Но так не может длиться вечно, и рано или поздно одна из сторон должна будет уступить).

Цены на нефть снова ползут вверх, а вместе с ними растет и твой престиж. В такой ситуации очень даже запросто можно назвать англичан ленивыми и изнеженными. Запросто можно поздно ночью поднять с постели британского посла, по вопросу совершенно неважному. Сейчас, когда у них незавидное экономическое положение, они должны полностью компенсировать все те унижения, которые в свое время вытерпели от них твой отец и ты. Разве они не позволяли себе невыносимое хамство, когда ты в начале своего правления ездил в Лондон? Разве не поделили – вместе с русскими – твою страну на три части и не увезли твоего отца из Ирана, словно прокаженного?

Здоровье Домашнего слуги улучшилось, и теперь он каждое утро видит тебя, чтобы ты скрепил подписью подготовленные им письма. Официальные письма, поздравительные депеши, пожелания выздоровления больному принцу или поздравление наследнику в связи с рождением у него дочери – и более важные деловые послания... Твоя память по-прежнему работает с поразительной четкостью, сохраняя точнейшие и мельчайшие детали, – ни одна малость от тебя не укроется. Невозможно, чтобы ты забыл о данном кому-то поручении. В этом смысле ты – в своего отца; с той лишь разницей, что, в отличие от него, ты не можешь одернуть воров, лгунов и мошенников. Хуже того, в международной сфере ты допустил такие промахи, что сам перекрыл себе все дороги. Теперь и министр иностранных дел бессилен в переговорах с главами многих стран, и министр нефти ничего не может поделывать в нефтяных делах.

Твой авторитет так возрос, что ты теперь бываешь везде и всегда на виду. Твои портреты распространяются по всей стране, чтобы народ видел своего падишаха, который серьезным и одновременно грустным взглядом смотрит вдаль, и день и ночь только и делает, что думает о нем. Фотографии в различных позах: в ритуальной одежде паломника с руками, сложенными в молитве, на смотре парадных расчетов военно-воздушных, морских войск и пехоты, на открытии громадного металлургического завода; или в кругу семьи, с шахиней и наследным принцем, веселый и смеющийся, воплощение счастливой семьи, чтобы учащиеся всей страны, выстраиваясь по утрам на линейке, молились о твоем здравии и благодарили Всевышнего за то, что он наградил их таких правителем. Правителем, который всегда думает о правильном воспитании подрастающего поколения. Поколения, которое может стать

передовым, чтобы научиться добиваться успеха в социальной и личной жизни и наслаждаться ею.

Страна быстро движется вперед. Меняешься внешне не только ты, но и облик страны: города, люди, природа, образ жизни, правила поведения за столом. Это самое крупное событие, произошедшее в этой стране. За короткое время столицу так перестроили, что бедняги заключенные, выйдя из тюрьмы, изумленно оглядываются и не верят своим глазам. Столичный город день ото дня становится все больше, все оживленнее. Он полон машин, кинотеатров, кабаре и казино, дансингов и высотных зданий, и неоновых табло, мигающих в ночной темноте. Однако по мере роста столицы растут и жестяные трущобы-самострой на ее окраинах. Деревенский люд, в надежде разбогатеть, валом валит в Тегеран: авось здесь хватит войлока и на их шапки. Отели заполнены бизнесменами и банкирами, представителями промышленных предприятий, фирм и оружейных заводов, туристами и деятелями искусства, певцами и актерами...

Постепенно ночная жизнь в крупных городах становится интересной. Новое поколение понемногу отходит от традиций: молодежь уже не ложится спать с закатом солнца, как это делали деды, и не просыпается с восходом. Теперь они следуют моде, а не высшим духовным лицам. Поздно ночью на улицах встречаются мертвецки пьяные мужчины, которые пошатываясь, но сохраняя набожную скромность, проходят мимо мечетей, хусейний¹ и имам-заде. Проститутки, которые от безвыходности и крайней нищеты, возносят мольбы к небу и просят святых о помощи. Наступает первая декада священного месяца мухаррам²: будто кровото-

¹ Особое помещение, в котором происходит обряд оплакивания имама Хусейна или где иногда устраиваются религиозные мистерии.

² Один из четырех месяцев, в течение которых Аллах особенно запретил конфликты, кровную месть, войны и подобные распри. О высокоочисти-мости этого месяца много говорится в Коране.

чит каждый камень, а из глаз даже самых худших грешников льются слезы, даже в шахском дворце.

Цена на нефть так выросла, что ты решаешь пересмотреть стоимость строительных объектов. Внешне все складывается правильно, везде царит покой, прямо как во дворцах Саадабада и Ниаварана. Никогда раньше ты не был так уверен в своем будущем.

Шахиня сопровождает тебя почти во всех зарубежных визитах и старается оставить о себе хорошее впечатление. Как и в прошлые годы, вы проводите зимние каникулы на далеких горных курортах Швейцарии. Это дорогое удовольствие – кататься на лыжах, развлекаться ночами. Но и здесь вас не оставляют в покое иностранцы: они наваливаются со всех сторон с предложениями о сделках, с контрактами – премьер-министры, министры, бизнесмены, владельцы промышленных объектов и даже продавцы косметики и средств гигиены.

Самолеты один за другим прилетают из Тегерана в Швейцарию, чтобы на этих заснеженных высотах государственные чиновники довели до высочайшего сведения самые свежие новости, отчеты. А ты, рассекая на лыжах, принимаешь важные решения на горных склонах, чтобы придворный министр подписывал на полях писем: «Доведено до высочайшего сведения, – соизволили одобрить» или «Согласно благословенному приказу Его Императорского Величества шахиншаха Арьямехра Великого, Главнокомандующего иранской армией, подлежащему обязательному исполнению, изволили помиловать»... Письма, полные громких и звучных монарших титулов.

Постепенно тебя начинают раздражать все эти приезды ответственных чиновников, не из-за излишних расходов на поездки, а из-за нарушения твоего божественного покоя. Ты ведь имеешь на то полное право. Приехал в эту тихую и красивую страну, чтобы отдох-

нуть, а не лицезреть зловещие лица несменных людей и не скреплять подписью все эти дурацкие письма и отчеты. Терпению тоже приходит конец. Нужно что-нибудь придумать для таких случаев. Но что? Ты ведь не можешь не приезжать на зимние каникулы, так же, как и оставить нерешенными дела государственные.

Тонем, полным сожаления и грусти, ты обращаешься к шахине: «Вот если бы можно было править страной отсюда!»

Ты и в самом деле сожалеешь о том, почему твои владения не доходят до ближайших окраин. Если бы ты обладал таким могуществом и полномочиями, обязательно поменял бы месторасположение своей страны на карте мира, чтобы больше не заставлять себя править этой, как ты выражался, «развалюхой». Но поскольку ты не можешь поменять географическую широту и долготу своей страны, ты решаешь изменить ее историческую долготу, чтобы хотя бы в этом вопросе обогнать все другие страны.

Повозившись с официальной историей страны, ты добавляешь к ней тысячу с небольшим лет и повелеваешь, чтобы народ отныне вел летоисчисление не по мусульманскому и не по солнечному календарю, а по шахиншахскому¹. Эре, начало которой положил взшедший на трон Кир Ахеменид. Народ, выполнив простейшие арифметические действия, должен был сопоставить все даты, начиная от своего дня рождения до всех личных, семейных дат и всех исторических событий прошлого и настоящего с этой датой. Сложное и запутанное дело. Так, люди стали думать, что могут, таким образом, продлить себе жизнь.

¹ Шах пытался порвать со многими исламскими традициями, даже ввёл ненадолго летосчисление не от хиджры, а от начала династии Ахеменидов (1976 год от Рождества Христова был объявлен им вместо 1355 года хиджры 2535 годом шахиншахской власти); вскоре, однако, он был вынужден отменить это непопулярное нововведение.

Проведя эти манипуляции с историей своей страны, тебе удастся соединить краткий период своего и отцова правления с длинной историей Древнего Ирана, и поставить себя поперек этой истории. И ты чувствуешь, что имеешь на это право. День ото дня ты становишься все больше и ступаешь все выше. Ты уже кажешься себе не воздушным змеем, но воздушным шаром; и такая сильная волна вздымает тебя, что тебе хочется осуществлять самые амбициозные проекты и иметь самую многочисленную армию на Ближнем Востоке, самые большие больницы и портовые терминалы, самые крупные нефтехимические, металлургические и медеплавильные комбинаты, крупнейшую авиакомпанию и даже самую большую в мире богадельню: приют для свергнутых монархов всех стран.

Где бы в мире ни свергли монарха, ты чувствуешь себя так, словно это из-под тебя выбили опору, словно это ты попал в ловушку, причем беспокоит тебя не близость как таковая со свергнутым правителем, но территориальная близость с его страной или отдаленность от нее. Когда свергли короля Афганистана, и он вынужден был, как нищий, околачиваться в Риме, ты купил для него роскошный особняк и оплатил все его затраты, включая расходы на сигареты; это не считая десяти тысяч долларов ежемесячного содержания, которые ты ему назначил. И ты устроил так, что его сына взяли на работу в одно из учреждений, не забыли и о его дочери. Ведь ты считаешь себя покровителем и царем всех царей мира, а заодно и их детей. Поэтому неудивительно, что день ото дня растет число борющихся против тебя иранских студентов и рабочих, и бедняков, и прочих противников режима.

Ты отдал приказ обеспечить бесплатным питанием всех учащихся начальной и средней школы. По всеобщему телевидению показывают новейшие кинофильмы, чтобы многие семьи коротали вечера в сво-

их саманных домах, сидя под корси¹, и смотрели современные фильмы. И время от времени заставляли детей совать головы под одеяло, чтобы не видеть некоторые презренные сцены. Так, многие религиозные семьи предпочли проводить свои вечера под теплыми деревянными корси без телевизора. Хотя многие теперь ради развлечения ходят на дискотеки, в казино и кабаре или участвуют в приемах со всей этой показной мишурой. Хотя и простой люд при желании, собрав немного денег, мог позволить себе развлечения. Но удивительно, что с каждым днем, количество недовольных растет, и это загадка, которая никак не входит в твои планы, и которую ты никак не можешь разгадать.

«Ах, мой венценосный отец! Чем зажиточнее живет народ, тем чаще он выражает недовольство. Разве я плохо поступил, заявив, что всякий, кто недоволен, может получить паспорт и покинуть страну? Если бы я был плохим правителем, разве я разрешил бы своим противникам уехать?»

Ситуация развивается не так, как бы тебе хотелось, и ты объявляешь – если оппозиция не успокоится, ты возьмешь их за хвосты и, словно мышей, вышвырнешь из страны.

Ты сидишь на больничной койке, ешь и тебя охватывает странное чувство. Ты чувствуешь себя мышью, которую народ вышвырнул не из своего дома, а из своей страны, чтобы теперь вот так лежать на холодной металлической кровати и – хрум-хрум – разжевывать свои воспоминания.

Сейчас ты путешествуешь в прошлом, это естественная реакция человека в момент отделения души от тела. Как ведут себя слоны перед смертью, кото-

¹ Четырехугольный низкий столик с жаровней и углями под ним, накрытый одеялом для сохранения тепла.

рые в полном одиночестве вызывают все свои воспоминания, и вдруг уменьшаются.

С каждым днем тебе становится все хуже. Они приходят и уходят: члены семьи, американские друзья, бывшие служащие. И все ошеломленно смотрят на тебя. В это трудно поверить... Неужели ты тот самый падишах? Ведь когда-то мысль о возможном падении или свержении тебя вызывала у них смех.

Ты треплешь по голове своего черного пса, чтобы он успокоился. Вроде бы ничто не мешает проследовать из дворцового сада во дворец и далее – в столовую залу, чтобы, как обычно, пополдничать в семейном кругу. Но шахиня надулась и сидит – не подступишься. Она не может простить вчерашнего происшествия, а все-то и было, что пес твой немного пошалил за ужином, но вот почему, мол, он заглядывает в тарелки?

Почему гостям пришлось отгонять твою собаку? Ведь морда этого пса почище человеческих ртов, и нет ей вины, кроме того, что госпоже не нравится ее вид. Почему же? Потому что у нее грозный вид и поведение ее отличается от поведения этой наряженной собаченки Ее Величества, которая и годится-то только на то, чтобы ее гладили, а поведением своим она напоминает французских женщин, ранимых и чувствительных. Как нянька твоего старшего сына, на которую ты ужасно обижен, потому что та воспитала сына так, что он теперь боится прикоснуться к ружью. И тогда по настоянию Домашнего слуги ему купили охотничье ружье. Он выстрелил в сторону дворцовых ворон и убил одну из них. А потом несколько часов плакал из-за этого.

Как же тебе противны такие собаки! Не обрати на них внимания, они тут же обижаются на тебя и поворачиваются к тебе задом. Твой пес, несмотря на всю наглость и устрашающий вид, из тех собак, которые

очень преданны и добры. Он не из тех, кто постоянно ластится к тебе в ожидании внимания, объятий. Именно поэтому ты сильно обиделся на шахиню вчера вечером. Хотя ей никогда не нравилась твоя собака, и ты знал, что рано или поздно ты поссоришься с ней из-за этого.

Все были заняты ужином, как вдруг шахиня встала и, сильно нервничая, отогнала пса от стола; и это при всех!

– Что вы изволите делать?

– Хотя все подхалимничают перед вашей собакой, мне это совершенно не нравится.

Ответ ее ужалил тебя, но ты промолчал. Ее слова означали то, что ты сам похож на этого пса и все от страха подхалимничают перед тобой. Ты не хотел унижать жену перед всеми и потому в который раз проявил выдержку и самообладание. Как говорит Домашний слуга, «поистине шахский поступок!»

Черный пес продолжал крутиться возле стола и в какой-то момент сунул морду в блюдо с тортом. Твоя дочь взяла кусок торта и дала ему, чтобы отвлечь его от стола. И пес, словно оценив ситуацию, зыркнул на шахиню и с лаем побежал прочь, в дворцовый сад. У кромки пруда резвились синие скворцы, черный пес переполошил их и прогнал ...

Вдруг из сада является в вестибюль офицер охраны и просит разрешения обратиться к тебе. Ты делаешь ему знак подойти. Наверняка у него важное дело, раз он решил тебя побеспокоить.

– Вынужден доложить Вашему Величеству, что прибыл старик-крестьянин с дарственным барашком; он проследовал к воротам дворцовой резиденции, но не хочет отдавать барашка, настаивая на необходимости лично принести его в дар. Несмотря на возражения дежурного офицера, старик упрямо твердит, что, пока не увидит Ваше Величество, не оставит подарок.

Ты смотришь на шахиню. Без слов понятно, что она не возражает. Она даже любит такие ситуации. Как и твоя дочь.

– Возражений нет. Но должны быть соблюдены все меры безопасности.

Твоя старшая дочь взволнована предстоящим появлением барашка. Она очень любит животных и держит при дворе корову и нескольких овец. У нее даже есть пугливая молодая лисичка, которая показывается из своего укрытия только ради еды. При дворе содержится и лев, подаренный тебе одним из африканских правителей, и к этому зверю твоя дочь тоже проявляет большой интерес.

Вот появляется и сам старик-крестьянин с бараном, в окружении нескольких гвардейцев охраны и в сопровождении адъютанта, который сверху до пояса, весь в золоте, а на голове у него – столь же сверкающая фуражка. Шахиня, увидев адъютанта при баране, еле сдерживает смех.

Старик издали начинает низко кланяться, а затем произносит свою речь; белый же барашек, словно его учили поведению на аудиенциях, опустил голову и так держит ее, пока старик говорит:

– Докладываю Вашему Шахскому Величеству, что, по завершении «Белой революции шаха и народа», благодаря государственной строительной программе, мы, крестьяне всей страны, избавились от прежней бедной и несчастной жизни; благодаря монаршему благоволению и заботе мы пользуемся сельскохозяйственными землями и обширными угодьями. Если, да оградит Вас Всевышний, одолевают болезни, то работники Корпуса здравоохранения излечивают нас, а работники Корпуса просвещения преподают нашим детям грамоту, дабы они выросли полезными и достойными членами общества. С выражением искренней благодарности за гениальное монаршее руководство от всех крестьян страны

скромный дар – этого барашка – нижайше приносим к стопам Вашего Величества!

Офицер подталкивает к тебе барашка – и дышит так тяжело, и пот так обильно льет с него, точно он гектары пашни вспахал. Твоя дочь пальчиками ласково расчесывает шерсть барашка, и чувствуется: она уже влюбилась в него. А животное стоит все так же гордо и с изумлением смотрит своими овечьими глазами.

Долгая улыбка, начинаясь от уголков твоих смущенных губ, тянется к растерянным вискам. Вот уже много лет ты не видел столь близко твоих подданных-крестьян. Не помнишь ты и того, когда тебе в последний раз кто-то вот так, нос к носу, приводил барана. Вроде бы заурядный эпизод, но ведь он очень значим. Нет, нельзя упускать этот исторический шанс. Нужно, чтобы вся страна узнала, как старик-крестьянин добирался до твоего дворца, чтобы выразить тебе глубокую благодарность за обустройство сел. Значение этого простого, на первый взгляд, случая перевесит сотни статей и речей. Нужно, как можно скорее, доставить сюда фотографов и корреспондентов, чтобы они засняли этот исторический момент и написали о нем. Следует и старика-крестьянина отблагодарить.

И вот, сидя за столом, накрытым к ужину, ты приходишь в такое хорошее настроение, что начинаешь произносить речь. И присутствующие тепло одобряют то, что ты говоришь о старике и его белом барашке. Как всегда, ты не можешь не упомянуть и о том, что события в стране не получают должного освещения в прессе.

– Построено такое количество фабрик, плотин, университетов, нефтеочистительных заводов, дорог, школ и стадионов, выполняется такая большая программа жилищного строительства, а в это время неблагодарные люди поднимают шум из-за того, что цена кускового сахара подскочила на несколько риалов. За десять

лет доход среднего иранца увеличился в десять раз, но народ, вместо того, чтобы слушать нас, смотрит в рот юнцам-коммунистам, этим глупцам, или неграмотным муллам, которые до сих пор не знают: «экономика» – это еда или одежда»?!

На другой день, после полудня, ты видишь на первых полосах газет счастливого старика-крестьянина с его белым бараном, и настроение у тебя становится таким праздничным, как будто это первая в твоей жизни газетная публикация о тебе. Старик смотрит в камеры этаким победителем, а вот глаза барашка получились на удивление грустными, да и весь вид его какой-то уклончивый, словно он скрывает важную тайну. Тайна эта раскрылась до публикации в газетах. Еще накануне гвардейский офицер охраны усмотрел в появлении старика что-то подозрительное и, задавая наводящие вопросы, узнал, что вся эта затея с барашком была инсценирована с целью разыграть и осмеять тебя. «Крестьянин» потом сознался, что он – старый театраль- ный актер, и что его нанял один из приближенных премьер-министра, чтобы он сыграл этот спектакль. Информация об этом позорном случае была доложена шахине, но от нее последовало указание: ни в коем случае ничего не сообщать тебе. Стало быть, получилось, что все это был театр; пьеса, которую следовало бы назвать: «Деревенский старик, невинная овца и огорченный падишах».

«Ах, мой венценосный отец! Все старались меня обмануть. Когда я узнал правду об этом происшествии, мне подумалось, что лучше быть бараном, чем падишахом: страданий меньше!»

Слышится блеянье барашка. Неужели начались галлюцинации? Чьи-то руки держат твою руку. Едва способный дышать, обессиленный, ты смотришь на

этого человека и не сразу его узнаешь. Это твой американский друг. Но язык не слушается, и ты словно забыл английский. Наконец, ты благодаришь его за проявленную заботу. Если бы не он, неизвестно, какие беды свалились бы на твою голову во время недавних скитаний.

Премьер-министр сидит напротив тебя и отчаянно пытается проглотить кусок жареного цыпленка. Домашний слуга – с озорством во взгляде – смотрит на тебя, улыбаясь. Этого премьера¹ он никогда особенно не любил. Тот еще давным-давно высказывал пессимистические соображения по поводу задуманных тобою программ и предостерегал от их выполнения – но ты тогда с его мнением не посчитался. Сейчас ты понимаешь, что кое в чем он был прав.

Посмотри на него! Этот человек – твой премьер. Он может не хуже имитаторов говорить твоим голосом, он читает твои мысли. Он произносит именно те слова, которые ты хотел бы услышать. Это невероятно, но он и сны видит те же, что и ты! Сны о том, чтобы подойти к порогу великой цивилизации и оказаться в числе пяти промышленных гигантов мира. Сны о безопасной и развитой стране без единого оппозиционера. Сны о кредитах, выдаваемых тобой промышленно развитым странам и о сломленной гордости Запада.

Твой премьер министр не похож ни на кого, кроме тебя, хотя в то же время имеет свой индивидуально-узнаваемый стиль: орхидея в петлице, трубка во рту и трость в руке. Разъезжает на «пейкане» отечественного производства и, судя по всему, не испытывает никакой любви ко всему мирскому. Известно также, что он предпочитает женщинам книги; в этом смысле он явное исключение из всех, кто тебя окружает. Ходят

¹ Амир Аббас Ховейда (1919-1979) – премьер-министр Ирана с 1965 по 1977 гг.

упорные слухи о его гомосексуальных наклонностях, и именно поэтому ты заставил его жениться, но семейная жизнь у него не заладилась. Лысый, плотный, грузный, подсмеивается надо всем на свете, в том числе и над собой. Может, именно поэтому он уже одиннадцать лет – премьер, и ты ни малейшей опасности с его стороны не чувствуешь, и он ни разу не сказал тебе «Нет». Да, это поистине уникальная личность. На званых ужинах, заметив на столе хурму, его начинает тошнить словно беременную девушку, а услышав истории о своих гомосексуальных наклонностях, которые смакуют придворные, он готов лопнуть от смеха. Впрочем, кто его знает? Может он наслаждается тем, что играет людьми. И может, он намеренно носит все эти вычурные цветастые сорочки, выставляет себя педерастом и так манерничает, размахивает своими трясуцимися и мягкими словно бараний жир руками, как токующий тетерев перед самкой.

Если вдуматься, то во всем твоём окружении премьер – самый либеральный и оппозиционно настроенный человек. Потому-то и у шахини с ним хорошие отношения. Удивительно, как он ухитряется одновременно быть шутом при монаршем дворе и запросто обедать с оппозиционными писателями, благожелательно слушать их критику режима, беседовать о новейших романах. А чуть позже, вечером, оказаться на приеме, где и ты присутствуешь, и там исполнить танец «Баба карам». Даже и тросточка его – это игра; ты спросил его однажды: «Господин премьер-министр, эта тросточка... Вам что, трудно ходить?» И он ответил: «Осмелюсь доложить, так диктует мне разум: в этой стране лучше ходить с тростью».

«Ах, мой венценосный отец! Помню, как советский посол спросил его с саркастической интонацией: «Зачем Америка послала своего шпиона номер один по-

слов в Иран?» А он ответил тонко, но так, что собеседника в краску вогнал: «Ясно, зачем: они наши друзья и не отправят к нам посла десятой категории!»

И вот ты смотришь на его лысую голову и мрачно вздыхаешь. Одиннадцать лет! Как быстро они пролетели! Этот человек был символом стабильности и долговечности твоего царствования. Ни одного премьера ты не мог терпеть больше двух-трех лет. Но этот человек без тени готов пойти с тобой и в могилу.

Срок его премьерства пришелся на поистине лучшие годы твоего правления, на время расцвета и подъема в экономике, но и невероятного расточительства, когда цена на нефть увеличилась в несколько раз, весь индустриальный мир был охвачен инфляцией, и вы отдавали Западу большую часть этих, будто ветром принесенных для вас богатств импортерам нефти. Именно в этот период страна, десять лет назад, не нуждавшаяся в импорте продуктов питания, сейчас испытывала сильную потребность в пропитании и бытовых товарах.

В плохо оборудованных иранских портах бросали якоря океанские суда. До полной разгрузки им приходилось стоять месяцами, а за вынужденный простой государство платило невероятные суммы штрафов. Для вывоза грузов из портов требовалось такое количество фур, которого в Иране не было. А когда грузовики, наконец, закупили, не нашлось опытных водителей, несколько тысяч шоферов пришлось завезти из Пакистана, но еще до их прибытия на иранских дорогах разбилось много грузовиков, и очень много грузов попортилось, сгнило в портах под дождем и солнцем.

Дошло до того, что испорченные продукты пришлось сбрасывать в море. Да и штрафы за простой судов шли такие, что дешевле было выкинуть товары в море и отпустить суда, чем дожидаться разгрузки. И это все – только частичка трудностей, с которыми столкнулась

страна. Трудности, ответственность за которые никто не брал на себя. Хотя ты и сам знаешь, что правительство без твоего приказа не осмеливалось предпринять какие-либо действия. Так или иначе, ты считаешь, что основная проблема в способе выполнения программ, а не в сути этих программ. Это ты с ростом цен на нефть поменял планы, связанные со строительством, чтобы как можно скорее достичь своих целей. Кто, как не ты дал приказ выплачивать огромные кредиты всем тем, кто попросит? Разве правительство могло без монаршего приказа выдать кредит водной компании Лондона? Или правительству Франции, африканским странам и ряду других республик? Даже несколько коммунистических стран попросили у тебя кредит. Кроме всего этого, кто выделил почти половину бюджета страны на приобретение оружия, боеприпасов и военных услуг? Межконтинентальные корабли, высокополетные разведывательные самолеты «Авакс», сто самолетов Ф-14, пять подводных лодок и четыреста современных танков, многие из которых еще не были поставлены в страну. Что из этого всего пригодилось тебе сегодня? А что осталось? Ничего!

Ты закуливаешь сигарету и неторопливо затягиваешься. Теперь, когда дела зашли столь далеко, горевать бессмысленно. И разбирать, кто конкретно и в чем виноват, – тоже. Но ты не желаешь так просто простить все премьеру.

– Мы слышали, что вы сбросили в море довольно большое количество импортного риса?

Со своей трубкой и орхидеей в петлице премьер похож сейчас на черепаху, почти втянувшую голову под панцирь, и все-таки умение обратить все в шутку не покидает его.

– Не беспокойтесь, Ваше Величество. Немного риса пришлось выбросить, зато акулы Персидского залива будут теперь есть рыбный плов!

Ты невольно рассмеялся. И шахиня громко рассмеялась, и другие тоже. Домашний слуга – единственный, кто лишь криво ухмыльнулся. И ты уже точно знаешь, что он скажет тебе завтра на ежедневной аудиенции. Так и происходит завтра:

– Я понимаю, что Ваше Величество лучше других знает, что для государства целесообразно... Но, по мнению вашего слуги, слова премьер-министра не были просто шуткой, здесь та самая политика... Ко всему относиться не вполне серьезно, как бы снижая уровень важнейших программ.

Ты грозно хмуришься, показывая министру двора, что и он не должен переходить некую черту.

– Вы соблаговолите распорядиться о моем отпуске, Ваше Величество? – спрашивает он. – Как я всеподданнейше докладывал, мне необходимо ехать во Францию для завершения обследования и лечения. Где бы я ни был, я всегда буду молиться о здравии моего великого предводителя.

– Конечно, обязательно поезжай! Со здоровьем шутить нельзя!

Поднявшись, ты протягиваешь ему руку. Он целует ее и, пятясь, движется к выходу: всегда он уходит так, точно ноги у него сведены судорогой. И смутное чувство подсказывает тебе, что ты сейчас простился с одним из лучших твоих людей. Ни у кого нет такого мужества, как у него, – сообщать тебе правду о положении в стране, критиковать ситуацию. И никто так, как он, не умеет хранить твои тайны.

Вообще говоря, состояние Домашнего слуги ухудшается. Диагноз – рак крови, и он уже давно на лекарствах, под наблюдением того самого француза-гематолога, который лечил и тебя. Но Домашний слуга не знает своего диагноза, хотя врач-француз сообщил его тебе, ведь ты имеешь право знать о здоровье министра двора.

И вот он удаляется из твоего кабинета, словно тень; но, по всегдашней привычке, прежде чем закрыть за собой дверь, как бы прислушивается к твоему состоянию: монарх рассержен или доволен? И ты не хочешь огорчать его еще больше и щелкаешь каблуками – сильно, несколько раз подряд...

Сегодня дежурит медсестра-смуглянка и все еще почему-то не пришла. Если бы Домашний слуга был здесь, вы могли бы часами болтать, обсуждая ее. Добрая память ему! Своим красноречием он мог укротить самых неприступных женщин; что никогда не удавалось тебе.

«Я не знаю, догадывался ли Домашний слуга о моей настоящей болезни? Но странно, что и у него оказался тот же диагноз. Но почему? Почему мы оба болели раком крови? Что за странное совпадение?»

Ты вспоминаешь слова шахини, сказанные много лет назад. Это предостережение об опасности всех этих укрепляющих потенцию таблеток: на растительной, животной основе, химических препаратов. В тот день ты сослался на ее женскую ревность и не обратил внимания на ее слова, но теперь ты чувствуешь, что по всей вероятности она была права: «Значит, и я, и Домашний слуга на самом деле заболели раком от всех этих лекарств?»

Ах, если можно было бы вернуть все назад, чтобы опять быть здоровым и не принимать эти проклятые таблетки... Посмотри, кто пришел повидаться с тобой?! Домашний слуга... Стоит у дверей палаты и голосом, который после смерти стал более отчетливым, говорит: «Будьте покойны, Ваше Величество! Медсестра-смуглянка пришла!»

Ты улыбаешься, пусть даже криво, косо, как след от швов на твоём животе, которые начинают чесаться.

– Hello majesty!

Изящным и царственным движением ты достаешь сигарету из позолоченного портсигара и ждешь, пока Дохлый мышонок щелкнет зажигалкой. Надув от важности свой двойной подбородок, с выражением удовольствия на лице, он подносит тебе огонек. Естественно, выражение его лица – не более чем притворство, чем он все время занимался во время игры в карты. Он – один из источников головной боли в твоём окружении. Но хотя он и совершил много скандального и ошибочного, тебе он, скорее, нравится. Забавен, приветлив, и у него – неиссякаемый кладёзь красавиц для тебя. Наверное, поэтому ты закрываешь глаза и на его ошибки, и на жульничество в картах, и на манеры: вот и сейчас он почему-то все время почесывает нос. И этак гнусаво провозглашает:

– Ваш ход, Ваше Величество!

Не взглянув лишний раз в карты, ты бросаешь на стол туза, короля червей, даму и валета треф. Дохлый мышонок ничем ответить не может, остальные – тоже. Бросает карты на стол. Ты выиграл!

– Сегодня сама удача на стороне Вашего Величества!

Играете вы не на деньги, а так, чтобы время занять. Выражение лица Дохлого мышонка после каждого проигрыша комично: поистине дохлый грызун. А вообще он беспощадный картежник, но с тобой играет так, словно родился на свет только для проигрышей. С другой стороны, и ты стараешься изо всех сил. Этим-то тебе и нравится игра вист. В этой игре судьбу человека определяют карты, но и от самого игрока зависит выигрыш или проигрыш.

Хотя тебя особо не заботит выигрыш или проигрыш, но судьба очень многих вещей решается через твою игру. Дохлый мышонок говорит:

– Ваше Величество осведомлены, что в северных районах...

Ты грозно хмуришься. Опять этот практицизм! Вот потому-то ты ни одному человеку особо не доверяешь – из-за таких вот подходов.

«Ах, мой венценосный отец! Если бы я слишком доверялся им, они бы с каждым карточным ходом что-то выигрывали. Они как сорняки: появляются мгновенно. Каждый вечер, помимо членов семьи, присутствуют и эти дельцы и бездельники, они нам кусок спокойно проглотить не дают».

Подходит дворецкий и сообщает тебе, что дежурному адъютанту позвонил глава САВАК, у него срочный телефонный разговор. Затушив сигарету, ты идешь к телефону.

– Довожу до сведения Вашего Величества, что несколько часов назад были убиты трое американских граждан, работавших у нас управляющими. Все подробности этого позорного происшествия, если Ваше Величество разрешит, я представлю вашему высочайшему вниманию завтра.

Ты некоторое время смотришь на диск телефонного аппарата, затем возвращаешься за карточный стол. Дохлый мышонок уже раздал карты, и все ждут тебя. Ты берешь свои карты и всматриваешься в них. Ни одной стоящей! Только вот бубновая дама и... «Завтра опять западная пресса поднимет враждебную кампанию против нас». Одну за другой ты бросаешь карты на стол. «Наверняка напишут, что западные государства должны пересмотреть свои отношения с самолюбивым шахом Ирана и отказаться от поставок современного оружия ему». У тебя остался только трефовый валет. «Это те самые вооруженные группы, которые наши полицейские все время «полностью ликвидиру-

ют»? Во всех докладах страну представляют совершенно спокойной и безопасной. Разгромлены, мол, последние подпольные группы, и все влиятельные борцы с режимом и симпатизирующие им якобы брошены за решетку – коммунисты, религиозные фундаменталисты, националисты...»

Ты сбросил последние карты. Хуже игры быть не могло! Теперь очередь банковать Дохлому мышонку, и вот он тасует карты... Поступившие отчеты говорят о том, что шахскому режиму угрожает большая опасность, и силовые структуры со всей серьезностью исполняют свой долг. В этот самый момент, когда ты перебираешь карты, различные подразделения САВАК внимательно обследуют все районы. Во всей стране не шелохнется лист дерева, о котором ты не знаешь. Мошка, не взмахнет крыльями без твоего ведома. Каждое утро тебе передают черную папку, полную сверхсекретных сообщений о происшествиях внутри страны и за рубежом. Это информация, которая собирается исключительно для тебя, и никто другой не имеет к ней доступа. От передвижения русских на приграничных возвышенностях до цвета нижнего белья супруги одного из командующих шахской армии.

Играть больше нет настроения. Ты бросаешь карты на стол и идешь в туалет, чтобы опорожнить свой мочевого пузырь до последней капли. С тобой происходит такое, каждый раз, когда ты начинаешь волноваться. С другой стороны, в почках твоих образуются камни, и ты вынужден выпивать большое количество минеральной воды. Поэтому так часто ходишь в туалет. А перед сном ты должен выпивать снотворное, чтобы поспать немного. Поэтому утром, приступая к работе в кабинете, начинаешь зевать.

Ты сидишь за полированным резным столом, и все время зеваешь. От сильного волнения начинаешь отбивать пальцами по столу и дергать волосы на голо-

ве. Ходишь по комнате и разговариваешь сам с собой. Вспоминаешь Домашнего слугу и невольно вздыхаешь. Добрая ему память! Едва войдя в кабинет, по одному взгляду мог прочесть твое настроение. Вот если бы он сейчас был здесь и помог тебе. Среди твоего окружения, он был единственным человеком, кто предвидел эти события. Говорил, что настанет день, когда все чиновники обвинят тебя в собственных грехах. Он многократно предупреждал тебя, что между государством и народом сложились негуманные отношения. Государство ведет себя как народ, победивший, какое-то племя. Его слова еще звенят в твоих ушах. Ты хорошо помнишь, как однажды он сказал тебе: «Хотя слуге благодаря поддержке Вашего Величества удалось подавить волнение духовенства 15-го хордада 1342 года, мы все же должны следить за ними в четыре глаза, чтобы они вновь не подняли головы».

В те дни ты чувствовал себя таким могущественным, что не принял всерьез предупреждения. Ты даже посмеялся над ним, всерьез считавшим мулл опасностью. Ты думал, что раз он был твоим премьер-министром в то время, теперь, вспоминая те события, хочет оказать тебе услугу. Конечно, с твоей точки зрения 15 хордада был важным днем, когда тебе удалось навсегда подавить духовенство. Ты даже сказал однажды Домашнему слуге: «Я думаю, что 15 хордада является переломным моментом в истории моего правления».

Ты считал, что те события навсегда канули в лета и теперь уже никакая опасность не угрожает тебе со стороны духовенства. Ты ведь даже не подозревал, что можешь быть укушен этой змеей. Ты даже не вспомнил об этом. Но они-то ведь помнили о тебе. И каких только планов не построили на счет тебя. Секрет их успеха заключался в том, что действовали они в открытую прямо на глазах саваковцев. Твоя служба разведки действовала очень успешно с подпольными группами.

Но ты ни во что не ставил мулл, чтобы почувствовать малейшую опасность с их стороны. В будущем твоей страны этому слою не было отведено никакого места. И ты считал их древними существами, которые с приходом новой цивилизации исчезнут сами собой. Да и чем они располагали, чтобы ты мог отнять у них? Кроме красного языка, устаревшей информации, чалмы, накидки и деревянных сандалий без задников? С модернизацией всех сфер жизни и эти вещи исчезли бы сами по себе. Откуда ты знал, что эта твоя хроническая радость вскоре превратится в страшный сон, в злокачественную опухоль, которая тихо спала в твоём теле, и теперь неожиданно воспалилась и дала о себе знать; как раковые клетки, постепенно прорастающие в твоём организме, а ты ни о чем не подозреваешь.

«Ах, мой венценосный отец! Я признаю, что недооценил силу мулл. Кто бы мог подумать, что они однажды объединятся, не говоря уже о том, что смогут оказать сопротивление другим группам».

Теперь ты понимаешь, как точно предсказал будущее Домашний слуга. Так же, как и многие другие слова. Надо не забыть справиться о его здоровье и проявить сочувствие. Вряд ли он сможет теперь исполнять обязанности министра двора. Он уже несколько месяцев во Франции, и рак приковал его к постели... Бедняга Домашний слуга!

* * *

Стройными рядами мы направляемся из школы к главной улице города. Сегодня все не так, как в другие дни. Многие одеты по-праздничному, с иголочки. Мы вступаем на главную городскую площадь: ну и сумато-

ха! Все городские воробьи слетелись на растущее здесь ясеневое дерево, семена которого похожи на воробьиные язычки, и всюю обсуждают предстоящее событие. И народ собрался: женщины-домохозяйки, каменщики и другие строительные рабочие, и сотрудники учреждений, и извозчики, и лавочники, и учащиеся школ, и кого только нет!

Отдельно вдоль улицы стоят дети представителей высших городских слоев с розами в руках, все в одинаковой белой одежде, они должны сказать тебе – шахи-не, когда ты прибудешь в наш город, – «Добро пожаловать!» Эти дети во всех отношениях отличаются от нас, наверное, у них само естество другое. Они сотворены из хорошей глины, а мы – из плохой. Они пахнут приятно – одеколоном, например; а мы – дымом тех костерков, что тайком жжем после школы или до нее. Их ручки нежные и мягкие, а наши – в цыпках. Мы говорим по-народному, не разбери-пойми, а они – по-человечески...

Все тянут шеи, вглядываясь вдаль, ожидая тебя. Старые хаджи-болтуны при мечети поднялись на крышу и стоят рядом с куполом, а базарные хаджи стоят, переминаясь, перед зданием рынка. Ленивое осеннее солнышко легло на асфальт прямо посреди улицы, чтобы раньше всех поцеловать твои стопы. Женщины-домохозяйки шушукаются, и слова «из мухи слона» порхают по всему городу – от кладбища до винного магазина на верхней площади, – но тебя по-прежнему все нет.

И вдруг слышится шум, волнение охватывает людей, некоторые показывают пальцем в небо, и тут только мы понимаем, что в ожидании тебя следует смотреть именно в небо, а не в конец проспекта, который там, вдали, открыт, словно ворота, в пустыню. И мы все смотрим в небо; как страдающее от засухи племя в ожидании дождя, так и мы жаждем увидеть стальную птицу, что принесет тебя к нам; и тут опять начина-

ются вопли и суматоха, все показывают пальцами на точку в небе, и слышится глухой рокот снижающегося вертолета. Не видно, однако, ничего, кроме пыли.

Вновь все успокаиваются. Старый городской мясник рывками тащит барана к триумфальной арке и привязывает его там. Бедное животное нюхает воздух влажным носом и, как все мы, смотрит в небо своими глазами цвета халвы, чтобы, быть может, в последний миг увидеть тебя. Старый мясник раздраженно скидывает ногой в арык помет барана, потом подтачивает о бортик арыка свой острый нож с роговой рукояткой, чтобы сделать его еще острее.

Тот ряд, в котором стоят сотрудники учреждений, выглядит аккуратнее других. Все при галстуках и в костюмах, у кого помятых, у кого отутюженных, и в небо они поглядывают вежливо. А один из них так нервно зевает, что узел галстука на шее прыгает, словно в истерике.

Городские чиновники, а вместе с ними какие-то мужчины в черном, бесцельно прохаживаются туда-сюда, и походка у них такая, будто само колесо судьбы поворачивается с их хождениями и поворотами. Куда ни посмотришь, увидишь приезжего сотрудника, застывшего на месте как камень, словно в наказание за какой-то непростительный грех. Они повсюду: на крыше здания рынка, на минарете главной мечети и даже за каменной резной кувической надписью на портике мавзолея имам-заде.

Оживают репродукторы, объявляющие, что, поскольку Ее Величество спешит посетить пострадавшие от селя районы, церемония официальной встречи отменяется; однако согласно заявленной ранее программе мероприятия будут продолжены после трех часов полудни...

Первыми врассыпную бросаются школьники. Я тоже кидаясь бежать и не останавливаюсь, пока не до-

бираюсь до отцовской лавки стройматериалов; только там перевожу дух. Сам отец стоит, привалившись к притолоке, и с гневом и улыбкой смотрит на прохожих – как усталый пророк, что не смог докричаться до неба молитвами и теперь взглядом дает людям понять, что их ждет наказание. По лицу отца видно, как он страдает...

(Мы позже поняли, почему так нервничал в тот день мой отец. Усилия его и еще нескольких человек, намеревавшихся сорвать официальное мероприятие, не увенчались успехом, ни один план не сработал. Вообще, с точки зрения городских служб безопасности, я был сыном неблагонадежного отца. Ведь он, каменщик, находясь на строительных лесах, сказал другому рабочему, который снизу бросал ему кирпичи:

– Шах – прислужник американцев, а если бы не это, я сейчас не стоял бы на лесах, да и ты не кидал бы мне кирпич.

Из-за одной этой фразы на моего отца было заведено дело в службе безопасности, причем, отнюдь не тоненькое! По мере того как шло время, в нем прибавлялось по столько же страниц, сколько этажей было в зданиях, которые строил отец... Через много лет он получит эту папку и принесет ее домой под мышкой; только тогда мы поймем, что его и в самом деле всерьез считали подрывным элементом. Его, например, видели беседующим со ссыльным муллой, которому он пообещал прислать работника, чтобы выкорчевать засохшую черную шелковицу, называемую по-персидски шахтут. И жаркие деньки встречи шахини тоже прибавили страничек в эту папку: еще одно донесение описывало день, когда в лавку отца заглянул полицейский и сказал, что отец должен, как и другие владельцы лавок, вынести из дома ковер и положить его на тротуар для создания праздничной атмосферы во время встречи Ее Величества. Но отец, который, по мнению ответствен-

ных работников САВАК, имел стойкую склонность к противодействию властям, ответил опять-таки подстрекательски...)

Наскоро пообедав, мы опять бежим на улицу и уже безо всякого порядка стоим на тротуарах. Мимо нас, завывая, проезжает несколько длинных автомобилей, и покой застеленных коврами улиц разлетается вдребезги. Какое-то время мы все, сломя голову, кто и как может, бежим за автомобилями – бежим, бежим... И вдруг в самый исторический до сей поры миг нашей стадной жизни мы видим тебя – царицу бархатных снов. И мы в смертельном исступлении кричим «Ура!», и ты, как богиня во плоти, появляешься из автомобиля. Сначала мы видим твои светозарные ноги, а потом и всю тебя, глядящую на нас с такой добротой, – и мы в предельном возбуждении, не помня себя, окаменеваем, словно бесчувственные статуи.

Не знаем, сколько длится то время, пока ты – легкими, как рассветный ветерок в солончаковой пустыне, шагами – проходишь мимо нас, окаменелого народа, и следуешь в сторону народной гостиницы, чтобы торжественно объявить о ее открытии. В брошюрах, которые нам раздали в школе, говорилось, что по твоему приказу построены народные гостиницы в городах, граничащих с солончаковой пустыней. Эти строения стилизованы под старинные – кирпично-арочные, с куполом. В той же брошюре мы прочли, что ты – правительница, которая поддерживает ремесла и любит традиционный тип жилищ, ибо у каждого, кто живет в них, возрастает «сила мечты». И мы теперь понимаем, почему наша сила мечты больше силы разума: ведь мы живем именно в таких жилищах.

Мы снова приходим в себя, и в том пространстве, что находится между явью и сном, видим, как ты, словно современный ангел, выходишь из народной гостиницы и вновь показываешься нам. Теперь мы можем хоро-

шенько разглядеть тебя. На тебе белый костюм, состоящий из жакета и юбки, и кожаная шляпа, закрывающая волосы почти полностью. Туфли – из нежнейшей кожи, сумочка – будто из крыльев бабочки.

Внезапно ты выходишь из кольца охраны и направляешься к женщинам. У всех захватывает дух, а некоторые плачут и даже рыдают. Улыбаясь, ты машешь женщинам рукой, и перстень на твоём пальце блестит и переливается, завораживая взгляд. Сгибаясь и выпрямляясь, твоё нежное тело изящно движется под осенним солнцем, словно молодая веточка фисташкового дерева.

Ты идёшь вдоль улицы, приветствуемая возбуждёнными криками, заходишь в здание рынка, изящно ступая туфельками по коврам... Стоишь и смотришь на арочные изгибы и углы, на приятные прозрачные тени под крышей; на все те чудные сочленения старинного сооружения, которых мы, местные жители, не замечаем и не ценим.

Торговцы горстями кидают тебе под ноги фисташки, а ты замедляешь шаг возле парфюмерных рядов и своим изящным царственным носом так глубоко втягиваешь в себя этот цветочный запах, словно нашла в нём эликсир молодости. И ещё раз ты останавливаешься у мастерской каламкаров¹ и смотришь на волшебные ловкие руки мастеров – как они наносят на ткань узоры. Твои печальные губы приходят в движение, а начальство торопливо записывает твои слова и кивает-кивает головами.

Уже густеют вечерние сумерки, когда мы, словно бесформенное и неорганизованное стадо, расходимся по домам, чтобы увидеть продолжение твоего благоуханного визита в мире сновидений. Говорят, что эту ночь ты проведешь в народной гостинице, а завтра утром отправиться в деревни на границе с пустыней.

¹ Каламкари – ситец или холст ручной набивки.

Моя мать громко переговаривается с соседкой через невысокую стену, разделяющую наши дворы:

– Я поверить не могу, что она четыре раза рожала!

Соседка заливисто хохочет. Я ее не вижу, но знаю, что ее большой живот колыхается сейчас как бурдюк, в котором сбивают сливочное масло.

– По чести и почет, дорогая моя! – отвечает соседка. – Все же ясно: если бы мой горе-хозяин тоже был шахом, я бы и сорок раз родила – бровью не повела.

Город успокоился, а от тебя и след простыл, словно все это нам во сне приснилось. Но приехали уполномоченные из столицы – и вот ходят по домам...

На первой странице вчерашней газеты (а в наш город центральные газеты приходят с опозданием на сутки) мы видим фотографию: ты преклонила свои колени из слоновой кости возле печи и прямо из огня бархатистыми ручками вынимаешь лепешки. Несколько крестьянок – полногрудых, похожих на помощниц богини благодатных источников и благополучия – стоят вокруг, не отрывая от тебя взгляда.

Указав на это фото, отец произнес:

– Позавидуешь ее мужу. Он не знает, какой хлебушек ему женушка выпекает!

Раздается стук в дверь. Я бегу открывать. Двое мужчин в черном входят во двор и приказывают:

– Беги, позови отца!

Но в этом нет нужды: отец уже сам вышел во двор.

– Вы должны пройти с нами в участок, чтобы кое-что прояснить!

Один из этих двоих в черном вместе с отцом входит в дом, не снимая обуви, и будто ненароком приоткрывает пиджак, чтобы все разглядели оружие у него на поясе. Брат, сестра, я – мы в растерянности стоим рядом с матерью и смотрим на этого мужчину в черном, который, как зловеющий призрак, наблюдает, прислонившись к стене, за отцом. Непонятно: какой

грех мог совершить отец, что на него так пристально смотрят?

Никогда раньше я не видел отца столь униженным. За несколько секунд он превратился из строителя домов в злодея и преступника. И я так переживаю из-за того, что он ничего не может возразить непрошеным гостям!

Отец со значением смотрит в глаза матери и выходит вместе с полицейскими во двор. Вдруг, словно вспомнив о чем-то важном, он указывает в угол двора и говорит:

– Не забудьте закрывать кран керосиновой бочки потуже!

И это были последние слова, которые я услышал от отца – до того, как ему изуродовали руки, до того, как...

* * *

Как всегда, ты возвращаешься в Тегеран с полными руками и с переполненным сердцем. Но возвращение – лишь начало пути. Теперь нужно с сотней предосторожностей сообщить обо всех выявленных недостатках мужу и использовать все твои женские чары, чтобы он не пропустил эти слова мимо ушей. Как правило, он принимает большинство твоих предложений, но иногда – решив, что ты заходишь слишком далеко, – впадает в гнев. Он считает, что ты «излишне эмоциональна», и что, с твоей точки зрения, любая проблема является вопросом жизни и смерти.

Что ж, он прав: ты очень эмоциональна, и в последнее время это твое качество усилилось. Но именно благодаря своей женской эмоциональности ты быстрее, чем он, чувствуешь изменение ситуации. Ты всем существом ощущаешь, что народ с каждым днем все больше отдаляется от шахского двора. Внутренний

голос кричит тебе, что приближаются зловещие события. Даже на общих аудиенциях и во время праздников народ уже не выражает Его Величеству те чувства, что раньше были чем-то само собой разумеющимся. Письма, получаемые канцелярией шахини, тоже становятся все более отчужденными по тону. Само лицо народа кажется тебе теперь незнакомым, и какие-то реакции толпы ты не понимаешь. Молодое поколение лелеет такие мысли, которые повергают тебя в изумление и страх. Стоит лишь подумать об этом, и в сердце сгущается тьма. У тебя такое чувство, словно ты беременна необычно уродливым плодом, и роды неумолимо приближаются...

Когда врач-француз открыл тебе тайну ужасной болезни мужа, для тебя весь мир рухнул.

– То есть мой муж уже несколько лет находится в лапах ракового заболевания, а мне об этом не сообщали... Почему?!

– Такое решение принял сам Его Величество. Не забудьте, что он не знает о нашей с вами встрече – как и о своей истинной болезни.

– Значит, именно поэтому всегда говорят, что у нас мало времени?!

– Да, поэтому; но сейчас мы вам сообщили об этой опасности для того, чтобы в таких тяжелых обстоятельствах вы нам помогли. Вы единственная, кто может обеспечить все необходимое: тщательный уход и постоянную заботу.

– Обязательно все выполню; вот если бы еще знать, сколько времени...

Ты решаешь стать ангелом-хранителем мужа, оберегать его и никогда не оставлять одного. Нельзя, чтобы кто-то об этом узнал, особенно – дети. Ты должна в одиночку нести этот страшный груз.

А он вовсе не чувствует слабости – наоборот, он бодрее обычного, так что ты даже порой сомневаешься в

диагнозе французского врача. Просыпается он рано утром и, завтракая, листает свежие газеты и журналы или читает секретные сводки. Затем в своем рабочем кабинете встречается с сановниками или же отправляется куда-то; вскоре после полудня обедает; затем, после краткого отдыха, массажист делает ему массаж. Потом – короткое занятие в тренажерном зале, с гириями; немного пошутить и поиграть с детьми; затем – опять работа. Вечером он тоже обязательно, несмотря ни на что, присутствует за ужином, после чего смотрит фильм или садится с приближенными за карты, либо другую игру. Довольно поздно отправляется спать и любым способом, пусть даже с помощью снотворного, на несколько часов засыпает. А потом – новый день и новые заботы!

Каждое утро он все свои силы бросает в работу, и как же он торопится выполнить начатые программы! Не зная, какая страшная болезнь работает в нем, он вместе с тобой катается на лыжах. Вы вместе ныряете в прозрачные воды возле острова Киш и любуетесь коралловыми рифами. На мотоцикле он гоняет по всему острову, а на джипе вы – вместе с детьми – ездите по грунтовым дорогам. Как трудна жизнь бок о бок с мужчиной, который одновременно является шахом, твоим мужем и отцом твоих детей! Как ты ни стараешься, ты не можешь стать близкой ему. Он с каждым днем все больше отдаляется от земли.

* * *

Бабушка Шахрбану, что называется, выплакала все глаза, и они потускнели, как пуговицы на ее жакете. Уже давно о моем отце нет никаких вестей. Мы только знаем, что он в тюрьме; видимо, преступление отца касалось тех ругательств, которые он заочно адресовал

правлящему режиму. Его преступление оказалось весомее всех кирпичей, сложенных им за всю жизнь.

Отца увезли, и наша семья стала вроде прокаженных. В школе дети смотрели на меня так, словно я – из еврейского племени гебров. Книгу шаха «Мое служение родине» раздали в классе всем, кроме меня. Примерных учеников везут в летний лагерь, а меня высадили из автобуса: почему, мол, не принес письмо-разрешение от отца? Объяснили бы лучше, как мне встретиться с моим отцом!

Лето пришло, а отца все нет. Живой ли, мертвый – не знаем. Родственники – дядюшки – обращались всюду, куда только можно, но без толку. А уж бабушка Шахрбану поливала их дворы слезами, как из лейки...

* * *

«Ах, мой венценосный отец! В те самые годы, когда я решил, что страна мне уже тесна, моя проклятая селезенка начала пухнуть сверх всякой меры!»

Ты смотришь, как капля за каплей кровь течет тебе в вену, и вспоминаешь, как в последние годы правления время словно бы ускорило, и земля под ногами закрутилась быстрее. А вот ты – подчиняясь, конечно, и времени, и земле – вращался все-таки по собственной орбите, именно поэтому ты и видел себя где-то в глубинах космоса, а от реальной жизни оказался отрезан. В противном случае тебя не застали бы врасплох все эти события, когда народ внезапно высыпал на улицы и снес до основания все, что ты пытался построить...

Медсестра с локонами-силками смачивает твои сухие губы влажной ваткой и смотрит на монитор. Удары сердца у тебя редки и далеко отстоят один от

другого, хотя с иной точки зрения расстояние между ними ничтожно. Но дистанция между жизнью и смертью бывает еще короче. Твое сердцебиение выглядит на мониторе, словно музыкальные ноты – запись особой музыки, в которой очень много тишины. Но если не будет следующего удара, то и музыка кончится. Эта мелодия – ритм жизни самого одинокого падишаха на земле, который больше не боится смерти. Ты уже видишь себя не тем, кем был раньше, не привязанным к земле; ты уже принял небесную судьбу. И сегодня единственное, что тебя пугает, – это небытие: само его содержание, сама его форма.

Спина чешется. Ноги – бедра – зудят. Все тело твое пошло крапивной лихорадкой, включая интимные места. Сколько ни чешись, делаешь только хуже. Много лет ты сражаешься с крапивницей, и никакое лекарство не помогает. Но такие красные волдыри – единственное, что ты можешь предсказать с уверенностью... Неужели это от кальция, который ты каждый день глотаешь вместе с витаминами? С завтрашнего дня нужно прекратить пить кальций, чтобы, наконец, покончить с крапивницей. Но почему именно кальций? Может быть, все дело в тех таблетках, которые ты принимаешь против воспаления селезенки?

Ты смотришь на часы. Командующий, якобы подающий пример пунктуальности, сегодня опаздывает. Нажимаешь на кнопку звонка, но никто не является.

«Куда к черту подевался этот болван, адъютант?»

А может быть, сильную крапивницу вызывает прием препаратов, стимулирующих мужскую потенцию?.. Черт бы все побрал!.. Будь это действительно важно, доктора не относились бы с таким равнодушием... Кстати, почему они не считают это важным?

«Почему? Быть может, потому, что у меня что-то более серьезнее?..»

Чтобы отвлечь себя от зуда и не чесаться, ты подходишь к пуленепробиваемому окну и смотришь на любимую столицу: Тегеран вальяжно раскинулся, повернувшись к тебе спиной. Человеческие связи в нем ты перестал понимать. И ты хочешь облететь сейчас этот город и взглядеться в него сверху, чтобы понять: есть ли еще место для тебя в сердцах его жителей?

Резкий шум настораживает... Нет, ничего особенного: бьют крыльями голуби-сизари, гнездящиеся наверху, на крышах. Нужно сказать министру двора, чтобы почистили крыши. И водопроводные трубы во дворце надо менять: их шум будит тебя по ночам.

Заложив руки за спину, ты шагаешь по кабинету. Как запертый в кладовке кот: ярость и бессилие. Сидишь в украшенное резьбой кресло и барабанишь пальцами по столу. Сильный зуд на бедрах искушает почесать их; вместо этого ты снова вскакиваешь и подходишь к окну.

Хотя стекло и пуленепробиваемое, но все равно уже ощущается аромат весны. А ведь до конца зимы еще далеко. Но не зря, наверное, народ скандирует: «Шаху – назло, зиму – в весну...»

Горло перехватывает от их неблагодарности.

«Ну, и где эти недотепы?»

В окно ты видишь гвардейца охраны, прислонившегося к дереву и глядящего на синего скворца...

Скворец, услышав гром вертолетного двигателя, взлетает на крышу дворца Ахмад-шаха... Ты стремительно выходишь в аудиенц-зал. Глава канцелярии и несколько дворцовых сотрудников, увидев тебя, каменеют. Столь же быстро ты сбегает по ступенькам в сад. Охрана у главного подъезда вытягивается по стойке «смирно». В саду армейские адъютанты начинают перебегать с места на место. Ты выходишь на вертолетную площадку. Командующий и командир шахской

гвардии отдают тебе честь. Встревоженно взглянув на часы, ты поднимаешься в кабину вертолета.

Опустив рычаг «шаг – газ», ты отрываешь вертолет от земли. Выговор командирам решаешь не делать: ясно, что опоздали они из-за общей неразберихи. В обычное время за такую провинность им грозило бы понижение в должности, однако сегодня впору, наоборот, повышать в должности за пусть нечеткое, но все же – выполнение обязанностей.

Набрав высоту, ты сразу направляешь вертолет к центру города. Вдоль холодных пустых улиц тянутся цепочки голых зимних деревьев и стоят мрачные танки. Не увидев своими глазами протестующих, ты не поверишь докладам, которые, как всегда, противоречат один другому. Компетентные органы оценивают количество демонстрантов максимум в двести тысяч.

Пролетая вдоль проспекта Шаха Резы, ты снижаешься и смотришь вниз. Там, насколько хватает глаз, все заполнено черной толпой. Этот ревущий поток бьет изо всех боковых улиц, льется по всем мостам и течет в сторону площади Шахйад.

Ты моргаешь, чтобы яснее видеть. Не верится, что такая уйма людей протестует против тебя. Сокрушенно покачивая головой, ты глядишь на командующего и на командира гвардии. А они опустили глаза, чтобы на них не обрушился шахский гнев.

– Какое безумие выгнало их всех на улицы? Хотя бы список требований у них есть? Они с ума сошли! Что они вообще там кричат?

Ты еще больше снижаешь вертолет, и теперь тебе грозят тысячи сжатых кулаков.

– Доводим до сведения Вашего Величества, что согласно полученным данным главари мятежа сегодня впервые приступили к выкрикиванию лозунгов против высочайшей власти.

Кивнув, ты вновь набираешь высоту.

«Какова конечная цель протестующих? Где закулисные дирижеры, возбуждающие народ, и кто они? Где их обучили так грамотно и ловко руководить людьми? Но самое главное: чего они, в конце концов, добиваются? Ведь нельзя же до бесконечности держать народ на улицах...»

Полицейских и военных нигде не видно. Таково решение Генерального штаба шахиншахской армии, поддержанное тобой: временно уйти с пути протестующих.

Ты берешь курс на дворец.

«Чудесное решение! Что может быть лучше для народа? Люди и в демонстрации поучаствуют, и проблем никаких. Наверное, еще и в гости успеют: закусят в дружеском кругу и обсудят увиденное...»

На совещаниях высказывания сановников больше похожи на бред. Такое громадное движение не подавить. Начнешь расстреливать – это как в себя стрелять. Да ведь и безоружен народ, а значит, нет предложения, чтобы с ним воевать. В такой тупик за все годы правления ты еще никогда не попадал.

Ты почти вбегаешь в дворцовый вестибюль, и шахиня пугается твоего бескровного лица. Приказываешь срочно собрать высшее военное командование. В ушах твоих все еще стоит шум протестов. Увидев с воздуха такое количество народа, ты стал другим человеком.

Все такой же бледный, тыходишь в залу, где собрались военачальники, и суммируешь свой ужас одной фразой:

– Такие массы могут сделать, что захотят...

Заседание проходит безрезультатно. Нужно действовать. Время утекает сквозь пальцы. Лучше всего – поговорить с народом напрямую. Наверняка есть возможность исправить ошибки. Неужели тебя не услышат? Нужно поговорить с людьми громким и ясным голосом: ты объявишь, какие именно личности все эти годы крали национальные богатства; ты назовешь пре-

дателей, которые довели дело до того, что цены на жилье взлетели выше крыши. Ты громко объявишь, кто именно спекулировал луком – да так, чтобы у народа слезы потекли.

Ты потрясен настолько, что предоставил другим решать, что именно ты скажешь. Есть же кто-то на национальном телевидении, знающий, какие проблемы следует затронуть в обращении к народу. И вот ты сидишь перед телекамерой и читаешь текст покаянной речи, написанной для тебя.

После этой ненужной речи ты назначаешь премьером военного, чтобы он обеспечил в стране порядок на время радикальных конституционных реформ – однако порядка как не было, так и нет. Твоя мать, Тадж ол-Молук, и многие члены шахской семьи уехали из страны. Ты отдаешь приказ начать расследование дел растратчиков и расхитителей. Выпускаешь из тюрем большое количество политзаключенных, которые тут же присоединяются к протестующим на улицах. Бывшего премьера с трубкой и орхидеей в петлице и бывшего главу САВАК – Страшилище, – а также группу других сановников ты арестовываешь, чтобы народ понял, от кого именно он терпел все эти годы столько бедствий; чтобы еще раз доказать, что не ты – источник несчастий.

Ты подолгу сидишь в своем мрачном, с притушенными огнями кабинете и с тоской думаешь об упущенных возможностях. Иного выхода нет, кроме как просить о помощи кого-то из тех, кого раньше ты сам изгонял из высших сфер. Но многие из них уже умерли, а другие – ты осознаешь это – приравнивают к мертвецам тебя.

«Ах, мой венценосный отец! В те дни даже хромая собака была в бóльшем почете, чем шах! Можно подумать, что я за тридцать семь лет правления не сделал ничего достойного не то что похвалы, а даже упоминания!»

Однажды ранним вечером мы все сидели на крыльце и ели арбуз, как вдруг бабушка Шахрбану воскликнула:

– Вестница... Вестница!

«Вестницами» в наших краях называют бабочек... А на следующее утро домой вернулся отец, неожиданно для всех. Лицо его было совсем незнакомым, и вообще он очень изменился в тюрьме. Когда бабушка Шахрбану увидела его кривые, изуродованные пальцы, она как-то вся застыла, словно бабочка зимой; и уже, в общем-то, не поднялась.

Бабушку Шахрбану, как засохшую бабочку, мы помещаем в кладбищенскую коллекцию и возвращаемся с похорон домой. Такое ощущение, словно в могилу мы опустили всю доброту мира. Кто теперь будет чистить гранаты, отделяя зерна от перегородок? Кто будет выговаривать джиннам в крытом водохранилище, чтобы они не вмешивались в наши дела? Кто остановит отца, в ярости готового наказать нас, детей? Кто будет выжимать виноградный сок и заливать его в банки на хранение?..

Отец вновь принимается за строительство и торговлю стройматериалами; с такими пальцами работать трудно, а дело его в тайной полиции все распухает.

«Ах, мой венценосный отец! В эти тяжкие дни люди так изменились, что, наверное, даже мать родная не узнала бы их».

Шахиня без перерыва звонит тебе и требует, чтобы ты остановил смертоубийство. И ты даешь приказ полицейским и солдатам: применять силу только для самообороны, когда собственная их жизнь оказывается под угрозой. Ты не в том положении, чтобы взваливать на себя еще и муки совести твоих солдат. Ты не настолько любим всеми, чтобы войска ради тебя воевали

с народом. Они измотаны постоянным пребыванием на улицах и этим противостоянием...

Чувствуя, что уже погрузился в пучину отчаяния, ты пытаешься получить поддержку от американского посла. В прошедшие месяцы иностранные державы постоянно поощряли тебя в стойкости, но, в то же время, и в соблюдении принципов демократии. Американцы больше всего боятся за жизнь своих граждан; будь они уверены, что и дальше смогут сбывать свое новейшее оружие и технику и что сохраняют в этом регионе свои базы, они без колебаний бросили бы тебя.

Ожидания, что Вашингтон спасет твой престол, напрасны. Американцы не готовы даже к перевороту, в результате которого власть возьмет твоя армия. Хотят они только того, чтобы армия, в которую ты вложил всю свою жизнь, сохранила руки чистыми – чтобы в случае твоего свержения не возникло бы вакуума власти.

Ты настолько измучен и разбит, что не способен принимать правильные решения. Ты хочешь даже ответственность за свое бегство повесить на шею американцев. И вот ты сидишь в полутемном рабочем кабинете и ждешь посла Америки. Он опаздывает уже на целый час против назначенного срока, и у тебя пальцы заболели – так долго ты барабанил по столу. Ты вспоминаешь Домашнего слугу – и вздыхаешь, и словно чувствуешь ветерок, веющий от чьей-то старой могилы. Давненько ты уже не щелкал от радости каблуками...

Наконец оживает телефон: это шахиня.

– Уважаемый посол уже час назад прибыл во дворец, – говорит она мрачным голосом. – Но некому было провести его к вам, поэтому ему пришлось прибегнуть к моей помощи... Сейчас он к вам придет.

Вот это да! Тебе раньше и не приснилось бы, что твоя жена возьмет на себя роль дворцовой горничной, а американский посол – твоего спасителя. Вот он поя-

вился – потный и с дикими глазами, – а тебе так стыдно, что ты готов сквозь землю провалиться. Хорошо, что он ни в чем тебя не упрекает и сразу переходит к делу. До чего тебе нравится этот западный стиль!

– Лучше, если бы Ваше Величество изволили для отдыха на время покинуть страну, чтобы дела в ней приняли нормальный оборот.

Твои глаза сверкнули под темными очками; ты обрадовался, как заключенный, внезапно услышавший весть о своем освобождении.

– Когда... И куда я могу поехать?

Посол небрежно взглядывает на часы и пальцем описывает небольшую фигурку в воздухе.

– Скорее всего, не раньше, чем через неделю, и не позже, чем через две недели. Правительство Соединенных Штатов готовит вам официальное приглашение.

Вертолет приземляется в аэропорту Мехрабад, и вы проходите в шахский павильон – чтобы встретиться с новым премьер-министром, который только что получил в меджлисе вотум доверия и должен приехать сюда. Твой мрачный, зловещего вида самолет с монаршей эмблемой уже ждет на взлетной полосе. Дует холодный, не знающий приличий ветер, который всем мешает. Похоже, воздух и земля объединились, чтобы превратить твои проводы в нечто постыдное. Словно твои противники нарочно подняли этот проклятый ветер: он сметает в сторону красную дорожку и грубо треплет шинели почетного караула.

В толпе провожающих не видно тех, кого в твоей свите можно считать самыми верными – так сказать, «преданными рабами». Присутствуют немногочисленные генералы, штатские сановники и немногие иностранные послы, и все стоят молчаливо и подавленно, словно провожают мертвеца.

Горькой улыбкой ты пытаешься защититься от всех, и фотокорреспонденты – как охотники, не помня

себя, – принимаются за дело. Они с нетерпением ждут твоего отлета, чтобы потом гордиться, что запечатлели этот исторический миг. В суматохе общения с прессой ты говоришь одному журналисту, что уезжаешь ненадолго, чтобы отдохнуть. Но голос твой звучит так глухо, что никто не верит этим словам.

Приехал новый премьер, и ты возвращаешься в павильон, где он сообщает тебе последние новости. По его жестам ясно, что он с нетерпением ждет, когда ты уедешь. Видишь иронию истории? Человек, который еще недавно был твоим противником, теперь назначен премьером и принял обязательство верности падишаху конституционного строя! Впрочем, он согласился на премьерство лишь при условии твоего отъезда из страны.

Ты не можешь не вспомнить предыдущих премьеров и ту пышность, с какой они прибывали к тебе и допускались к целованию монаршей руки. Были раззолоченные мундиры, перевязи через плечо, ордена и поклоны. А этот господин премьер и от целования твоей руки воздержался, и даже не склонил хоть немножко – приличия ради – свое длинное тело, о каком уж тут верноподданническом поклоне говорить!

Странное чувство охватывает тебя: ты всем своим существом ощущаешь, что время твое действительно кончилось, и что в этой стране для тебя нет места. Твой век падишаха закончился – как ушли века дивов и колдунов.

Ты почти не веришь в будущие успехи нового премьера – разве что чудо произойдет. Слуга невольный¹ – так окрестил его народ, и положение его действительно незавидно. Словно ты болен заразной болезнью, и каждого, кто соприкоснется с тобой, она валит с ног...

¹ «Невольный», по-персидски «би-эхтияр», рифмуется с фамилией премьер-министра: Бахтияр. Шапур Бахтияр (1914-1991) – иранский политик, представитель бахтиярской правящей семьи, последний премьер-министр монархического Ирана.

– Я вручаю нацию и армию Всевышнему – в первую очередь, а во вторую очередь – вам. Надеюсь, что вы сумеете успешно преодолеть трудности.

Ты сказал это премьеру, и теперь вы идете к самолету. Гремит музыка, ветер выделявает шутовские танцевальные па на красной дорожке. На летном поле – группа провожающих, которым ты в последний раз должен пожать руки. Американский посол то и дело поглядывает на часы. Вы доходите до офицеров гвардии. Военная форма, а какой жалкий у них вид...

Происходит то, чего ты боялся: ты вдруг всхлипываешь, и комок в горле, который ты с утра не мог проглотить, превращается в слезы, и они текут по твоим щекам. Лицо сморщилось и задрожало – а ведь до этого мига на твоем лице никогда не бывало такой гримасы. Никто не помнит, чтобы слезы смачивали твои каменные черты. Это странное происшествие не укрылось от объективов камер, и в первый и последний раз в многотысячелетней истории Ирана был запечатлен плач правителя. Твои слезы – как точки на последней строке долгой истории иранских шахов.

Шахиня сбита с толку твоими слезами, но тем более старается держать себя в руках, чтобы как можно быстрее закончить эту сцену. И очень хорошо, что хотя бы она сохранила самообладание, ведь совместный плач мужа и жены выглядел бы совсем некрасиво.

Поскольку ты никому не доверяешь – ни на земле, ни в воздухе, – ты сам садишься за штурвал. И, руля в сторону взлетной полосы, ты весь полон самых разных идей и чувств. Вот двигатели завизжали, и самолет резко ускорил движение – освободил себя от притяжения земли и времени.

Вы пересекаете границу. Ты отдаешь штурвал пилоту и идешь в шахский салон. Там шахиня делает свои записи в ежедневнике. Ты садишься и, как обычно,

слушаешь по радио двухчасовые новости: тут и последняя твоя речь в аэропорту, и ликование народа – с танцами на улицах – по всей стране; ты вдруг понимаешь, что отныне твоя связь со страной будет односторонней и сведется практически к радиоволнам.

Ты смотришь в иллюминатор и видишь Нил, который, как черная змея, извиваясь, ползет к Средиземному морю, чтобы напиться из него. Идешь в кабину пилотов и вновь берешь штурвал. Огромное удовольствие ты получишь сейчас от крутого снижения...

Ты мастерски сажаешь свой зловещего вида самолет в аэропорту Асуан. Для встречи с тобой прибыли президент Египта¹ с супругой и прочее высокое египетское начальство. И вот ты, как старого друга, обнимаешь пригласившего тебя хозяина – руководителя страны; и, как знать, не передастся ли ему через это объятие – как заразная болезнь – проклятие, тяготеющее над твоим родом?.. Вскоре он будет принимать тебя вторично – уже как шаха, окончательно изгнанного отовсюду, – и ты найдешь на берегах Нила последнее пристанище...

В честь Его Императорского Величества шахиншаха Арьямехра двадцать один пушечный залп разрывает грудь небес. Неужели это и вправду последняя официальная церемония встречи, которая выпала на твой век?

– Ваше Величество, вы – у себя дома!

Это великодушие и гостеприимство вызывают слезы на твоих глазах: второй раз за сегодняшний день ты плачешь.

– Не волнуйтесь, у вас много друзей во всем мире.

– Эти самые друзья и заставили меня покинуть родину...

Ты вспоминаешь американского посла, который все время показывал тебе свои швейцарские часы и говорил: «Если задержитесь, вам же будет хуже!»

¹ Анвар Садат (1918-1981) – президент Египта (1970-1981).

Президент Египта с удивлением переспрашивает:

– «Тем хуже сделаете себе самому»? Но что может быть хуже, чем...

Ты вытираешь слезы и садишься в автомобиль, чтобы проследовать в отведенную тебе резиденцию. И при виде портретов, изображающих тебя в молодости, которые развешаны на фонарных столбах, тебе на миг кажется, что ты снова в Тегеране, и ты в третий раз за день начинаешь плакать. Ведь вот и народ вдоль улиц выражает горячие чувства к тебе, а эти портреты оживляют для тебя твои молодые годы. Счастливые времена! Так хорошо тогда к тебе относился народ: ты мог без охраны ходить по улицам. А сейчас?

Из Тегерана хороших новостей нет. Народ не только не ушел с улиц, наоборот, – протесты все нарастают. И уже очевидно, что и новый миролюбивый премьер будет свергнут. Его главная ставка – вступить в переговоры с аятоллой – оказалась битой: старик не согласился на меньшее, чем полный демонтаж монархического строя. Ты должен готовиться к временам еще худшим, чем нынешние.

У тебя не хватило духу отклонить приглашение президента посетить Музей Древнего Египта, но, увидев мумии фараонов, ты почувствовал недомогание, и тебя чуть не стошнило. Сколь жалки эти засушенные тела! Вот эта мумия – словно твое собственное тело, только потерявшее три четверти веса и насквозь прогнившее; кожа натянулась на скелете, мышцы усохли, ногти синие, а волосы – янтарного цвета; глазные впадины без зрачков, без взгляда, без какого-либо человеческого чувства; кожистый живот, много раз заштопанный, а в теле отсутствуют сердце, селезенка, пораженная раком печень, кишки и прочие внутренности; сморщенные губы не сохранили и следа от сочных поцелуев; уши с отсутствующими ушными раковинами превратились в дыры крошечной тьмы... Только эти тонкие изящные

пальцы напоминают что-то живое и словно указывают на какую-то вещь, место или тайный смысл: на мир после смерти, с его нешуточностью, с непреложностью уничтожения.

«Ах, мой венценосный отец! Древние правители Египта, превращенные в мумии, тысячи лет спали вечным сном в этих великолепных пирамидах, а мы с тобой не имеем в своем отечестве даже места размером с могилу!»

Здоровье твое ухудшилось настолько, что, по требованию шахини, французский врач был вызван прямо сюда, в Египет. Два-три дня всего прошло, как ты покинул страну, а болезнь настигла тебя. Может, потому что эти дни ты провел без обычной работы? И потому, конечно, что был столь потрясен происходившими событиями... Как бы то ни было, но сейчас ты впервые узнаешь свой настоящий диагноз – рак – и спрашиваешь шахиню:

– Значит, вы об этом давно знали? И потому так изменилось ваше отношение ко мне?

Новость тяжелая, но в этих тяжелейших обстоятельствах ее встречаешь как-то спокойнее. Между прочим, такую тайну не следует слишком быстро разглашать: ведь если те немногие в Иране, кто еще верен тебе и продолжает сопротивляться, узнают о твоей болезни, у них опустятся руки...

Ты даешь слово врачу-французу, что в течение трех месяцев, не позже, найдешь возможность начать радиотерапию. Развитие болезни нужно остановить. А твой личный врач предлагает шахине и приближенным философский совет: дать тебе свободу и позволить жить в покое. Это, пожалуй, лучшее лечение в нынешних условиях.

Ты вынужден ждать, пока какую-то полезную работу сделает для трона твой премьер. В его успехе ты

сомневаешься; но ты все-таки видишь за событиями руку иностранцев и думаешь, что они хотят сохранить невредимой твою оснащенную армию – чтобы, после создания нового правительства, на Ближнем Востоке не нарушилось бы равновесие сил. Иначе, зачем бы они мешали твоим генералам устроить военный переворот?

«Если я ошибаюсь, тогда что делает в моей стране этот невзрачный человек, американский генерал?»¹

Смуглолицый президент Египта выдыхает клуб трубочного дыма и заявляет тебе:

– Что ж, если дела обстоят таким образом, переводите пока ваши военно-воздушные и военно-морские силы в Египет.

Ты всхлипываешь, как ребенок, у которого хотят отнять его игрушки, и возражаешь:

– Но как я могу это сделать? Войска Ирана, они ведь принадлежат Ирану...

Новости, приходящие из Ирана, столь мало обнадеживают, что поневоле приходится думать просто о своем будущем – о будущем твоей семьи, которая сейчас разбросана по всему миру. Многого нужно обдумать. Будущее детей, матери, сестер и братьев, в каких домах они и вы будете жить, а важнее всего...

«Что же там с моими банковскими счетами? В каких банках вообще у нас счета? Акции, капиталовложения, права на движимое и недвижимое имущество... В банковских ячейках с шифрами – но где эти шифры? Как можно скорее нужно найти этого трусливого старика – управделами!»

Но человек этот как сквозь землю провалился – тебя это уже сильно беспокоит. Уж не разбазарил ли он твои средства? Нужно срочно действовать.

¹ Американский генерал Роберт Хайзер (в то время – заместитель командующего вооруженными силами США в Европе генерала Александра Хейга) был направлен в Иран, чтобы оценить возможности военного переворота.

– Любимым способом разыщите его – куда он запропастился?!

Ты сейчас похож на курицу-несушку, которая снесла яйца в нескольких местах и теперь мечется, разыскивая их, чтобы начать высидывать.

Вы с шахиней прогуливаетесь вдоль Нила, наблюдая за утками, цаплями, гусями и журавлями, которые с полнейшим спокойствием ведут свою каждодневную жизнь. Шахиня, громко вздохнув, замечает:

– А ведь это, похоже, тот самый вид уток, который зимой прилетает в Иран, разве не так?

– Скорее всего... И вы готовьтесь: мы завтра полетим в Марокко.

– А почему мы не летим в Америку?

– Пока они сами не пригласят нас и не расстелют красную дорожку, мне невозможно ступить на их землю.

– Хорошо, тогда почему не остаться здесь?

– Находиться у Садата – учитывая нынешнюю ближневосточную ситуацию – неуместно. Нужно поехать в Марокко и уже там решить, что делать дальше.

Провожаемые Садатом и его супругой, вы вылетаете в Марокко, где вас ждет красивый дворец Дженан Аль-Кабир – место уютное, безопасное и спокойное, с величественным видом на окрестности. Король Марокко – твой большой должник и искренне хочет вырвать тебя в трудные дни.

* * *

Ты весь горишь и корчишься от ужасающей боли, которая сдавливает твою грудь, живот и спину – днем и ночью, час за часом, каждую минуту и секунду... Ты стал как мешок, полный страдания.

«Чертובה боль, чего она хочет от меня?»

Эти боли свидетельствуют о страшных процессах. Обследования показывают, что раковые опухоли – большие метастазы – прошли твои внутренние ткани: не только селезенку, но и печень, и лимфатические узлы. Они взламывают твое тело и наполняют внутренние полости гнилью. За время болезни тебе сделали столько вливаний, что на венах не осталось живого места. Иными словами, ты катишься по крутому склону к смерти. Хотя вообще-то у тебя нет жалоб даже на метастазы, и ты пытаешься улыбаться – пусть слабой, горькой и гнилой улыбкой.

Ни дня не проходит без плохих новостей. Каждое утро, проснувшись, ты первым делом включаешь радио и ждешь нужные тебе сводки.словно осужденный на смерть в своей камере, ты считаешь секунды и явственно слышишь уходящее время. Ни одна радиостанция не передает радостных для тебя известий.словно все люди на планете Земля одновременно решили стереть тебя из памяти или очернить твое имя.

Правда, однажды в пасмурный мрачный день счастье все-таки улыбнулось тебе: появляется старик – твой управделами – с целым тюком финансовых документов и с глазами, расширенными от удивления. Он пришел, как он говорит, чтобы выслушать монаршие приказы.

– Объявите всем заинтересованным банкам и фирмам, что с сегодняшнего числа падишах берет все имущественные дела в свои руки. И пошлите им образец моей подписи!

Хранитель тайн – управделами – принимается за отправку писем банкам и финансовым учреждениям. Старик свое дело знает.словно потерпевший кораблекрушение на необитаемом острове, он неутомим в попытках связаться с внешним миром: посредством писем, звонков, телексов и прочих средств коммуникации, которыми владеет мастерски.

Твоя же работа вновь свелась к тому, чтобы слушать ужасные новости из Ирана и обсуждать их с приближенными...

Невероятно! Полными изумления глазами ты смотришь на экран телевизора и видишь старого муллу, который, бормоча молитвы, спускается по трапу самолета и вновь, после пятнадцати лет ссылки, ступает на землю своей страны.

«Ах, мой венценосный отец! Вот он проезжает мимо памятника Шахйад. Его автомобиль едет по проспекту Эйзенхауэра, но из-за народного столпотворения муллу приходится пересадить на один из наших вертолетов и по воздуху доставить на самое большое кладбище Ближнего Востока, которое мы своими руками обустроили. И там, под одной из сосен с длинной хвоей – миллионы штук таких же деревьев посажены нами по всей стране, – этот старик в чалме произносит речь и выкрикивает:

– Я плюю на это правительство... Я, при поддержке всего народа, создаю свое правительство!

И все это действие показывает в прямом эфире – кто? Наше национальное телевидение, которым управляет САВАК – поистине все они адскими силами повязаны! А наши военные – те самые, которых я распекал за отросшие животы и которым дал строгий приказ срочно похудеть, – попрятались, словно беременные ящерицы, по своим казармам и смотрят на это непотребство...»

Ты почти явственно слышишь, как сам ты, с треском распадаешься на куски в этой жаркой битве: словно ледяная гора, которая день ото дня тает и уменьшается. Порой новости столь плохи, что приемник, озвучивая их, хрипит и раскаляется от стыда. Народ не соблюдает военное положение, громит полицейские участки, грабит оружейные заводы и военные склады; военные

летчики проходят парадом перед аятоллой; а еще – бои твоей гвардии с революционными отрядами, горящие танки, объявление о нейтралитете вооруженных сил и возвращение их в казармы, и... конец!

Вы завтракаете во дворце Дженан Аль-Кабир, как вдруг заполошно влетает внезапная новость, похожая на разбуженную днем летучую мышь, и врзается прямо тебе в лицо:

– Америка отказалась принять Ваше Величество!

Ты каменеешь и пытаешься казаться безразличным, но ты уже понял, что свержение, возможно, было далеко не самым страшным несчастьем, а вот теперь начались настоящие последствия. Что может быть более ожидаемым? Вслед за потерей трона от тебя отвернулась и самая могучая держава на свете. И теперь уже последние немногие приближенные решают сами с собой: оставаться ли им и дальше возле тебя или нет? Возможно даже, оставаться рядом с тобой теперь опасно, и у тебя откровенно начинают выпрашивать деньги. Вечная история о паршивой овце и клочке шерсти!

Входит министр марокканского двора и сразу приступает к делу:

– Поскольку Королевство Марокко официально признало Исламскую республику Иран, пребывание Вашего Величества в Марокко нежелательно. Специальный самолет для Вашего Величества будет завтра в аэропорту готов к полету.

Он не ждет твоего ответа и, как гласит иранская поговорка, «возлагает надежду на ноги» – удаляется...

«Ах, мой венценосный отец! Теперь я понимаю, какие муки ты пережил в изгнании. Этот король Марокко, приезжая к нам, исходил черной завистью! После его отъезда служба САВАК принесла мне пленки – запись его разговора с начальником собственной безопасности в одной из комнат дворца в Рамсаре. Он тогда

сказал: «Посмотрите, какие богатства, и кому достались! Горы, пустыни, леса, два моря, а сколько нефти и газа! Клянусь Аллахом, если бы у меня все это было, я бы ого-го чего достиг!» И вот теперь этот же господин выгоняет нас из своей безводной и выжженной солнцем страны».

Разложив на столе карту мира, ты ищешь на ней место, где мог бы приткнуться. Ты просил оставшихся у тебя друзей подыскать тебе убежище – любое, кроме Ирана. Но такого места нет, даже на Северном полюсе или где-нибудь посреди Тихого океана, на островке, который можно обойти пешком за день. Даже среди людоедских африканских племен или в джунглях Амазонки, где земля под деревьями никогда не видела солнца. Страны без властей, власти без стран – всё есть в мире, а податься тебе некуда!

– Во всем этом огромном мире нет ни единого местечка, где я мог бы приклонить голову и спокойно умереть?!

Эту фразу ты сказал в телефонном разговоре с одним твоим влиятельным американским другом, и яд этой фразы, видимо, произвел на него такое впечатление, что правдами и неправдами, ценой крупной взятки, но место для тебя нашлось.

* * *

Войдя в ворота дворца Ниаваран, мы видим тех самых ворон, которые ровно три месяца назад наблюдали твой с шахиней отъезд, – тех ворон, чьи когти остались в жестяной памяти крыш, и которые теперь изумленно смотрят на людские толпы, нарушающие благородный покой дворца.

Посреди главного дворцового зала сидят вооруженные люди и сладострастно чистят и кушают апельсины,

сплевывая косточки прямо на апельсиновый узор шелковых ковров. Никакого исторического величия в них нет, зато много революционного порыва, который помог им выделиться, вооружил автоматами и заставляет – прежде всего остального – заботиться об этих автоматах.

В плотной толпе экскурсантов мой отец, словно хочет доверить мне важную тайну, указывает на стену дворца и негромко говорит:

– Смотри, кладка какая мощная!

Потом, продолжая оглядывать стены так, как это делают каменщики – оценивая, – он продолжает:

– Но самое прочное здание не буря с землетрясением разрушат, а муравьи подточат! – и добавляет несколько незаменимых словечек, словно сейчас видит перед собой этих самых муравьев.

Изуродованной рукой он крепко сжимает мою руку и тянет меня за собой. Миновав вестибюль, мы поднимаемся по лестнице и через длинный коридор входим в залу с гардинами и лепниной, с коврами, дорогими картинами и мебелью; и останавливаемся в изумлении. Старик рядом с нами произносит такое жаркое «ах», что от него, кажется, вот-вот загорятся парчовые занавеси.

– Тьфу ты! Какую жизнь себе устроили стараниями трудового народа!

Отец мой лишь молча кивает, и вот, миновав еще один коридор, мы оказываемся в просторной зале с изумрудного цвета изразцами, с мраморной ванной и золотистыми краном и душем.

Я возбужденно указываю на зеленое полотенце, небрежно брошенное на кронштейн, и, задыхаясь, спрашиваю:

– То есть шах и Фарах, действительно, вытирали руки и лицо этим полотенцем?

Никто мне не отвечает. Все внимание моего отца сосредоточено на душе, из которого быстро-быстро капает вода.

– Смотри, как народное добро разбазаривают!

Теперь все смотрят на отца и на душевой кран. Я уверен, что даже без инструментов, да к тому же с покалеченными руками, он сможет устранить течь и таким образом выполнит свою историческую миссию.

– Брат! Здесь найдутся разводной ключ, шайба или прокладка?

Вооруженный мужчина недоуменно пожимает плечами и проходит в соседнее помещение, как бы намекая, что и посетителям пора туда же. Мой отец поднимает грязный обмылок, упавший в ванну, и кладет его в мыльницу, а потом достает связку домашних ключей и начинает трудиться над краном... Интересно, кто же мыл свои грязные руки этим благоухающим иностранным мылом? Наверное, усталые победители после боя за дворец... По виду великолепной ванной залы ясно, что здесь принимали душ. Может быть, вымыться здесь решился один из подпольщиков, который при шахе сидел в тюрьме и еще тогда поклялся сокамерникам, что однажды воспользуется личной ванной комнатой во дворце Его Величества...

Мой отец, потрудившись над краном, остановил-таки течь и теперь смотрит на меня с победоносным видом. В его поведении нет любопытства или рисовки; он настолько воодушевлен революцией, что действительно считает дворец Ниаваран собственным домом.

Мы догоняем экскурсионную группу. Все здесь – обычные люди из разных социальных слоев; нестройной толпой мы идем по дворцу, вдыхая и выдыхая воздух, дерзко наполняя легкие остатками монархического духа.

– Братья, если можно, не трогайте руками экспонаты!.. Братья и сестры! Будьте добры, расступитесь, чтобы и другие могли рассмотреть дворец шахского угнетения.

Послушные распоряжениям, мы продолжаем экскурсию, и вот входим в залу, о которой девушка-революционерка говорит, что это – спальня шаха и беспринципной Фарах. Здесь синие ажурные занавески и двуспальная кровать, с шелковым покрывалом и атласными подушечками, на одной из них я замечаю каштанового цвета волоски: следы последней ночи, которую провели в этом дворце враги народа. Мы нелепо столпились и рассматриваем кровать. Воздух все еще полон благоуханием и женственным ароматом той, которая недавно была нашей царицей. Впечатление, что ни у кого нет смелости, чтобы шагнуть вперед, в их супружеское пространство. Только одна женщина средних лет приближается к семейному ложу, гладит покрывало и шевелит губами. Что она говорит, никто из нас не понимает; может быть, годы потребуются, для того чтобы нам стала внятна эта простая, но страшная тайна... Чтобы мы поняли, насколько же стыдно вот так совать нос в чужую спальню со всеми ее предметами – от телевизора до забавного телефона возле кровати; и насколько обыкновенна эта постель, имеющая отношение скорее к обычным супружеским делам, чем к легенде о нескончаемом празднике, которым будто бы была жизнь правящей четы.

Отец тянет меня за руку, и мы спускаемся по лестнице. Жесткость его изуродованных пальцев заставляет меня вздрагивать, словно меня цапнуло какое-то ракообразное существо... Солнце застигает нас врасплох. Цветы и пестрая зелень парка придают дворцу поэтический оттенок, а древние чинары бесплатно раздают всем густую тень.

У павильона возле ворот несет охрану юноша в новенькой отутюженной форме цвета хаки, по виду которой можно предположить, что в рядах революционеров он не так давно. Мы с отцом заглядываем в этот павильон и видим там, в коридоре, еще одного юношу, си-

дящего за большим столом и колдующего над рацией. Неясно, с кем и зачем он связывается по этой рации; тут же к стене прикреплен лист бумаги, на котором размашистым революционным почерком (напоминающим, между прочим, вязь древних указов) начертано: «Штаб революционного отряда по управлению имениями шаха-предателя».

Нас никто не останавливает, и мы, войдя, воровато осматриваемся. Здесь такая обстановка, точно семья въехала в новую квартиру и еще не успела разобрать наваленные как попало вещи. Тут и оружие, и еще одна рация, и папки с делами, и старинные напольные часы, и другие явно дворцовые вещи – в общем, священный хаос.

Все заняты своими делами и на нас не смотрят, мы же с отцом стоим, пораженные всем этим.

– Уважаемые господа очень быстро уходят отсюда!

Усатый юноша эту фразу оформил грамматически неправильно, но произнес столь решительно, что мы, и, правда, почувствовали себя совершенно лишними. Отец, с его наследственной привычкой смотреть на все как бы со строительных лесов, улыбается улыбкой кирпичного цвета:

– Братья, любая помощь с нашей стороны – ее не жалко, мы готовы к служению революции!

Усатый юноша, переводивший стрелки золотых часов с монархического времени на сегодняшнее, революционное, теперь взглянул на нас по-человечески и спросил:

– Дорогой папаша, а у вас какая специальность?

Отец, скромно опустив глаза, отвечает:

– Я каменщик. Революционный каменщик!

Улыбка молодого человека быстро прячется под его усами.

– Нет, уважаемый, для вас работы у нас нет.

Мы выходим из шахского дворца и напрямиком возвращаемся в наш родной город.

Отец так встревожен чем-то, что, кажется, в поезде за всю дорогу не произносит ни слова, и, лишь когда мы прибываем на нашу станцию, восклицает:

– Как быстро!

Мы выходим на платформу, и он набирает полные легкие нашего родного воздуха, а последующие слова аккуратно пригоняет одно к другому, словно кирпич к кирпичу:

– А вообще-то, иногда прибыть вовремя – это лучше, чем прибыть заранее!

Это и есть последние его тогдашние слова о нашем путешествии. Для него главная польза от поездки была в том, что он понял: нельзя быть в одно и то же время каменщиком и революционером! Впрочем, об этом он скажет через много лет в одном из писем, отправленных мне с фронта...

* * *

Шум за окном палаты настораживает тебя. Ты поворачиваешься: тебе показалось, что птица ударила клювом в стекло. И, правда, ты видишь птицу снаружи, на подоконнике: странную, мокрую, капающую водой. Она смотрит прямо на тебя, и ты, выпростав руку из-под простыни, приветствуешь ее тем жестом, каким приветствовал народные массы: бессмысленно сейчас и неуместно, это вспугивает ее, и странная птица улетает. Зачем же ты это сделал? Стыдно!

Твой крупный, породистый нос чувствует запах смерти. Похожий на запах старой гнилой земли, немного – на запах подземного водохранилища дворца Гулистан. Ты помнишь, как вы приехали туда с матерью, и как на солнечной террасе собрались мамки с няньками,

евнухи, как они стонали и плакали? Там были и дряхлые старухи, и цветущие нетронутые девы – подарок Каджарам от разных областей страны.

И ты помнишь, как блестели капельки пота над верхней губой одной из этих дев... Каждая капелька сияла, словно жемчужинка, как те жемчужины на короне, туфлях, на платье шахини... В тот день, когда... когда...

К самолету подают трап, и ты спускаешься по нему в аэропорту на Багамах. Несколько дней миновало после Навруза – самого безрадостного Нового года в твоей жизни. Самолет, выделенный тебе королем Марокко, привез на Багамы тебя и шахиню, и сопровождающих, и собак, и еще 368 маленьких и больших чемоданов...

Работники аэропорта и пассажиры смотрят на все эти чемоданы с изумлением. Некоторые хотели бы сфотографироваться с тобой и взять автограф, но полиция их не пускает... Итак, Багамы – государство из семисот островов недалеко от Америки, рай для туристов, азартных игроков и наркоторговцев.

Президент государства приветствует тебя, и на его вертолете вы с шахиней переноситесь к вашему новому месту жительства, на островке под названием «Рай». Это крохотная убогая вилла, где, если быть оптимистами, могут разместиться три человека. А ты, шахиня и собаки нуждаетесь, по твоей оценке, в помещениях для четверых; однако сейчас не время привередничать. На какие только жертвы не пришлось пойти, чтобы получить хотя бы эту хижину!

Ваши спутники разместились в гостинице неподалеку, чемоданы свалены на одном из необитаемых дворов, и началась ваша таборная жизнь. Местная служба безопасности окружила виллу и объявила, что покидать остров вам запрещено.

Новую жизнь вы приняли с удовольствием. Остров крохотный, а вилла еще меньше, но океан вокруг бесконечно огромен. Как вы счастливы, что океан-то у вас никто не отберет! Если у вас с шахиней есть общая черта, то это – любовь к воде и водному спорту. Вы распаковываете чемоданы и достаете пляжные вещи. Все у вас приготовлено: плавки и бикини, маски и шапочки для ныряния, и зажимы для носа. И разные лосьоны и мази для загара, и водные лыжи, и все, что нужно для подводных погружений.

Чем больше времени вы проводите на море, тем больше усложняется работа береговой и морской охраны. И растут присылаемые тебе счета. Помимо иранских охранников, вокруг болтаются еще и местные водолазы, и морская стража: когда шахиня катается на водных лыжах, они на катерах ее сопровождают. Разглядывают ее вполне откровенно, обмениваясь шуточками на местном языке. Никакого почтения, и с каждым днем – все нахальнее.

Только вы немножко отдохнули и пришли в себя в этих заброшенных местах, как получаете известие: революционная власть Ирана послала на Багамы диверсантов, чтобы вас убить. Кольцо охраны сжимается, и вашим собакам уже не разрешают покидать виллу, отчего бессловесные животные тоскуют, нервничают и скулят.

Дальше – больше: ваш багамский хозяин присылает уведомление: «Вы не имеете права говорить и делать заявления о положении в вашей стране».

Невиданно и неслыханно! Эти слова равносильны приказу отказаться от самих себя. Если вы подчинитесь, можно считать, что существо по имени шах Мохаммед Реза Пехлеви исчезло с поверхности планеты. Что это за отношение к тебе? Ведь ты еще несколько месяцев назад был всеильным монархом в одном из центров Вселенной.

Ты чувствуешь униженность, но ее прикрывают бархатной завесой падишахская выдержка и гордость. Всякий, кто встречается с тобой лицом к лицу, ни на секунду не сомневается, что ты только что спустился на землю с небес. Так пусть каждый говорит, что хочет. Ты не знаешь ни одного человека, который, подобно тебе, являлся бы шахом Ирана.

Для тебя порядок в мире остался без изменений. Личный лакей каждое утро бреет тебя и подает отутюженную одежду. Шеф-повар готовит любимую еду и накрывает на стол. Твоя манера поведения осталась прежней. Весомо ступать; смотреть, моргая; медленно поворачивать голову на прямой шее – все это не изменилось. Ты и слова произносишь по-прежнему: с особенным выговором и ритмом, не похожим на акцент ни одной из иранских областей. Так говорит само благородство: без восклицаний и проглатывания слов, без объема.

Приезжают дети, и жизнь становится еще интереснее, но и охрана – более многочисленной и дорогостоящей. Теперь вообще вы ни секунды не остаетесь в одиночестве, даже плавая в море: кто знает, не вынырнет ли русалка и не схватит ли тебя в объятия? А может быть, вон те туристы – на самом деле иранские террористы?

Туристы вообще-то на островок так и ломаются. Свергнутый и бездомный падишах и шахиня стали источником дохода для Багамских островов: власти берут деньги за право взглянуть на вас.

А вот еще одна убийственная новость – она приходит после полуночи, когда ты уже лег. Это такой шок, что шахиня долго держит в руках телефонную трубку, забыв положить на место. А потом с размаху бросает ее на аппарат, вложив в это действие все свое раздражение, и начинает рыдать. И говорит сквозь слезы, укоризненно глядя на тебя:

– Не могу выразить, как мне его жалко! Все ему вредило, и даже он сам. А он этого не заслуживал.

Несправедливо, что он оказался в тюрьме и что так страшно погиб. Как вспомню его, меня в жар бросает... Зачем мы оставили его там, в тюрьме?.. Сколько раз я просила...

Ты встаешь и ищешь спасения на террасе. Перед глазами твоими как бы возникает силуэт премьера с трубкой и орхидеей в петлице: вот он, опираясь на трость, идет по пляжу в сторону моря. Толстенский, на песке едва держит равновесие. Он одет в тот самый официальный костюм, в котором бывал обычно на разных церемониях: фрак, узкие брюки и желтая лента через плечо. В этой одежде он со спины похож на кузнечика из детских сказок. Этот человек тринадцать лет был премьер-министром и ни разу не сказал тебе «нет». Никто не предполагал, что у него так сложится судьба, что он будет приговорен к смертной казни. Уж он-то точно не предполагал: он был оптимистом и все трудности воспринимал легко. Человек принципиальный, он был способен переступить через свои принципы, чтобы осуществить твои чаяния и выполнить твои приказы. Очень характерно, что он не считал себя виноватым в чем-либо, а скорее видел в себе жертву судьбы; он был как домашний попугай, оставленный в открытой клетке, который не улетел из нее и стал добычей подкравшейся кошки...

– Не думал я, что у него так все закончится, иначе бы...

Ты оставляешь фразу незавершенной, и правильно. Ведь твой поступок был жесток по отношению к премьер-министру и тебе никакой выгоды не принес. Шахия закуривает сигарету и хрипло произносит:

– Говорят, в эти дни хаоса охрана тюрьмы разбежалась, но он сам не ушел из камеры – напротив, передал одному из своих друзей, что просит перевести его в Центральную тюрьму. А также принести ему зубную пасту, смену белья и книги!

Да, говорят, что, когда его расстреливали, он первый раз в жизни сказал «нет»: «Нет! Так не должно было быть!»

Ты – как намокшая под дождем птица: нахохлился, ушел в себя... Переживая расстрел каждого из твоих приближенных, ты чувствуешь себя все более незащищенным. Это не шутки. Это – не что иное как переговоры: яростный, обжигающий спор между тобой и новыми правителями страны. Поединок на языке пуль, когда всякая вежливость отброшена. У этих людей нет почетной ленты через плечо; они вешают на плечо винтовку. Этих людей ты по-настоящему не знаешь, они – из неизвестной тебе породы. Тип поданных, с которыми вообще не хотелось бы встречаться лицом к лицу.

Шахиня поднимает теннисную ракетку и с женской грацией посылает мяч на твою половину поля. Играть с ней тебе приятно еще и потому, что ты постоянно открываешь в ней новые черточки, не замеченные раньше. Изгибы ее тела во время подачи, ее шея, спина, прилипшие от пота волосы, покрасневшее лицо... Ты наслаждаешься всем этим. За эти месяцы ссылки вы провели вдвоем больше времени, чем за всю предыдущую жизнь, и вам вовсе не надоедает общаться друг с другом. Хотя разница в возрасте велика, рядом с ней ты не чувствуешь себя стариком. Да ведь ты и в самом деле физически силен, твои мышцы натренированы многолетними занятиями спортом, и кожа у тебя – живая и свежая. Трудности не изменили твою прямую осанку, а живот твой, несмотря на возраст, – относительно плоский и твердый. В тебе вообще нет лишнего жира, по всем этим причинам шахиня и называет тебя «мой молодой муж».

Ты поднимаешь мяч с корта для подачи, как вдруг видишь толстого мужчину – похожего на тюленя, – показавшегося из-за песчаной дюны. Он неуклюже под-

ходит, и ты его сразу узнаешь: премьер-министр Багамских островов.

«Ах, мой венценосный отец! Премьер-министр этой крохотной страны пришел к нам с горячей просьбой: ссудить ему для срочного дела один миллион долларов... Я вспомнил о больших суммах, которые уже бесследно исчезли на счетах этого государства, и без церемоний ответил ему: «Вы ведете себя не поджентльменски...» И он в ответ совершенно цинично заявил: «Вы сами – всего лишь неудачник, которого народ выгнал из собственной страны... «За всю жизнь я не слышал от официальных лиц ничего подобного...»

Огорчений и бед становится все больше. С утра пропал твой черный пес – и след простыл, нигде нет. Ты в тревоге сидел на террасе, когда бедное животное притащили к тебе – перепуганное и нервное. И полицейский офицер вручил тебе письмо от своего начальника, там говорилось: «Вашей собаке не разрешается покидать виллу. Предупреждаем, что в противном случае будем вынуждены прибегнуть к иным мерам».

Как это угнетает! Быть может, больше всего – что ты вообще не имеешь права говорить о политике. Даже в качестве свергнутого падишаха, несчастного или гонимого. Шахиня восклицает с горечью:

– Раз здесь нам нельзя говорить о нашей стране, давай возьмем лодку, выплывем в нейтральные воды и там, сколько душе угодно, будем беседовать о политике – друг с другом и корреспондентами.

Мысль кажется смешной, хотя ты уверен, что и это – на практике – осуществить не удастся. Но и здесь оставаться больше нельзя. Здесь, на этом острове, приходится платить солидную сумму буквально за каждый вздох. И в то же время нельзя говорить о своей стране или, например, выпустить заявление по поводу расстрелов в Иране. Нужно срочно уезжать, вопрос: куда?

Опять придется испытывать свое счастье. Америка была бы лучше всего: там дети и большинство родственников. Но тут есть какая-то преграда, и, если бы ты знал принципиальную оценку ситуации, отправленную американским послом в Тегеране президенту США, ты бы не удивлялся. Посол писал: «Как только шах ступит на нашу землю, мы немедленно должны будем отправить в Америку – в гробах – сотрудников нашего посольства».

Разложив на столе карту мира, ты принимаешься за поиски. Поле обширное: вся карта. Порой палец останавливается на какой-то точке, и начинаются попытки наладить связь, переговоры... Но, в результате, реальной возможностью оказывается лишь Южная Африка. Эта страна согласна принять тебя, но с ней связано столько воспоминаний со времени изгнания твоего отца... Как он писал, раньше, чем главнокомандующий, его там встретили местные прожорливые комары...

«Ах, мой венценосный отец! Моя бедная мать, Таджол-Молук, страдает склерозом и уверена, что ее сын – все еще падишах. Впрочем, склероз стал для нее настоящим спасением, ведь она и себя может по-прежнему считать шахиней-матерью. Потому она разговаривает со служанками примерно так: «Если ты не будешь служить на совесть, я пожалуюсь сыну, тебя схватят за косы и привяжут к лошади, отвезут в пустыню и бросят там».

В крайней тоске и безнадежности ты смотришь на волны океана, как вдруг оживает телефон и дворецкий подает тебе трубку. Ты слышишь голос американского друга, который от возбуждения почти кричит:

– Ваше Величество, я вас поздравляю! Наконец-то я нашел подходящее место для вашего жительства!

Медсестра-смуглянка бреет волосы на твоём животе, готовя тебя к операции. Нет ласки более отвратительной, чем ласка этой бритвы, удаляющей лишние волосы с твоего тела и ранящей душу. Умереть бы, только бы не участвовать в этом! Какое чувство должна испытывать эта быстроглазая медсестра, когда она смотрит на волосы на твоей груди, местами седые? Видишь, как аккуратно она делает свою работу? Точно очищает только что извлеченную из земли древнюю глиняную статую...

Итак, ты готов для операционной, вот только врачи никак не договорятся, и каждый высказывает что-то свое. Воспалительный процесс, центр заражения ниже диафрагмы, абсцесс в брюшной полости и даже пневмония! Запутанная ситуация, до странности напоминающая то, что было в политике в последние месяцы твоего правления: тогда каждый предлагал тебе свой рецепт. Остается надеяться, что хирургическое вмешательство не закончится таким же образом, как закончилось твое пребывание у власти...

Шахиня заметила:

– Не знаю, кто так мудро устроил, что наши с тобой места жительства носят столь поэтические названия... Дворец Дженан Аль-Кабир, остров «Райский», а теперь вот «Вилла красных цветов»!

В ответ ты только улыбаешься, ничего больше. По твоему мнению, в нынешних обстоятельствах поэтические названия звучат издевательски. Но нужно быть справедливым: это место гораздо лучше прежнего. Уютная вилла с парком, полным цветов и красивых деревьев, в столице Мексики. В этой стране, по крайней мере, никто не будет тебя подло обманывать в деньгах и брать налоги только за то, что ты еще жив.

Ты спокойно развалился на террасе и смотришь, как ветки деревьев в саду призывно покачиваются ради тебя, а цветы кокетливо подмигивают. Ах, если бы можно было в таком наслаждении провести весь остаток жизни! Здесь так спокойно и безопасно, разве что на этой вилле стены сырые и заплесневелые, да кое-где скорпионы пробегают с ядовитой торопливостью... Но это мелочи, а в целом тут – настоящий рай.

Приезжают дети, и жизнь становится намного веселей. Ты подолгу сидишь с ними и болтаешь, шутишь, вспоминаешь старые времена.

– Помню, когда я ездил в Советский Союз, Хрущев мне косвенно угрожал, говоря о мощи своей страны, а я ему сказал: «Разница между нами в том, что у нас еще есть Всевышний на небесах...» Он ничего не ответил.

– Какой Всевышний? Что бы там ни говорили...

Ты хмуришься и прерываешь сына. Даже в шутку ты не позволишь ему так отзываться о религии. Что бы о тебе ни думали, но ты всю жизнь был по-своему религиозен, потому теперь и поправляешь его:

– Шути обо всем, но только не о Боге. Видишь, что с нами произошло?

А ведь действительно никто не верит, что у тебя есть религиозные убеждения. Ярлык атеиста успешно наклеили на тебя враги. Нужно объясниться, и ты решил это сделать в твоей книге воспоминаний. Но обращаешься ты в ней не к живущим, а к будущим поколениям, для которых и формулируешь свои мысли.

Книга воспоминаний начала писаться легко, но потом застопорилась. Ты не хочешь в ней спорить с современниками, не желаешь спорить и с историей, ведь она уже дала тебе ответ. Нет, ты хочешь защитить свое имя, но не понимаешь, что нужно говорить о себе как о человеке и рассказывать, а не оправдываться. Писать же просто – без полемики, без доводов – ты не умеешь...

Дети уезжают, и жизнь становится прежней. А меж тем болезнь, как незванный гость, опять пожаловала к тебе. Ты, правда, ждал ее возвращения, но уж слишком внезапно начались боли, и опять ты – в пустыне безысходных страданий. В суматохе последних недель ты совсем забыл о том обещании, которое дал врачу-французу: что начнешь лечение. И вот – резкие боли в брюшной полости...

Ты не можешь есть. Пищу не проглотить, не проходит в желудок. Боль в животе такая, что жизнь стала невыносимой; тебя к тому же все время тошнит. Только ты возомнил, что вопрос о жизни и смерти перед тобой не стоит, и что можно расслабиться, и вот уже болезнь – тут как тут. С каждым днем все хуже; зеркало показывает твое почерневшее лицо. Впрочем, мексиканские врачи – после обследований и анализов – тебя успокаивают: ты, дескать, заболел малярией, этим объясняются темный цвет лица и ухудшение самочувствия.

Впрочем, вскоре оказывается, что диагноз мексиканцев был неверным. Американские врачи обследовали тебя и не нашли малярии. Как бы то ни было, состояние твое день ото дня ухудшается. От слабости ты слег в постель и едва можешь двинуть рукой, но и врачам не позавидуешь: мексиканцы, американцы и французы не могут договориться, – что же все-таки с тобой, и как тебя лечить. Поистине, правдива поговорка о том, что больных богатых и знатных вылечить куда труднее, чем обычных пациентов.

В конце концов, врачи пришли к компромиссному диагнозу: у тебя камни в желчном пузыре, и необходимо срочное хирургическое вмешательство. Диагноз удивительный, но ты уже ничему не удивляешься. Ведь ты знаешь, что судьба действует мастерски, в противном случае, – как могло случиться, что при всей этой неразберихе какие-то камешки сумели с ювелир-

ной точностью закупорить протоки твоего желчного пузыря?

Итак, нужна операция. Но в какой больнице? В мексиканской? С помощью какого оборудования? Никто ничего не знает. А кто гарантирует, что вместо врача под маской и белым халатом не спрячется подосланный террорист?

Телефоны работают, чтобы изменить твою судьбу. И опять никто, кроме твоего влиятельного американского друга, не берет на себя окончательную ответственность.

– Но ведь он действительно умирает!

Врачебные заключения посылаются в Вашингтон.

– Лечить его должны в Америке.

Президент США проводит экстренное совещание с помощниками, на котором ставит вопрос:

– Можем ли мы гарантировать, что в случае его перевозки в США наше посольство в Тегеране не подвергнется нападению?

Никто из присутствующих не способен ответить однозначно, но американский президент принимает рискованное решение и в последний момент протягивает бывшему союзнику руку помощи.

Перед самым рассветом вы садитесь в аэропорту Нью-Йорка. Ты бледен и едва не теряешь сознание, и непонятный страх гнетет тебя: словно ты преступник, которого привезли сюда для исполнения приговора. Но у американских властей другой план: они, оказываясь, сообщили начальству аэропорта, что самолет доставил ценности из Центрального банка Мексики, и что груз следует охранять как можно тщательнее!

К счастью, возле больницы журналистов не видно. Сотрудники службы безопасности ведут тебя извилистыми путями и поднимают на семнадцатый этаж. Там тебя встречают удивленные и растерянные медсестры и проводят в палату, где переодевают в больничную оде-

жду, а на запястье прикрепляют пластиковую бирку с надписью «Дэвид Ньюсом»¹.

Когда ты видишь это имя, вздох поднимается из самой глубины твоего существа. Таким образом, они дают тебе понять, что ты даже уже не свергнувший шах, а пациент – гражданин Америки, помещенный в больницу для операции. Единственная надежда, следовательно, – что этому американскому больному повезет, и что он покинет больницу живым, а не мертвым.

«Черт бы побрал эту поддельную, фальшивую жизнь! Что мы задумываем и что получаем?»

Еще до того, как тобой поинтересовались врачи, тебя разыскали соотечественники и начали выкрикивать лозунги. С улицы доносились сначала отдельные выкрики, а потом – хор скандирующих голосов; и тебя, услышавшего эти знакомые речевки, бросило в жар, что-то сместилось внутри, и ты с семнадцатого этажа больницы перенесся прямо на тегеранскую улицу. Кошмар стал реальностью, или реальность – кошмаром?

– Смерть шаху! Смерть шаху!

– Down with the shah! Down with the shah!

Ты, узнаешь этих крикунов, даже не глядя. Это те самые студенты, которые за счет государственной шахиншахской казны были отправлены в Новый Свет, с надеждой, что они получат там знания и потом вернуться на родину. Какое наивное прожектерство! Вместо того чтобы служить государству, они хотели лишь разрушить его. Разве не такие же студенты два года назад, когда ты встречал в Тегеране этого же американского президента, попытались сорвать церемонию встречи, так что для их разгона пришлось применить слезоточивый газ? И ты стоял рядом с президентом и с трудом сохранял самообладание...

¹ Дэвид Ньюсом, заместитель госсекретаря США по политическим делам во время президентства Дж.Картера. Он оказывал большое влияние на принятие решений, связанных с Ираном.

Тебя уложили на каталку и везут в операционную. Встревоженная шахиня идет рядом, – точь-в-точь, как женщина-провинциалка, приехавшая в столицу ради лечения мужа и бегающая по его делам. Каждый день ей приходится ходить через подсобные помещения, по страшным коридорам, мимо мусорных баков, окольными путями попадая в твою палату на семнадцатом этаже. Но больше всего ее угнетает отношение официальных лиц и работников больницы: ей кажется, что они намеренно плохо работают. А ведь этой самой больнице несколько лет назад ты подарил миллион долларов – только за то, что здесь лечилась твоя мать, Тадж ол-Молук.

И вот ты достиг границы бытия и небытия: настало время для последних слов и взглядов. Дверь операционной... Ты сжимаешь руку шахини и смотришь в ее тоскливые глаза:

– Заботься о детях и не сгибайся перед угрозами!

Тебя кладут на операционный стол, похожий на стол в мертвецкой. Очень холодно: ведь ты совершенно голый, ты всю жизнь боялся оказаться в таком положении...

Главный хирург и ассистенты окружают тебя. И вот, словно бы из другого мира, к тебе протягивается волосатая рука, и ты внезапно теряешь сознание...

Твой живот вскрывают, словно сокровищницу – чтобы ее ограбить. Находят желчный пузырь – хранилище окаменелых слез. И своими грубыми пальцами хирург начинает извлекать камни из протоков, и победно показывает их ассистентам, словно драгоценные жемчужины, и осторожно бросает в сосуд с формалином. Пятый камень крупнее остальных, он самый блестящий; после его извлечения операция завершается. Хирург ловко приводит в порядок твою брюшную полость, и разрез зашивают. Так была совершена ошибка, которая вскоре повлечет за собой мучительные последствия.

Под крики «Смерть шаху!» к тебе возвращается сознание, и ты постепенно начинаешь приходить в себя. После операции ты быстро восстанавливаешься. Швы заживают, и аппетит у тебя хороший, однако внутренний голос говорит тебе, что все это лишь игрушки, а за всем происходящим кроется таинственная могущественная рука, которая сделает так, что беды не прекратятся. Эта загадочная сила не позволяет тебе ни дня прожить без какого-то нового осложнения, не дает вздохнуть и вообще – быть обычным человеком. Что же это за сила и зачем она держит тебя в подвешенном состоянии? Ведь ты ни в чем не можешь быть уверен: ни в здоровье своем, ни в болезни; ничто не преобладает в твоей жизни, – ни страх, ни надежда, ни печаль, ни радость. Ты – в каком-то вечно промежуточном положении.

И вот, именно тогда, когда все кажется нормальным, состояние твое вновь резко ухудшается: словно чьи-то отвратительные клешни вцепились тебе в живот. Аппетит пропал, и тошнота такая, что ты уже сыт по горло своей жизнью.

Все пошло по новому кругу! Снова начинают делать анализы, рентген, «УЗИ», и снова находят камень в желчном пузыре: этот подлец самым невероятным образом застрял прямо в протоке.

Бригада хирургов в замешательстве. Как это могло случиться – да еще с тобой, не простым больным? И притом – в одной из лучших больниц мира, у одного из опытейших хирургов! Нет, это происшествие лишь на первый взгляд анекдотично, на деле же оно трагически предопределено; всем ходом событий во Вселенной.

«Ах, мой венценосный отец! Совершенно ясно, что тут не обошлось без той самой руки. Что бы это ни было, но американцы тут не при чем».

Такая еще мысль приходит тебе в голову, – может, это заговор? Нет, скорее игра судьбы, постоянно повторяющаяся в твоей жизни; то самое вмешательство, от которого нет иного спасения, кроме как подчиниться ему. Например, и сейчас без жалоб и сетований согласиться с тем, что оставшийся камешек будет раздроблен специальным экспериментальным прибором.

Тебя усадили в кресло-каталку и приготовили к тому, что сейчас повезут в операционную, измельчать тот самый камень. Но вдруг сообщают, что хирург твой сегодня идет в оперу, а потому операция отменяется. И тебя – вконец измученного – возвращают в палату.

На следующий день ты опять садишься в кресло на колесиках и даешь согласие, чтобы тебя, словно особо охраняемого преступника – а может быть, в качестве полного идиота, – возили бы туда-сюда и унижали под предлогом раздробления желчного камня. Для рентгенотерапии раковой опухоли тебя везут по подземному коридору под проспектом, в больничный корпус на другой его стороне; таким образом, ты проезжаешь как раз под теми людьми, которые выкрикивают лозунги о твоей смерти.

Палата погрузилась в солнечную тишину, которую нарушают лишь рассеянный гул города за окнами, сигналы машин и иногда – полицейская сирена. Крикуны с их лозунгами в последние дни куда-то исчезли. Свое похудевшее до шестидесяти четырех килограммов тело ты вытянул на кровати и теперь наблюдаешь, как твой личный слуга ловко чистит для тебя яблоко. Этот человек двадцать пять лет служит тебе и не перестает тебя удивлять. Он необычайно предан и в то же время ведет себя так, точно познакомился с тобой лишь минуту назад. За двадцать пять лет он повидал много твоих взлетов и падений, но смотрит на тебя точно так же, как в самый первый день.

Ты жуешь дольку яблока и берешь телевизионный пульт. Вот народ твоей страны горячо выкрикивает на улицах: «Шаха под суд!» и «Смерть шаху!» Это заставляет тебя горько улыбнуться. В теленовостях показывают и два знакомых лица: там, в далекой стране, двое политиков, в свете фотовспышек, улыбаются друг другу, словно друзья, хотя и жаждут крови друг друга...

Американка-медсестра, словно сладостное видение, появляется рядом с тобой, чтобы измерить тебе давление. Каждый день она по нескольку раз заглядывает в палату, и тебе ясно, что за этим что-то кроется. Она как будто в тебя влюблена, но ты – в твоём возрасте и с твоим большим опытом по части любовных приключений – понимаешь, что женщины ничего не делают просто так. Поэтому ты держишь себя под контролем, на все сто процентов, и никакой интрижки с ней не допустишь... Как можно, когда ты в таком состоянии – и физически, и политически? Еще неизвестно, на кого работает эта отнюдь не изящная блондинка...

Измеряя тебе давление, она накрывает твою руку своей и слишком дружелюбно справляется о твоём самочувствии. Ты отвечаешь вежливо, с королевским достоинством. Ясно, что она ждет от тебя какого-то особого слова, знака; повернувшись лицом к тебе и спиной к солнечному свету, она выбрала ракурс, от которого дух захватывает...

Но рядом с талией медсестры ты вдруг замечаешь экран телевизора и невольно приподнимаешься. Картинка знакомая: проспект Тахте-Джамшид в Тегеране, тот самый, на котором находится американское посольство! Однако кто эти люди, что, как муравьи или саранча, перелезают через ограду и врываются в посольство? Зачем они связывают американцам руки и завязывают глаза? Народ там совершает большую ошибку! Разве можно так вторгаться на территорию иностранного представительства, являющуюся частью

суверенной земли этого государства? Тем более брать в заложники сотрудников посольства, да еще, видимо, с одобрения собственного правительства!

Ты погружаешься в раздумья, и на тебя внезапно наваливается страх. Американцы наверняка поднимут шум и примутся тебя проклинать за то, что ты своим эгоистичным поступком – въездом в их страну – поставил под угрозу жизнь их шестидесяти шести соотечественников. Ведь кто-кто, а ты хорошо знаешь, как высоко в Америке ценится безопасность собственных граждан.

Ты сидишь в палате, один, и смотришь телевизор. Шахиня уехала, чтобы вместе с детьми посетить зоопарк. Большинство телеканалов сообщают в новостях о кризисе вокруг американского посольства в Иране. Заложников захватили те, кто называет себя «революционными студентами – последователями имама». То, что они сделали с американцами, в определенной мере, вызывает у тебя сочувствие. Сколько раз ты требовал от американцев, чтобы они, наконец, определились со своей политикой по Ирану. Нет, как об стенку горох – так вот, получайте!

«Но вдруг олухи-американцы решат обменять меня на заложников?»

Именно этого – твоей выдачи – только что потребовали иранские студенты; и, передавая эту новость, американские каналы точно взрываются. Раз за разом показывают то тебя, то заложников, то тех, кто их захватил. Вот больной изможденный падишах, вот испуганные заложники, а вот молодые возбужденные студенты...

Теперь ты весь подобрался, приготовившись к самому худшему. Единственное, что сейчас никого не интересует, – это твоя болезнь. Американцы сильно раздражены против тебя и против террористов-похитителей. Будто это ты взял в заложники их граждан. Есть здесь

и положительная сторона: отношение американцев к иранскому режиму резко изменилось, причем за считанные часы. Очень многие в Америке вдруг невзлюбили тамошнюю новую власть. И к иранским гражданам, находящимся в США, отношение тоже ухудшилось – это неудивительно, уж ты знаешь переменчивый характер американцев. По отношению к тебе они теперь точно настроены враждебно: с их точки зрения, ты – эгоист, который приехал в Америку, чтобы удалить несчастные пять камешков, и при этом поставил под угрозу жизнь шестидесяти шести их соотечественников...

«Ах, мой венценосный отец! Я сам теперь словно тот последний камешек, притаившийся в моем протоке: маленький, никому не нужный и вредоносный».

Внезапно в палату входят несколько сотрудников службы безопасности и без всяких объяснений снимают с твоей руки бирку с именем, сажают тебя в кресло-каталку и на лифте спускают в подвал. В сопровождении угрюмых вооруженных людей тебя везут по утренним пустым коридорам, и от жуткого страха ты чувствуешь горечь во рту. Ты уверен, что в этом тихом месте тебя прикончат – из пистолета с глушителем или сделав смертельный укол... А может, они хотят усыпить тебя наркозом и в таком виде доставить революционерам в Иран?.. Но нет, откуда вообще ты взял, что эти люди – американцы; может быть, они – переодетые иранские террористы? По их поведению понятно, что они сейчас ждут дальнейших приказов. А значит, пока не поздно, надо закричать и позвать на помощь. Но кто тебя услышит, кроме трупов в морге? А те, если и услышат, не помогут. Да и сил кричать у тебя нет. Надо было тебе – в палате – не слушаться их и не идти с ними, как барашек, неизвестно куда. По крайней мере, ты мог бы известить шахиню – а теперь никто и не уз-

нает, что с тобой сделали. Видишь, как они смотрят на тебя – словно на комок грязи? Подумай: может быть, как-нибудь сумеешь сбежать?

Но путей к бегству ты не видишь. Кругом – только унылые грязные стены и склады со списанным инвентарем, сломанные больничные приборы, тележки для мусора... Единственное постороннее живое существо – облезлая кошка, обнюхивающая грязную нейлоновую одежду.

Чья-то рука приводит в движение кресло-каталку и выкатывает тебя на паркинг. Ты видишь полицейские машины и слегка успокаиваешься. Тебя, все еще без объяснений, сажают в одну из них, следом за вами трогаются фургоны, с изображением известного логотипа стирального порошка, в них полно полицейских – для прикрытия от журналистов или от взбесившихся террористов.

На летном поле вас уже с нетерпением ждет самолет ВВС США. Большое количество людей в бронежилетах и касках оцепили его и встречают тебя холодными взглядами. Столько оружия и брони, точно этапируют опасного преступника. Видишь, как тебя ценят и уважают?.. Но куда они тебя отправляют? Неужели это заговор, чтобы передать тебя в Иран? А может быть, эти люди – не приведи Господь – профессиональные похитители?

Из подъехавшей полицейской машины выходит рассерженная нервная шахиня и, увидев тебя, успокаивается. И тебе тоже ее появление кажется чудом. Никогда за всю совместную жизнь ты так ей не радовался. По виду шахини видно, что и ее привезли сюда, мягко говоря, без почета.

Вы вместе поднимаетесь по небольшому трапу в самолет, и он взлетает. Куда, в каком направлении – неизвестно; и никто на вопросы не отвечает. Охрана внутри самолета ведет себя так, словно вы – ценный и

бьющийся, но бессловесный груз, которой просто нужно вовремя доставить по назначению.

Ты смотришь в иллюминатор, чтобы угадать курс, но это невозможно из-за облаков. И небо ничего тебе не говорит: если бы была ночь, ты бы сориентировался по звездам, но сейчас день. Кроме вас – только голубое сияние, как бы текущее внизу, под крылом, поверх ватного матраца из облаков.

Вскоре самолет снижается, довольно круто, и шасси касаются посадочной полосы. Когда вы останавливаетесь, ты узнаешь аэродром: это одна из военных баз на территории США.

– К счастью, мы еще в Америке, – негромко говоришь ты шахине.

«Ах, мой венценосный отец! Это был тот самый тренировочный лагерь, где проходили подготовку мои летчики. Они учились быть орлами, я же оказался здесь мухой, которой даже небо видеть запрещено».

Квартирка ваша – небольшая и грязноватая, с сомнительной мебелью: например, порванное сиденье диванчика заклеено скотчем... Когда-то ты и представить себе не мог, что будешь жить в таких условиях...

Для встречи с тобой прибывает представитель американского президента и заявляет:

– Ради спасения жизни заложников вы должны как можно скорее покинуть Соединенные Штаты!

Ты отвечаешь с достоинством и самообладанием – это все, что у тебя осталось:

– Я и сам не хочу находиться в вашей стране.

И ты с тревогой подаешь ему руку: дескать, мне больше нечего вам сказать.

Американец поспешно встает, чтобы как можно быстрее сообщить радостную весть вышестоящему начальству. То, что ты не утратил своего достоинства,

удивило его. Едва выйдя из комнаты, в коридоре, он лицом к лицу сталкивается с твоей сестрой-близнецом и протягивает ей руку:

– Здравствуйте, Ваше Высочество!

Твоя сестра взглядом, чернее тучи, смотрит на дипломата и, не удостоив его ни словом, проходит мимо. Хотя ты всю жизнь сам был вежлив и требовал вежливости от других, сейчас эта грубость сестры тебе нравится. Она права, что разгневалась на подлое отношение к тебе американцев. Кроме того, она все еще скорбит по своему сыну, не так давно убитому во Франции. Тебя тоже потрясла гибель твоего племянника – морского офицера – и, между прочим, заставила быть осторожнее. После этого убийства ты как бы услышал шаги смерти, торопливо приближающиеся к тебе.

«Ах, мой венценосный отец! Они совершенно точно знали, кого нужно ликвидировать. Во всей нашей семье был единственный, по-настоящему мужественный человек и патриот: несчастный сын моей сестры!»

Вновь приходится срочно искать место жительства. Стран, готовых принять тебя, – меньше, чем пальцев на одной руке. Единственная страна, которая с распростертыми объятиями, с огромным удовольствием и даже ликованием приняла бы тебя, – это Иран. И кое-кто уже предлагал тебе мужественно вернуться в свою страну, на ее суд. Интересно, что же о тебе думают такие советчики? Ты ответил:

– Мои противники приписывали мне много разных качеств, но глупцом пока не называли. Я не хочу оказаться в роли султана Баязида, которого Тимур посадил в железную клетку.

Остаться и дальше в Америке – значит продолжать подвергаться унижениям. К тому же американцы твердо решили тебя выпроводить, и сейчас ведут пере-

говору с разными странами. Ты слышал, что представитель президента США отправлен в Панаму, чтобы убедить правящего там генерала прислать тебе приглашительное письмо. Этого профессионального картежника ты видишь насквозь и не сомневаешься, что он ухватится за такую козырную карту, как шах.

Догадка твоя вскоре подтвердилась. Посланец президента однажды в неурочный час позвонил своему шефу и сообщил ему радостную новость:

– Генерал к приему гостинца готов.

* * *

В обморочной тишине ты лежишь на самой холодной в мире железной кровати, и вдруг внезапная боль, хищная и свирепая, вцепляется в твои внутренности. Сразу весь лоб покрывается холодным потом, а всем твоим существом овладевает мучительная слабость. После операции, за время которой из твоего живота вылилось столько гнили, ты лишь несколько дней чувствовал облегчение. А потом – день за днем будто распадался на части; и уже сил не было разговаривать, разве что – самыми короткими фразами, обрывками слов, которые ты уже и произнести-то правильно не мог. Ни протеста, ни жалоб в этих словах, только – словно прах чего-то; ведь они и произносились перед возвращением тебя – как целого – в прах. День за днем ты все больше отдалялся от незыблемых законов жизни и уже ничего не считал важным для себя – ни людей, возникающих и исчезающих, ни их перешептывания и вопросительные взгляды, ни цапель и уток, мелькающих за окном, ни смуглянку-медсестру, казавшуюся воплощением жизни и женственности... Ничто больше не имело значения.

Единственное, что еще связывало тебя с жизнью, была цепь воспоминаний...

Военно-транспортным самолетом США вы вылетаете в Панаму: ты, шахиня, собаки, сопровождающие и большое количество багажа в деревянных ящиках. Пункт назначения: остров Жемчужный, вилла на опушке джунглей, с террасой, выходящей на океан; кругом пальмы и, говорят, много декоративных цветов. Название острова напоминает шахине о жемчугах на ее свадебном наряде...

Вы еще не успели устроиться на вилле, как повидать тебя прибывает генерал – президент страны; едва он раскрывает рот, ты чувствуешь сильный запах кокосовой водки. Это мужчина с совершенно животными инстинктами, который сразу положил глаз на шахиню, но при этом отчаянно пытается казаться приличным человеком. Едва успев обменяться взглядами, и ты, и он понимаете, что друг друга никогда не поймете. Целый мир разделяет вас. Ты не видишь в его лице ни намека на признание и благодарность, а он в твоих глазах – ни капли жизнелюбия или, по крайней мере, эгоизма. Ты, на его взгляд, – существо растерянное и побежденное, не заслуживающее даже жалости. Жаль ему только эту красивую женщину: газель, скованную цепью дорогих украшений, а отнюдь не путами романтической любви, хотя и романтическая любовь почти всегда кончается трагически.

Если не принимать во внимание генерала, то воздух на острове приятен, а народ дружелюбен; море, комфорт, безопасность. Охраняют вас двести человек национальных гвардейцев: в три смены, круглосуточно. Позади виллы смотрит в небо ствол зенитной пушки. Прибор записи подводных шумов фиксирует в море все подозрительные звуки, включая даже производимые акулами и китами. Несколько человек – втайне от вас

– расположились в подвальном этаже виллы и записывают все ваши телефонные разговоры.

Шахиня, не ведая об этом, на телефоне почти двадцать четыре часа в сутки, в беседах с разными людьми на разных континентах. Панамские спецы добросовестно записывают все эти переговоры, и вскоре никаких тайн для них не остается, а у вас на этом далеком и красивом острове не остается никакой приватности. Их действия хорошо просчитаны и, видимо, согласуются с латиноамериканской политической номенклатурой...

Здоровье твое улучшилось, и даже вернулся здоровый цвет лица. Ты загораешь на берегу моря, гуляешь по острову, иногда дружелюбно позволяешь некоторым туристам сфотографироваться с тобой. В любой ситуации, может, отчасти из суеверия, ты сохраняешь монаршее достоинство; ты так серьезно к этому относишься, что невозможно – с первого же взгляда – не узнать в тебе падишаха. Некоторые находят тебя слишком самодовольным и горделивым, не понимая, что в этом нет твоей вины, а лишь традиция поведения восточного монарха. Глава национальной гвардии Панама отзывается о тебе так:

– Этот человек действительно считает себя существом из другого мира: вроде сына солнца или какого-то идола.

Но кем бы ты ни был, – сыном солнца, идиолом или падишахом, излучающим божественное сияние, – вскоре ты, как вполне земное существо, начинаешь страдать от вымогательства твоих хозяев. Политику они проводят бесстыдную, обирают тебя все, – от простого подметальщика до шефа полиции. Командующий гвардией постоянно докучает тебе предложениями приобрести какие-то дорогие виллы. Ты вынужден покорно выслушивать его и ездить с ним смотреть эти дома.

Ты остро ощущаешь свою незащищенность. Все нити событий в чужих руках, ты никому ничего не можешь

приказать. А при малейшей твоей жалобе появляются военные катера, вертолеты... И национальные гвардейцы, словно муравьи или саранча, заполняют окрестности виллы.

– Ваше Величество! Получена информация, что убийцы, готовящие нападение на вас и на сеньору шахиню, уже просочились на остров!

Любой протест повышает твои расходы в несколько раз, и счета сыплются дождем. Они настолько огромны, что однажды вы с шахиней ссоритесь из-за оплаты телефонных переговоров. Ее это крайне удручает – и она права. Дело дошло до того, что супруг, как дотошный бухгалтер, проверяет ее телефонные счета! Она кипит от негодования:

– Я не верю, что это вы, Его Величество шахиншах Арьямехр, который всегда относился к деньгам, как к песку в пустыне...

Панамцы нашли новый способ поприжать тебя: отключают телефон, якобы из-за задолженности по оплате переговоров. Узнав об этом, ты не находишь ничего лучшего, кроме как воспроизвести твою обычную фразу:

– Черт бы побрал эту жизнь! Что задумываем и что получаем?

Отключили телефон! Мог ли ты представить, что этот вот сладострастник будет всерьез покушаться на твою жену – твое единственное утешение в эти кошмарные дни и ночи? Он уже расставил для нее сети, и что ты можешь этому противопоставить? Ты оказался столь мелочен, что устроил ей скандал из-за телефона, – а ведь она не от хорошей жизни делает все эти звонки...

Генерал пытается разными способами выманить шахиню к себе. Узнав, что твоя супруга интересуется архитектурой, он настойчиво приглашает ее осмотреть какие-то старинные здания. К чести шахини, она твердо отвечает:

– Я благодарю вас за приглашение. Как только самочувствие моего мужа улучшится, мы вместе осмотрим эти красивые строения.

Ты сидишь на террасе лицом к океану и вдыхаешь жаркий, особенно сегодня такой душный воздух, наблюдаешь за лодками и яхтами, едва видимыми в сияющем тумане. Этот туман – как твоя память, полная тайн. Ты закинул ногу на ногу – поза для тебя редкая – и, случайно взглянув на свои ноги, поразился тому, какими тонкими они стали. Эти ноги уже никуда тебя не приведут и никого не заставят склониться перед ними в поклоне, но что только они не пережили за твою монаршую жизнь!

Ты так глубоко погрузился в созерцание океана, что не сразу услышал голос лакея:

– Ваше Величество, из Америки звонят!

От одного вида черного телефона сердце упало, и плохое предчувствие не обмануло тебя. Звонит твой американский друг:

– Панамский генерал ведет сейчас переговоры с посланцами из Ирана, чтобы – с целью обогащения – обменять вас на американских заложников, или, скажем прямо, продать.

Твои большие сиротливые уши вбирают эту раскаленную новость, а из сердца поднимается холодный вздох. Потоки вулканической лавы, застывая, превращаются в камни, а тебя, наоборот, покидают последние силы. И те непокорные клетки, которые, благодаря медикаментам, годами бездействовали, вдруг ожили и пошли в атаку.

Твоя болезнь резко обострилась. Шахиня бросается в бой и, как всегда, вызывает врача-француза. Американский друг тоже не подкачал и прислал к тебе, специальным авиарейсом, самую разрекламированную знаменитость от хирургии. Как посланец бодрости и здоровья, эта звезда, с командой ассистентов, падает на

ваш остров, и никому даже в голову не приходит спросить: какое отношение имеет к раку кардиохирург?

Врачи из США, Франции, Панамы теперь часами спорят между собой, тогда как твое самочувствие с каждым днем ухудшается. За истекшие месяцы ты сильно потерял в весе, вес же твоей селезенки в такой же мере увеличился; врагов у тебя все больше, а вот количество красных и других кровяных телец падает. Ко всем прочим бедам, у тебя еще и абсцесс в легких нашли...

Нужно как можно скорее оперировать, но кто за это возьмется? Панамцы не хотят уступить американскому хирургу честь вскрытия твоего прекрасного живота. Гордость за свою страну им не позволяет. Однако американцы считают, что в Панаме делать эту операцию небезопасно; французы, – те убеждены, что в настоящее время лечение рака важнее всего прочего.

Ты чувствуешь неловкость оттого, что вынужден безвольно лежать в постели и наблюдать за войной одетых в белое мужчин. За несколько дней до назначенной операции тебя кладут в больницу, но в самый последний момент процесс вдруг снова тормозится. Опять врачи тянут каждый в свою сторону, и весь сыр-бор, видимо, разгорелся из-за того, кто первым сделает тебе укол, чтобы потом начать кромсать твой красивый накачанный живот. Речь идет как о материальных выгодах, так и о престиже того врача или бригады, которые будут руководить операцией.

В общем, тебя возвращают на виллу, а вскоре ты получаешь такие новости, от которых все волоски на твоём больном теле встают дыбом. Оказывается, исламское правительство Ирана выдало огромную сумму денег какому-то из врачей, чтобы он сделал тебе смертельный укол. Нужно, как можно скорее, бежать из этих джунглей. В этой влажной стране единственный закон – беззаконие, правители же ее теснее всех

прочих смертных общаются с наркоторговцами. А тебя рассматривают лишь как посланную им с небес скатерть-самобранку. Ясно, что так просто они тебя из своих рук не выпустят. Только сейчас ты начинаешь понимать, в какое болото угодил.

И вот ты вновь принимаешься за поиски места жительства. С каждым переездом твой выбор все больше сужается, на географической карте уже совсем не осталось подходящих точек. И все-таки нужно бежать...

Но как же тебе плохо! Тобою овладело нечто злое, от чего ты постоянно вздрагиваешь. Ты чувствуешь в челюстях корешки зубов – как песок или камешки, словно косточек в рот набрал... Раздражает в высшей степени. И вонь изо рта и ноздрей, и кости скелета распатались, будто их током бьет. Кожа сморщилась, тело совсем лишилось мяса и съежилось. Необходимость носить дорогие костюмы превратилась в трагедию, а от неуместности галстуков твои глаза оплывают слезами, как две догорающие свечи.

Попытки с кем-либо договориться проваливаются одна за другой. Лишь президент Египта всем сердцем хочет, чтобы ты приехал в его страну, и предлагает специально прислать за тобой самолет. Но американцы не желают этого и отправляют к тебе своего человека, чтобы он отговорил тебя лететь в Египет.

Когда этот американец видит тебя, от изумления он застывает на месте, так сильно ты изменился. Ядовитая улыбка кривит твои губы.

– Я чувствую, что скоро умру, и в этой ситуации единственная моя мысль – о стране и о семье; и умереть я хотел бы достойно: не в неизвестной больнице в затерянной стране, и не в результате врачебной ошибки или подкупа...

Высокопоставленный посланец смотрит на тебя еще более изумленно, а ты говоришь сам себе: «Пусть думают, что хотят. Я уважал их, и к чему это привело?»

Своей некомпетентностью они загубили мое правление, а сейчас хотят, чтобы я вообще отрекся от династических прав. Этот болван специально сюда приехал, чтобы уговорить меня отречься от престола – тогда якобы они все устроят. И ведь они настолько глупы, что верят, будто этим можно задобрить тегеранскую власть: хотят иметь зацепку, чтобы остаться в нашей стране. Политики – бездарнейшие! Один раз их уже ткнули носом в землю – и все равно никаких выводов. Так пошли они к черту со своим посланцем!»

И вот багаж собран, и ты в ожидании отлета поглядываешь на свои дорогие часы. Сознавая, что в любой миг может появиться вооруженная панамская стража, чтобы тебя арестовать; невольно думается и о той железной клетке, которую приготовили для тебя, как ты слышал, жители Шираза – самого поэтического города Ирана... Неужели исполнится их мечта, и ты будешь, скорчившись, сидеть в этой клетке и мечтать, чтобы тебя поскорее вздернули или расстреляли?

«Ах, мой венценосный отец! Эти черные дни так тяжелы, что я не раз пожалел, что мать вообще зачала меня. И пусть сто веков упадут мне на голову за такие грешные мысли...»

Вой твоей черной собаки – как укол в душу. Пес болеет несколько дней и, наверное, уже не выживет; брать его с собой в таком состоянии – смысла нет. Лечили разными средствами – не помогает; и у бедняги теперь такое же страдальческое выражение глаз, как у тебя. Но для него скитания закончились...

По-воровски, с опаской, вы отправляетесь в аэропорт. Везде тишина: загадочное пугающее безмолвие. Панамцы, когда узнали о вашем отъезде, пытались отговаривать, но твое упорство оказалось сильнее, и они, по-видимому, смирились. Но кто знает, что они гото-

вят за кулисами? Ни капли доверия к ним у тебя нет – ни к их обещаниям, ни к договорам с ними. Одно ты знаешь: оставаться здесь – значит навлечь на себя еще более горькую судьбу, чем любая, что может ждать вас в Египте. Арендованный самолет готов, и дай Бог, чтобы пьяный генерал лежал в своем гамаке и вообще не узнал бы о вашем отлете...

Увидев самолет, ты чувствуешь, что последние силы тебя оставили. Сам взойти по трапу ты не можешь, и тебя почти втаскивают в самолетный отсек, где ты и сидишь, в жару и лихорадке, в кресле на колесах.

* * *

– *Ваше Величество, ваше состояние скоро улучшится, и мы все прекрасно проведем время в Александрии.*

Ты с трудом понимаешь, кому принадлежит голос. Это жена президента Египта. Как бы показать ей, что ты услышал. С трудом ты прикрываешь веки. Эта женщина и ее муж так добры к тебе, ты их вечный должник. Ты надеешься, что она заметила движение век. И слышишь, как она спокойно говорит шахине:

– *Мужайтесь, и не показывайте своих чувств! Он понимает все, что происходит вокруг.*

А голос французского врача словно доносится с расстояния в тысячи миль. Он тихо говорит медсестре с локонами, как силки для птиц:

– *Бесполезно!*

И сквозь щели между веками ты видишь руку, которая кладет тебе под подушку небольшой Коран. И слышишь, как бывший зять негромко шепчет тебе:

– *Сейчас у вас шоковое состояние, но вскоре все наладится.*

А твой голос доносится как из камер далеких политических тюрем:

– Вы не понимаете... Я же умираю...

Вдруг ты открываешь глаза, отчего все изумляются и радуются. Словно ты – странник, вернувшийся после многолетнего путешествия. Ты улыбаешься младшей дочери. И она улыбается тебе; она такая же, как всегда: словно в каком-то сне.

Ты – чтобы лучше видеть посетителей – просишь шахиню подложить тебе подушек под спину. Все счастливы и ведут себя так, словно ты полностью выздоровел, и уже нет причин для беспокойства. И впрямь удивительно, что ты, едва придя в сознание, чувствуешь себя лучше обычного. Как будто вернулись все ушедшие силы... Но нет; это лишь затишье перед бурей – краткий миг, когда организм сжигает еще оставшуюся в нем толику энергии. Словно последняя вспышка пламени перед тем, как оно погаснет навсегда. Ты хорошо знаешь, что ощущение приближающейся смерти снимает с глаз умирающего все завесы, позволяя видеть то, что обычно остается незримым. Это последний подарок судьбы: ты сейчас знаешь все, что произойдет в оставшееся тебе время жизни.

Осталось тебе немного, и ты вот-вот станешь прошлым. Значит, живи, действуй сейчас, пока еще не поздно! Присоедини к «настоящему» последний кусок воспоминаний – иначе, если что-то не успеешь вспомнить, так и уйдешь, не завершив свое предназначение.

Самолет описывает над Нилом круг и садится. Ты чувствуешь себя невыносимо плохо. Неужели тебе устроят официальную встречу? Быть не может; но это именно так. Президент Египта с супругой прибыли в аэропорт. Есть и красная дорожка, и почетный караул с оркестром, и трехцветные иранские флаги с солнцем и львом национального герба.

Ты забываешь о боли и радуешься, как мальчишка. Следует показать этому гостеприимному человеку всю

степень твоего уважения к нему. А значит, любой ценой надо надеть костюм и галстук и достойно принять участие в церемонии официальной встречи. Нельзя допустить, чтобы кто-то тебя жалел или смеялся над тобой.

После далеких скитаний ты чувствуешь под ногой практически родную, великолепно-могущественную землю и вдыхаешь запах любви – аромат Востока. Держась, как исполненный достоинства покойник, ты обнимаешь и целуешь президента Египта и сквозь свои дымчатые очки ловишь его грустный взгляд. Он прав: трудно поверить, что ты – тот самый падишах, который всего полтора года назад, по виду совсем здоровый, покидал его страну.

Желая показать, что он числит тебя все-таки по ведомству живых, египетский президент отвозит тебя из аэропорта в Купольный дворец, а не в больницу «Возвращение». Но состояние у тебя критическое, и уже через час ты все же оказываешься в больнице, и вот...

«Ах, мой венценосный отец...»

Подумай: есть ли еще что-то, что ты не вспомнил? Кажется, после того как ты вернулся в Египет и лег в больницу, что-то с тобой случилось? Было ли что-то еще, что ты не... Да нет; была только боль, боль и боль, и тебя оперировали, и повышалась температура; тошило, и внутренности выворачивало наизнанку, и болели кости; и ты чувствовал все зубы в челюстях, словно они стали чем-то лишним, и запах хлороформа, гнили, крови, и блевотины; и что ты в операционной; и потерю сознания; и – как вынимали распухшую селезенку; и опять – возвращение боли, и почти бессонные ночи, и кошмары, когда тебе случалось задремать днем, и кружение вихрей далеких воспоминаний... Ты уходил в ушедшие годы и видел ушедших людей; ты бродил по висячим садам памяти, вспоминая болезни

детства, и дворец Гулистан, и пот над губой нетронутой девы, и поездки с венценосным отцом в деревни, по бездорожью, и учебу, и женитьбу на египетской принцессе, и оккупацию Ирана англичанами и русскими, и ссылку отца. И ты вспоминал, как взошел на падишахский трон, а потом были: вторая женитьба и борьба со Стариком в пижаме, бегство из Ирана и возвращение, и третья женитьба, и, наконец, обретение сына. И – празднование двух-с-половиной-тысячелетнего юбилея монархии и пятидесятилетия династии Пехлеви; и премьер-министры, министры и генералы; и САВАК, и иностранные руководители; и странная болезнь крови; и бесстыдные похождения – с красивейшими девушками мира; и беспорядки, и революция, и бегство из страны, и свержение монархии; и бездомность и бессилие в разных странах. И – боль, боль, боль, и снова потеря сознания, и операция, на желчном пузыре, и снова боль, и беззащитность в скитаниях, и кровь, и гной, и тошнота, и такое раздутие живота, точно он вот-вот разорвется, и выблевывание всех воспоминаний сразу, и снова потеря сознания, и операция, и дренажные трубки в животе, и ошметки поджелудочной железы, и осадок сгнивших желаний, и снова боль, боль, и воскрешение ушедших лет, и удивительные хаотичные воспоминания, и страхи, горечь, и соскальзывание в глубокий обморок, и жестокое кровотечение, и снова боль, и вот теперь...

Что это пытается выйти из твоего тела – пар, тень, волна холодного воздуха? Ноги заледенели, все десять пальцев, и ощущение такое, словно много часов шел босиком по твердому снегу, по лыжне...

«Ах, мой венценосный отец...»

Нет, тебе больше нечего сказать. Запас отпущенных тебе слов и даже звуков иссяк. Ум отказывается

вспоминать. Память твоя словно заледенела, и ток крови в теле остановился. Пакет за пакетом тебе вливают кровь, но она не доходит до всех артерий. Внутренние кровоизлияния лишают смысла процедуру переливания крови: тело твое больше не принимает ее. Ни пульса нет, ни давления. От очень редких вздохов поднимается и опадает грудь, словно вдруг вздымаются язычки уже почти потухшего пламени. Кровь больше не омывает легкие, чтобы взять из них кислород и отнести его к клеткам, и вывести вредные газы для выдоха, и омыть несуществующую селезенку, и пройти сквозь сгнившую печень – чтобы ты мог оставаться свергнутым шахом и с достоинством выдерживать жизнь в изгнании. Посмотри, как мало-помалу умирают твои волосы. Посмотри: ногти постепенно синеют, а кончики пальцев дрожат. Это нервная реакция на отмирание двигательных нервов. Чувствуешь? Сердце уже почти не бьется, дает последние толчки. Почти все органы, кроме мозга, уже отключились. Теперь осталось замереть мозгу. Никогда за всю жизнь мозг твой не был таким бездельным. Центральная нервная система, в основном, выключилась и уже не посылает миллионы сигналов сознанию. Это и есть новая возможность для мозга, освободившегося от обычных забот: начать мерцать, словно фосфорическое сияние, и познать неизведанный человеком мир. Единственные в своем роде мгновения для входа в жизнь-после-смерти, когда дух сливается с частицами космоса.

Ты больше ничего не чувствуешь. Ты – уже не ты, но бесконечная энергия, взрывающая скорлупу бытия и устремляющаяся в тот мир, которому нет конца. Теперь ты пребываешь по ту сторону звуков и взглядов, красок и форм, и ты не слышишь голос шахини, которая тихо спрашивает врача-француза:

– Сколько еще?

– Я сожалею, но Его Величество не доживет до утра, – отвечает он...

И не слышен уже тебе плач, рыдание твоей сестры-близнеца, равно как и звук вращения вентилятора под потолком или таинственного течения Нила, равно как и мяуканье котят, родившихся вчера в гараже больницы, еще слепых, равно как и гудение – на высоте многих миль – самолета, летящего в сторону Ирана.

И запахов ты больше не чувствуешь: ни запаха гниения твоего живота, ни того безжалостного покойнического зловония, которое уже исходит от твоего тела: этот душок похож на запах мертвой почвы и объясняется тем, что твое тело перестало работать и начало разлагаться. Это, конечно, происходило понемногу на всем протяжении жизни – но, благодаря особым химическим процессам, не столь явно.

Врач-француз внимательно взглядывается в твои зрачки; твои глаза, с физиологической точки зрения, еще живы: два нехитро устроенных шарика, которые до последнего мига будут правдиво отражать жизнь. Что-то вроде остаточного взгляда – подобие жирной пленки – еще присутствует в твоих глазах, но зрительный нерв уже не передает в мозг образы зримых вещей.

В твоих расширенных ноздрях тоже пока еще есть ток воздуха. А в лице – уже ни кровинки. Ты стал белый как мел, как трупы уличных демонстрантов, расстрелянных в годы твоего правления...

Все как всегда. Наступил третий день пятого месяца одна тысяча триста пятьдесят девятого года¹. Светает, но еще не исчезла в небе последняя звезда. Еще не взлетели над Нилом птицы. Пирамиды фараонов еще ждут, когда ты сделаешь два коротких отрывистых вдоха, потом один глубокий вдох... И

¹ 27 июля 1980 г.

– конец! Ты только что умер, а пирамиды стоят, в который раз подтверждая, что смерть человека, пусть даже и падишаха, никак на них не сказывается.

Ты действительно скончался, но глаза твои открыты – в противоположность тому времени, когда ты был правящим шахом. И все же это конец, конец всего, в том числе и падишахской эпохи, когда ты казался себе пребывающим выше облаков и тридцать семь лет правил за счет убийства других людей, – хотя внешне вовсе не похож на смерть. Но сейчас ты мертв и даже похож на мертвеца, умершего тысячу лет назад.

Твоя сестра-близнец делает знак шахине и говорит:

– Закройте ему глаза!

Бабушка Шахрбану – среди могил – открывает круглые и блестящие, как пуговицы на кофте, глаза и говорит:

– Дорогой мой, каждого кладут в его собственную могилу.

Дедушка сглатывает комок в горле и отвечает:

– Все видят плоды своих дел в одном и том же мире – что шах, что нищий.

Отец, усмехнувшись, произносит:

– Нет, здесь только начало пути. А ведь есть еще и мост испытаний, и адские костры, и змеи с раздувающимися капюшонами...

Шахиня протягивает руку и закрывает твои веки, а потом достает из-под подушки маленький мешочек с родной землей, томик Корана и еще один бархатный мешочек, полный различных молитв, которые люди писали в разные годы твоего правления: для защиты тебя от покушений и заговоров, для спасения твоего тела и души от злобы шайтанов и джиннов, для того чтобы твоей благословенной персоне не был причинен

вред во время авианерелетов... Этих бумажек столько, что впору удивиться: почему, несмотря на такое множество молитв и талисманов, ты все-таки умер?

Кто-то снимает с твоего пальца кольцо и отдает шахине. Она надевает его на свой палец и начинает плакать.

Тебя отвозят в морг и помещают на металлический стеллаж; и в этой ледяной и безмолвной тьме – вместе с соседями сверху и снизу – ты начинаешь пропитываться холодным запахом камфары и асептического препарата. Твое тело еще теплое, а швы на животе кажутся угловатыми древними письменами: загадочным и назидательным изречением, которое нанесла на тело последнего падишаха Ирана – в виде вышивки шелковой нитью – рука эпохи. И в конце этой строки стоит точка!

Твою полку выдвигают из яруса стеллажей. Кто-то отводит край белой простыни и смотрит на твое лицо сквозь глазок фотокамеры. Щелк!.. Ты никак не реагируешь, позволяя ему закончить свое дело. Наверняка ты сказал сам себе: «Черт притаскивает этих корреспондентов, даже после смерти они не дают нам покоя!»

Через день, когда твое лицо в профиль появилось в одном из известных журналов, люди из твоего окружения были поражены. Как всегда, ты сохранил шахскую горделивость и достоинство и не позволил неизвестному фотографу запечатлеть тебя несчастным. Ты лежишь, но как бы приподнял голову и смотришь туда, вдаль. Словно следишь за перелетной птицей, заблудившейся в небе. Взгляд у тебя, как всегда, царственный, лицо величавое – приличествующее памяти, – и все-таки кажется, будто сразу после смерти ты увидел нечто, что тебя ужаснуло...

«Ах, мой венценосный отец, где ты?..»

Мохаммад-Казем Мазинани

ШАХ БЕЗ БУКВЫ «Ш»

Перевод с фарси Асии Исабаевой

Корректурa и редактурa: *О.А. Фомина*
Компьютерная верстка: *Р. Атабаев*

Подписано в печать 23.10.2015 г.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат бумаги 84x60 $\frac{1}{16}$. Объем 18,25 п. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 1386.

Отпечатано в типографии издательства «Турар»
720031, г. Бишкек, ул. М. Горького, 1